РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. СЕНТЯБРЬ. 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году. I

II. Къ портрету Министра Иностранныхъ Дѣлъ Сергѣя Дмитріевича Сазонова. . . . . I—V

III. Вступленіе на австрійскій престолъ Императора Франца-Іосифа со смертными приговорами возставшихъ венгеровъ.—Слова Бисмарка о своемъ положеніи при вступленіи на престолъ Императора Вильгельма II.—Послѣдній завѣтъ Бисмарка Вильгельму II.—Императоръ Вильгельмъ II и Командиръ л.-гв. Павловскаго полка на Лейпцигскихъ торжествахъ 5 октября 1913 г. . . . . VI—VIII

IV. 153 года тому назадъ. (Историческ. справка). Сообщ. Л. Д. . . 387—388

V. Кто основалъ Пруссію въ 1813 г. Е. С. Шумигорскаго. . . . 389—401

VI. Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. (Съ примѣч. П. Д. Боскова). Гр. Н. П. Игнатьева. 402—[illegible]

VII. Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова. (Петербургской губерніи, Лужскаго у.). Сообщ. А. А. Половцова. . . . . 408—411

VIII. Люди и нравы за полвѣка. Н. Морозова. 412—417

IX. Письмо Императора Александра I къ неизвѣстному о пріѣздѣ въ Россію шведскаго короля Густава IV Адольфа. Сообщ. В. Арсеньевъ. . . . . 418—419

X. Историческая записка о принятыхъ мѣрахъ осторожности по случаю открывшейся въ окрестностяхъ города Одессы чумной заразы. Сообщ. М. М. Киріаковъ. . . . 420—429

XI. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Сообщ. Е. С. М. . . 430—440

XII. Къ біографіи декабриста В. Л. Давыдова. Н. А. Мурзанова. 441—443

XIII. Добрывичскій семейный архивъ Чихачевыхъ. Н. Д. Чихачева. . . . . 444—459

XIV. Александръ Платоновичъ Барсуковъ. М. Барсукова . . . . 460—464

XV. Межевой. Изъ жизни землеустроителей 90-хъ годовъ). П. И. Соколова. . . . . 465—485

XVI. Жрица чистаго искусства. Е. М. Бемъ. С. Лаврентьевой. 486—487

XVII. Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. В. Г. Смородинова . . 488—553

XVIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12-го іюня по 7-ое августа 1914 г. . 554—572

XIX. Библіографическій листокъ (на обложкѣ).

Приложенія: Портреты: 1) Сергѣя Дмитріевича Сазонова, 2) А. А. Половцова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ—9 руб., за границу—11 руб.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1914 года.

14188

51
914—9

14188 | 51/14—9
Русская Старина
1914 г. № 9.

1916
1919

БЕРЕГИТЕ КНИГИ!

Не перегибайте книгу во время чтенія.
Не загибайте угловъ.
Не дѣлайте надписей на книгѣ.
Не смачивайте пальцевъ слюною, перелистывая книгу.
Завертывайте книгу въ бумагу.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ, принимающихъ подписку.

Редакція журнала «Русская Старина» доводитъ до свѣдѣнія, что **съ 1-го января будущаго 1915 года, подписная цѣна на это изданіе будетъ увеличена на одинъ рубль.**

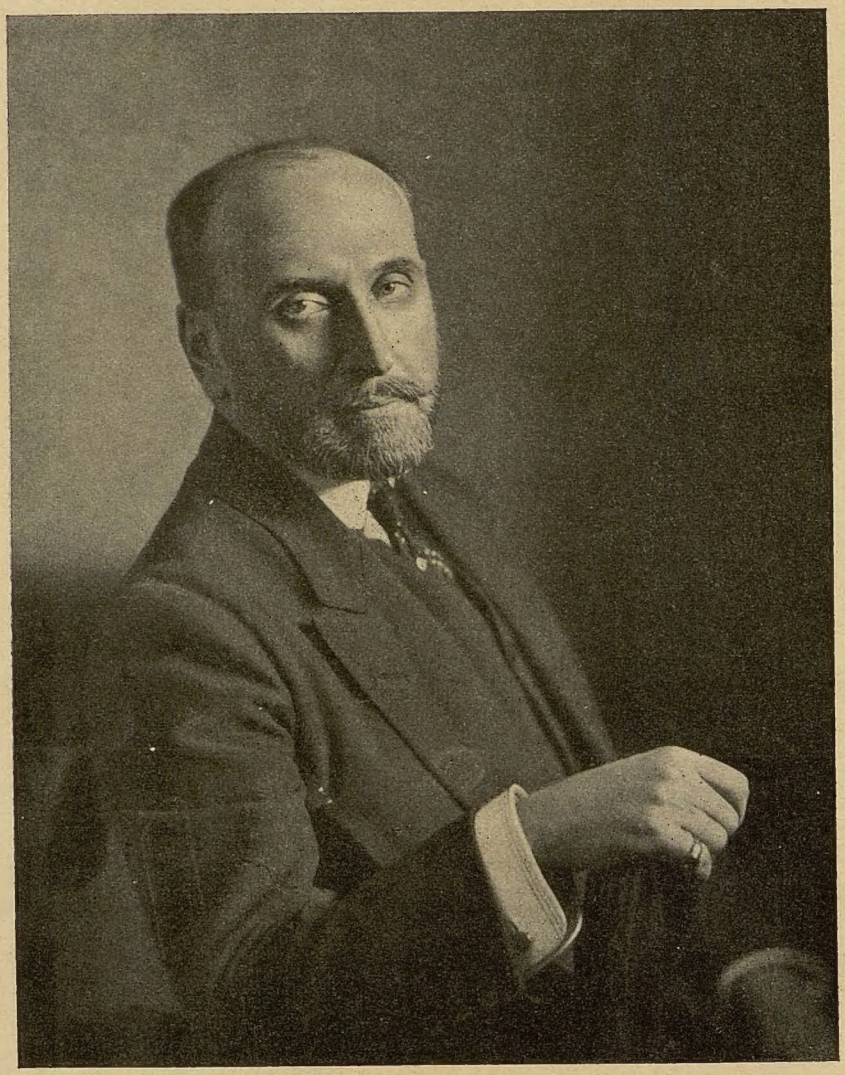
Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи **вмѣсто 9-ти рублей—10 рублей; за границу, вмѣсто 11-ти рублей—12 рублей.**

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 18.

25426

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Сергѣй Дмитріевичъ

САЗОНОВЪ.

14188 инв.

05
Р 88

Въ статьѣ—„Къ портрету Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Сергѣя Дмитріевича Сазонова“, вкралась опечатка, въ 3-й строкѣ сверху напечатано: также блестящую, а слѣдуетъ читать: такую блестящую.

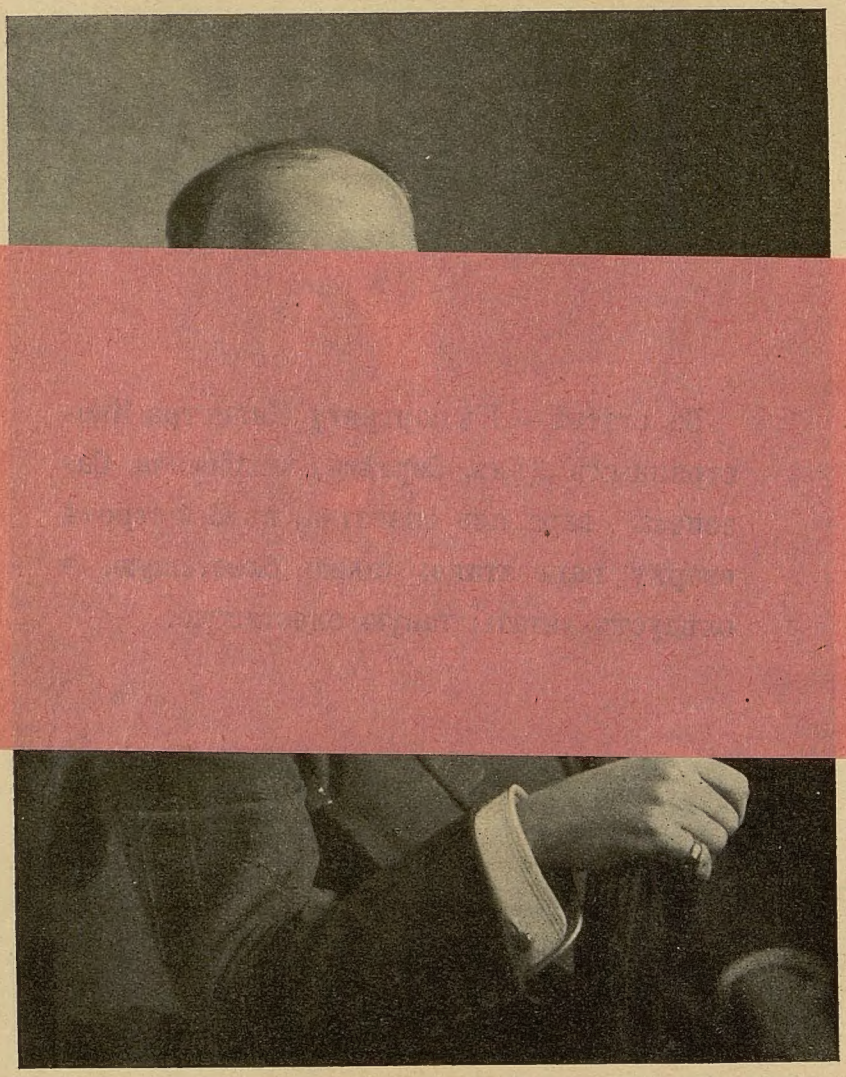
тѣмъ, считая русско-нѣмецкую войну неизбѣжной въ недалекомъ будущемъ, не далъ увлечь Россію въ балканскую распрю, полагая въ это время политическую подготовку еще не законченной, такъ какъ наши теперешніе союзники не считали тогда событія на Балканскомъ полуостровѣ своимъ дѣломъ.

Эти государственныя заслуги Министра Иностранныхъ Дѣлъ торжественно были признаны всѣми депутатами Государственной Думы въ знаменательномъ, историческомъ засѣданіи въ Таврическомъ Дворцѣ 25 іюля сего года.

Какъ только С. Д. всталъ съ своего мѣста въ министерской ложѣ, намѣреваясь отправиться къ каѳедрѣ для произнесенія декларації, то всю Госуд. Думу захватилъ сразу стихійный порывъ выразить этому государственному дѣятелю бурное одобреніе за то что сдѣлалъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ для Россіи своей блестящей подготовкой русско-нѣмецкой войны.

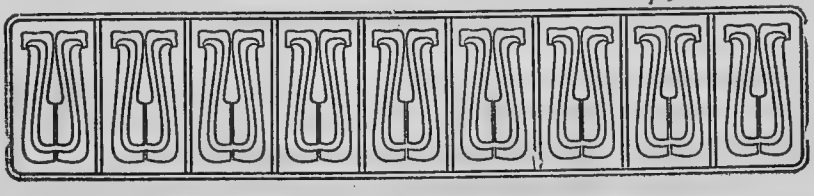
Бурный вихрь рукоплесканій, многократно, страстными порывами, овладѣвалъ всѣми членами Государственной Думы, всѣми министрами и всей присутствующей публикой.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Сергѣй Дмитріевичъ
САЗОНОВЪ.

1/188 нив.



05
Р. 88.

Къ портрету Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Сергѣя Дмитріевича Сазонова.

Предлагаемъ вниманію читателей портретъ нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Сергѣя Дмитріевича Сазонова, свершившаго также блестящую политическую подготовку русско-нѣмецкой войны: въ настоящее время нашими союзниками состоятъ Франція, Англія, Бельгія, Японія, Сербія и Черногорія. Остаются нейтральными Италія и пока Румынія.

25/26

Съ особой признательностью должна вспомнить Россія за слуги Сергѣя Дмитріевича родинѣ, когда онъ за годъ передъ тѣмъ, считая русско-нѣмецкую войну неизбѣжной въ недалекомъ будущемъ, не далъ увлечь Россію въ балканскую распрю, полагая въ это время политическую подготовку еще не законченной, такъ какъ наши теперешніе союзники не считали тогда событія на Балканскомъ полуостровѣ своимъ дѣломъ.

Эти государственныя заслуги Министра Иностранныхъ Дѣлъ торжественно были признаны всѣми депутатами Государственной Думы въ знаменательномъ, историческомъ засѣданіи въ Таврическомъ Дворцѣ 25 іюля сего года.

Какъ только С. Д. всталъ съ своего мѣста въ министерской ложѣ, намѣреваясь отправиться къ каѳедрѣ для произнесенія декларації, то всю Госуд. Думу захватилъ сразу стихійный порывъ выразить этому государственному дѣятелю бурное одобреніе за то что сдѣлалъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ для Россіи своей блестящей подготовкой русско-нѣмецкой войны.

Бурный вихрь рукоплесканій, многократно, страстными порывами, овладѣвалъ всѣми членами Государственной Думы, всѣми министрами и всей присутствующей публикой.

Историческій фонд
Московской обл. библиотеки

Пораженный такимъ тріумфальнымъ признаніемъ его заслугъ, С. Д. нѣсколько разъ тщетно пытался идти на трибуну, но былъ удерживаемъ на мѣстѣ громомъ рукоплесканій.

Только послѣ значительнаго промежутка времени министръ, напутствуемый рукоплесканіями, могъ идти на каѳедру и произнесть свою скромную декларацію, которую приводимъ дословно.

Ред.

— Гг. члены Государственной Думы!—говоритъ министръ,—въ трудныя минуты, минуты отвѣтственныхъ рѣшеній, правительство почерпало силы въ сознаніи полнаго единомыслія своего съ народной совѣстью. (*Возгласы:* „браво“ на всѣхъ скамьяхъ).

Когда наступитъ время для исторіи произнести свой безпристрастный судъ, ея рѣшеніе, я твердо въ это вѣрю, не будетъ инымъ, какъ то, которымъ мы руководились: Россія не могла уклониться отъ дерзкаго вызова своихъ враговъ. Она не могла отказаться отъ лучшихъ завѣтовъ своей исторіи, она не могла перестать быть великой Россіей. (*Возгласы:* „браво, браво“! Бурные аплод. на всѣхъ скамьяхъ).

Наши враги стремятся на насъ перенести отвѣтственность за бѣдствія, которыя они навлекли на Европу. Но ихъ лживые навѣты не могутъ ввести въ заблужденіе никого, кто добросовѣстно слѣдитъ за политикой Россіи за послѣдніе годы и за послѣдніе дни.

Въ сознаніи необъятныхъ задачъ, связанныхъ съ ея внутреннимъ развитіемъ и преуспѣяніемъ, Россія не со вчерашняго дня дала многочисленныя доказательства своего искренняго миролюбія. Только, благодаря этому миролюбію, въ Европѣ былъ предотвращенъ пожаръ, готовый разгорѣться, когда въ 1912—1913 годахъ возникла борьба на Балканахъ.

Не въ ней, не въ русской политикѣ заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россія никогда не полагала въ тщеславномъ бряцаніи оружіемъ, въ попраніи чужого самолюбія, въ пренебреженіи къ правамъ слабыхъ. (*Возгласы:* „браво“. *Аплод.*). Спокойная, мирная мощь Россіи не давала покоя ея врагамъ.

Нужно ли напомнить вамъ о всѣхъ попыткахъ Австро-Венгріи подорвать историческое положеніе Россіи на Балканахъ. Пришелъ часъ, когда я могу здѣсь не обинуясь сказать, что

ея стараніями удалось посѣять братоубійственную рознь между Болгаріей и ея союзниками. (*Движеніе въ залѣ*). Но подвергшееся тяжелымъ испытаніямъ дѣло единенія православныхъ народовъ Балканскаго полуострова, Богъ дастъ, не погибнетъ.

Вы знаете поводъ войны. Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрія рѣшила выйти изъ нихъ какимъ-нибудь ударомъ, который создалъ бы впечатлѣніе ея силы, нанеся въ то же время Россіи униженіе. Для этой цѣли была выбрана Сербія, съ которой связываютъ насъ узы исторіи, происхожденія и вѣры.

Вамъ извѣстны условія, при которыхъ Сербіи былъ предъявленъ ультиматумъ. Согласившись на него, Сербія стала бы вассаломъ Австріи. Было явно, что для насъ не вступиться въ дѣло—значило бы не только отказаться отъ вѣковой роли Россіи, какъ защитницы балканскихъ народовъ, но и признать, что воля Австріи и стоящей за ея спиной Германіи для Европы есть законъ. (*Возгласы*: „браво, браво“. *Общіе аплод.*).

На это не могли согласиться ни мы, ни Франція, ни Англія.

Не менѣе насъ наши доблестные союзники прилагали свои усилія къ укрѣпленію мира въ Европѣ. Наши враги ошиблись, принявъ эти усилія за проявленіе слабости.

И послѣ вызова, брошеннаго Австріей, Россія не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести къ мирному разрѣшенію конфликта. Въ этомъ направленіи были честно до конца исчерпаны всѣ усилія наши и нашихъ союзниковъ. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ документовъ, которые будутъ обнародованы и которые излагаютъ послѣдовательный ходъ переговоровъ. Мы твердо стояли на одномъ условіи. Готовые принять всякій компромиссъ, способный безъ умаленія ея достоинства быть принятымъ Австріей, мы исключили все, что могло задѣть самостоятельность и независимость Сербіи.

Съ самаго начала мы не скрывали нашей точки зрѣнія отъ Германіи. Несомнѣнно, что если бы берлинскій кабинетъ захотѣлъ, онъ могъ бы во-время, однимъ властнымъ словомъ, остановить свою союзницу такъ же, какъ онъ сдѣлалъ это во время балканскаго кризиса. (*Возгласы*: „вѣрно, вѣрно“!). Между тѣмъ, Германія, которая за самые послѣдніе дни не переставала высказывать на словахъ свою готовность воздѣйствовать на Вѣну, отвергла одно за другимъ дѣлавшіяся ей предложенія и съ своей стороны выступала съ пустыми завѣреніями. Время шло, переговоры не подвигались. Австрія подвергла Бѣлградъ ожесточенной бомбардировкѣ. Это былъ организованный правитель-

ствомъ погромъ, естественное продолженіе погромовъ беззащитнаго сербскаго населенія Сараева послѣ извѣстнаго злодѣянія 15 іюня. Явная цѣль всего этого было выиграть переговорами время, поставить насъ и Европу передъ совершившимся фактомъ униженія и уничтоженія Сербіи.

При такихъ условіяхъ мы не могли не принять естественныхъ мѣръ предосторожности, тѣмъ болѣе, что Австрія уже мобилизировала половину своей арміи.

Когда въ Россіи была объявлена мобилизація арміи и флота, Государю Императору благоугодно было Своимъ Царственнымъ словомъ поручиться передъ германскимъ императоромъ, что Россія не приступитъ къ примѣненію силы, пока есть надежда на мирный исходъ переговоровъ на тѣхъ, полныхъ умѣренности началахъ, о которыхъ я упомянулъ. Этотъ голосъ не былъ услышанъ. Германія объявила войну сначала намъ, потомъ нашей союзницѣ. Потерявъ всякое самообладаніе, она стала попирать общепризнанныя права государствъ, нейтралитетъ коихъ обезпеченъ торжественной подписью ея самой, наравнѣ съ другими государствами. (*Возгласы на всѣхъ скамьяхъ*: „Позоръ, позоръ!“) Нельзя не преклониться передъ героизмомъ бельгійскаго народа, борющагося противъ огромной германской арміи. (*Бурные аплод. на всѣхъ скамьяхъ. Депутаты встаютъ и съ энтузіазмомъ привѣтствуютъ находящагося въ дипломатической ложѣ представителя Бельгіи*).

Образъ дѣйствій Германіи не могъ не вызвать глубокаго негодованія всего цивилизованнаго міра и прежде всего благородной Франціи, которая вмѣстѣ съ нами стала на защиту попраннаго права и справедливости. (*Взрывъ аплод. на всѣхъ скамьяхъ. Возгласы*: „Да здравствуетъ Франція!“. *Депутаты встаютъ съ мѣстъ и устраиваютъ овацію французскому послу*).

Нужно ли говорить, что тѣ же чувства одухотворяли Англію, которая, какъ одинъ человѣкъ, воплотилась въ общемъ чувствѣ—необходимости дать отпоръ Германіи въ ея стремленіи наложить на Европу тяжелую руку своей гегемоніи. (*Аплод. на всѣхъ скамьяхъ. Депутаты стоя привѣтствуютъ англійскаго посла*).

Теперь тотъ поводъ, изъ-за котораго возникла война, отступаетъ передъ значеніемъ, которое она пріобрѣтаетъ для каждаго изъ насъ и нашихъ союзниковъ.

Германія объявила намъ войну 19 іюля, а черезъ пять дней послѣ нея и Австрія, мотивировавшая свое рѣшеніе нашимъ вмѣшательствомъ въ свой споръ съ Сербіей, а также тѣмъ, что

мы открыли враждебныя дѣйствія противъ Германіи. Этимъ будто бы и вызвана война послѣдней противъ насъ. Непріятельскія войска вступили на Русскую землю. Мы боремся за пашу родину, за свое достоинство и положеніе великой державы. (*Возгласы*: „Браво, браво!“) Владычества Германіи и ея союзницы въ Европѣ мы допустить не можемъ. (*Громкіе возгласы*: „Браво, браво!) Тѣ же побужденія руководятъ нашими союзниками.

Мы не предавались пустому тщеславію. Мы знаемъ, что на нашемъ пути могутъ быть тяжелыя испытанія.

Они уже учитываются нашими врагами. Не зная Россіи и презрѣвъ ея исторію, они разсчитываютъ на возможность малодушія съ нашей стороны. Но Богъ, не оставившій Россію въ самыя тяжелыя годины ея исторіи, не покинетъ и теперь нашей родины, которая вся сплотилась вокругъ своего Царя въ общемъ чувствѣ любви и самопожертвованія. (*Бурные аплод. на всѣхъ скамьяхъ и возгласы*: „Вѣрно, вѣрно!“)

Со смиреннымъ упованіемъ на помощь Божію, съ непоколебимой вѣрой въ Россію, правительство съ горячимъ довѣріемъ обращается къ вамъ, народнымъ избранникамъ, убѣжденное, что въ вашемъ лицѣ отражается образъ нашей великой родины, надъ которой да не посмѣются наши враги“.

Министръ покидаетъ трибуну въ большомъ волненіи. И Дума устраиваетъ ему новыя овація.

Изъ записной книжки Русской Старины.

Вступленіе на австрійскій престолъ императора Франца Іосифа со смертными приговорами возставшимъ венгерцамъ.—Слова Бисмарка о своемъ положеніи при вступленіи на престолъ императора Вильгельма II.—Послѣдній завѣтъ Бисмарка Вильгельму II.—Императоръ Вильгельмъ II и командиръ л.-гв. Павловскаго полка на Лейпцигскихъ торжествахъ 5 октября 1913 г.

Основатель и высокоталантливый первый редакторъ „Русской Старины“ Михаилъ Ивановичъ Семевскій, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Великаго Князя Константина Николаевича, передавалъ намъ слѣдующій разсказъ про императора Франца Іосифа.

По окончаніи Венгерской кампаніи въ 1848 г. австрійскимъ императоромъ сдѣлался Францъ Іосифъ, возведенный на престолъ побѣдами русскихъ войскъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ долженъ былъ, по повелѣнію Императора Николая I, поздравить Франца Іосифа съ вступленіемъ на престолъ.

Въ честь Великаго Князя при австрійскомъ дворѣ устраивалось много различныхъ празднествъ.

Одинъ разъ Великій Князь былъ приглашенъ на охоту, на которую онъ долженъ былъ выѣхать изъ дворца вмѣстѣ съ императоромъ Францемъ Іосифомъ.

В. К. Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ въ назначенное время, и австрійскій императоръ просилъ Великаго Князя подождать въ кабинетѣ, пока онъ не подпишетъ лежащую передъ нимъ высокую стопу бумагъ.

Францъ Іосифъ подписывалъ бумаги, разговаривалъ съ Великимъ Княземъ, и опять подписывалъ бумаги.

Передъ окончаніемъ послѣдней подписи Великій Князь спросилъ у Франца Іосифа, какія бумаги онъ подписывалъ.

Молодой императоръ, нисколько не смущаясь, спокойно отвѣтилъ:

— Это смертные приговоры мятежнымъ венгерцамъ.

По вступленіи на престолъ императора Вильгельма II, германскій императоръ сталъ постепенно устранять Кн. Бисмарка отъ дѣлъ, и не взирая на его громадныя заслуги для Германіи, ставитъ его въ положеніе обыкновеннаго министра.

Въ это время въ Россіи былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ, и посланникомъ въ Берлинѣ гр. П. А. Шуваловъ.

Какъ-то графъ Шуваловъ уѣхалъ въ отпускъ и, по возвращеніи, сдѣлалъ визитъ кн. Бисмарку и спросилъ его, какъ онъ поживаетъ. На это графъ Бисмаркъ ему отвѣтилъ: „Я не князь Бисмаркъ теперь, а я Гирсъ“.

Вскорѣ политическая дѣятельность кн. Бисмарка кончилась. Онъ былъ совсѣмъ устраненъ отъ дѣлъ Вильгельмомъ II. Послѣдними словами кн. Бисмарка Вильгельму II были:

— Если хотите полнаго благополучія Германіи, то никогда не воюйте съ Россіей.

---

5 октября 1913 года, во время торжествъ въ Лейпцигѣ, военнымъ представителямъ былъ данъ Саксонскимъ королемъ обѣдъ, при чемъ, послѣ обѣда, всѣ члены Лейпцигскаго, русскаго, комитета[1]) были представлены императору Вильгельму II; одинъ товарищъ предсѣдателя Лейпцигскаго комитета не пожелалъ представиться Вильгельму II.

Когда императоръ Вильгельмъ II подошелъ, къ члену Лейпцигскаго комитета, командиру л.-гв. Павловскаго полка Свиты Его Величества генералъ-маіору Некрасову, то, увидя на его

---

[1]) Комитетъ по сооруженію храма-памятника на полѣ Лейпцигскаго сраженія. *Ред.*

груди георгіевскій крестъ, спросилъ его, въ какихъ войнахъ онъ участвовалъ.

Генералъ Некрасовъ отвѣтилъ германскому императору:—„я участвовалъ въ китайской войнѣ, японской войнѣ и пламенно желаю участвовать въ третьей войнѣ". Вильгельмъ, нѣсколько смутившись, спросилъ ген. Некрасова:—почему же онъ такъ желаетъ участвовать въ третьей войнѣ. На это ген. Некрасовъ отвѣтилъ: „я получилъ за войну георгіевскій крестъ, чинъ генерала, гвардейскій полкъ, зачисленъ въ Свиту Государя—и какъ же послѣ всего этого мнѣ не желать участія въ войнѣ, которая такъ меня много наградила".

Теперь желаніе генерала Некрасова сбылось, и онъ участвуетъ въ третьей войнѣ.

Ред.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина" предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго. **С. Е. О.** — „Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о взятіи Парижа". „Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны". **П. А. Зотова.**—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.". Записки **Н. В. Исакова.**—„Военныя дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ". **Г. И. Бобрикова.**—Воспоминанія. **Е. С. Шумигорскаго.** — „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I". „Смольный монастырь". „О запискахъ Екатерины II". **А. З. Попельницкаго.**—„Спеціальная цензура книгъ". **П. К. Козлова.**—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ". **А. М. Колонтай.**—„Записки генерала М. А. Домонтовича" **П. Л. Юдина.**—„Посольство Марины къ шаху Аббасу". „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ". **А. С. Панкратова.** — „Старообрядцы и Наполеонъ I". **В. А. Андреева.** — „Дневникъ И. М. Снѣгирева 1825—1828 гг." **Н. К. Полеваго.**—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г." (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). **Сообщ. Е. С. Шумигорскій.** — „Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года". „Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина". „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I". **Н. А. Вилламова.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **С. Н. Брайловскаго.**—„Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бринкенъ на родинѣ". **А. С. Лацинскаго.**—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году". **В. А. Арсеньева.**—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову". Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. **П. А. Висковатова.** „Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу". **И. В. Мѣщанинова.** — „Два письма Аракчеева". **И. П. Мордвинова.**— „Гибель крамольнаго рудомета". „Демократъ двадцатыхъ годовъ". „Непризнанный геній". **Ф. П. Уловича.**—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій". **Н. А. Мурзанова.**—„Къ біографіи декабристовъ: кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Лунина". **В. Дометти.**—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ". **Н. П. Хитрово.**—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году". **М. В. Безобразовой.**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова". **В. А. Степанова.**— „Таинственный преступникъ". **А. М. Самбурскаго.**—„Очерки изъ семейной жизни". **Владиславлева.** — „Подонки родины". **С. В. Танѣева.**—„Курьезы старой Москвы". **З. А. Слезкинской.**—„Неудачная опека". **С. С. Чеха.**—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты". **М. В. Станиславскаго.**— „Э. Ф. Направникъ". **С. Н. Введенскаго.**—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ". „Демонскіе лики въ Рязани". **Т. М. Оленникова.** — „Іеромонахъ Юрьева монастыря Платонъ и его рукописи". **Е. С. М.**—„Депутатъ отъ Россіи". **Н. Ф. Мельницкаго.**—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну". **Д. М. Лаврова.** — „Углицкій ссыльный колоколъ". **Н. И. Морозова.**— „Люди и нравы за полвѣка". **Б. В. Каховскаго.**—„Дневникъ М. И. Каховскаго о походѣ 1814 г." **А. Ѳ. Андріяшева.**—„Воспоминанія стараго педагога". Воспоминанія **Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа **Н. П. Игнатьева** о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;
„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

153 года тому назадъ.

(Историческая справка).

Не безинтереснымъ въ настоящее время представляется, между прочимъ, воспроизведеніе въ печати нижеслѣдующаго стариннаго документа, приведеннаго въ XXII приложеніи (по рукоп. В. У. Архива 228, С.) къ II вып. соч. Д. Масловскаго „Русская армія въ семилѣтнюю войну“, изд. 1888 (стр. 106—107).

Порядокъ объявленія въ Кенигсбергѣ въ 1761 году указа Императрицы Елизаветы о правахъ жителей въ Пруссіи.

8 февраля, по учиненной наканунѣ повѣсткѣ всѣ здѣшнихъ судебныхъ мѣстъ чины въ главную квартиру собрались и въ показанной имъ залѣ повелѣнія ожидали. Главнокомандующій арміею господинъ генералъ и королевства Прусскаго назначенный генералъ-губернаторъ съ многочисленною ассистенціею, какъ генералитета, такъ и штабъ и оберъ-офицеровъ, въ девять часовъ передъ полуднемъ, изъ своихъ покоевъ прибылъ въ реченную залу, гдѣ, принявъ отъ ассесора Веселитскаго, подъ отверстною печатью пакетъ, надписанный въ здѣшнее правленіе, оберъ-секретаря онаго позвалъ, и обратясь къ прочимъ сказалъ: Всѣ здѣшняго правленія министры ретировались, а господинъ дѣйствительный тайный статскій и военный совѣтникъ Лесгевангъ за старостью и дряхлостью присутствовать не можетъ; итако, онъ одинъ, сего департамента,

главнымъ будучи, желаетъ, чтобы оберъ-секретарь именной Ея Императорскаго Величества указъ и пріобщенные къ оному пункты въ слухъ передъ всѣми читалъ; что и учинено.

А потомъ, духовному чину, военной и о доходахъ каморѣ, магистрату и академіи по одному запечатанному пакету розданы.

Послѣ чего, собранные принесли свои всенижайшія благодаренія за толикое Ея Императорскаго Величества къ нимъ великодушіе и милосердіе, генералъ-губернатора въ семъ достоинствѣ поздравивъ,—разъѣхались.

Сообщилъ **Л. Д.**

Кто освободилъ Пруссію въ 1813 году?

Въ истекшемъ году исполнилось столѣтіе съ того знаменательнаго времени, когда Пруссія, пользуясь разгромомъ великой арміи Наполеона въ Россіи въ 1812 году, подняла въ союзѣ съ Императоромъ Александромъ I оружіе противъ своего притѣснителя и заняла при постоянной и непоколебимой поддержкѣ Россіи свое мѣсто среди великихъ державъ еще съ большимъ значеніемъ, чѣмъ прежде. Безъ сомнѣнія, пруссаки въ правѣ гордиться тѣми усиліями, которыя ихъ прадѣды проявили въ этой борьбѣ за независимость и величіе своей родины, но вопросъ заключается въ томъ, отвѣчали ли ихъ матеріальныя силы и средства этому патріотическому одушевленію, и рѣшились ли бы они на борьбу съ геніальнымъ императоромъ-полководцемъ безъ прочной увѣренности въ томъ, что ихъ поддержитъ на этомъ актѣ сила, несравненно болѣе могучая и безкорыстная. Празднуя нынѣ юбилей своего освобожденія, нѣмцы и въ частности пруссаки увлеклись своимъ тевтонскимъ величіемъ при современномъ политическомъ положеніи и забыли, даже въ императорской рѣчи упомянуть объ истинномъ виновникѣ этого освобожденія и нынѣшняго величія — Императорѣ всероссійскомъ, Александрѣ I-мъ, которому они по всей справедливости должны были бы воздвигнуть теперь памятникъ. Разумѣется, не намъ, русскимъ начала XX вѣка, слѣдуетъ восхищаться самоотверженными дѣяніями Императора Александра на пользу Пруссіи и всей Германіи, но мы должны въ старыхъ ошибкахъ своихъ искать уроковъ для грядущихъ своихъ дѣйствій, должны возстановить историческую истину тамъ, гдѣ наблюдается вопіющая подтасовка историческихъ фактовъ, продолжающаяся уже

болѣе столѣтія, увы, и въ русской литературѣ не меньше, чѣмъ въ нѣмецкой.

Въ самомъ дѣлѣ, мы съ грустью должны констатировать фактъ длительной фальсификаціи исторіи въ русской исторіографіи, насколько это касается прусско-русскихъ отношеній. Почти въ теченіе цѣлаго столѣтія, вслѣдствіе близкихъ отношеній прусскаго королевскаго дома къ Императорамъ Александру I, Николаю I и Александру II, Пруссія пользовалась въ нашей литературѣ, политической и исторической особымъ привилегированнымъ положеніемъ; даже въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра III русское правительство, вслѣдствіе жалобъ Бисмарка, готовилось жестоко наказать Каткова, когда онъ сталъ послѣ печальной памяти Берлинскаго конгресса и заключенія австро-германскаго союза выяснять въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ двоедушную политику Германіи относительно Россіи, и лишь благодаря личному вмѣшательству въ это дѣло незабвеннаго Государя, Катковъ освобожденъ былъ отъ преслѣдованія властей, придерживавшихся традиціонныхъ взглядовъ на прусско-русскія отношенія. До Александра III нелицепріятная исторія должна была иногда молчать въ Россіи, когда дѣло шло о Пруссіи... Никто больше Сергѣя Михайловича Соловьева не пользовался въ царствованіе Александра II свободою отъ цензурныхъ стѣсненій въ своихъ историческихъ работахъ, а между тѣмъ даже ему пришлось допустить въ своемъ трудѣ: „Александръ I. Политика и дипломатія“ такія умолчанія объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи и наоборотъ, которыя искажали историческую истину вообще, а въ частности и дѣйствительный ходъ событій 1813 года. Мы попробуемъ въ настоящемъ очеркѣ установить истинный характеръ русско-прусскихъ отношеній въ 1813 году, когда предки наши добросовѣстно орошали своею кровью германскія поля въ гигантской борьбѣ съ Наполеономъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уяснить истинный характеръ дѣйствій величавыхъ нынѣ тевтоновъ въ эпоху ихъ освободительной войны. Авось уроки прошлаго, хотя въ чемъ-либо пригодятся намъ теперь... Менѣе всего, конечно, мы думаемъ подогрѣть нѣмецкую благородность, которая въ политикѣ не даромъ считается глупостью. Разсчитывавшихъ на не русскихъ дѣятелей второй половины царствованія Александра II самъ Бисмаркъ цинически-откровенно окрестилъ словами: „Liese dumme Kerle“... Какая злая оцѣнка русской политики, всегда дружественной въ теченіе XIX вѣка по отношенію къ Пруссіи и вообще къ Германіи!

Въ исторической литературѣ уже прочно установлена мысль, что для Россіи собственно борьба съ Наполеономъ должна была кончиться кампаніей 1812 года. Наполеонъ, потерявъ въ снѣгахъ Россіи всю свою армію, уже готовъ былъ на большія уступки Россіи на Востокѣ для того, чтобы сохранить свое положеніе на Западѣ, гдѣ порабощенные имъ народы начинали уже шевелиться. Для Россіи компромиссъ съ пораженнымъ завоевателемъ также представлялъ однѣ только выгоды. Великій корсиканецъ былъ бы слишкомъ удрученъ домашними своими дѣлами, чтобы не дорожить согласіемъ съ Россіей еще болѣе, чѣмъ прежде, а такъ называемая Европа также занята была бы болѣе своими отношеніями къ Наполеону, наложившему на нее властную свою руку, чѣмъ вмѣшательствомъ во внѣшнія дѣла великой восточной державы, которая одна только служила преградой его деспотизму. И дѣйствительно, лучшіе русскіе люди того времени думали, что послѣ кампаніи 1812 г. Россіи слѣдовало предоставить дѣла Запада Европы ихъ собственному теченію, и во главѣ этихъ людей стоялъ самъ фельдмаршалъ Кутузовъ, тонкій дипломатъ Екатерининскаго вѣка, только-что побѣдоносно закончившій войну съ Наполеономъ во главѣ русскихъ войскъ. Но Императоръ Александръ, какъ извѣстно, не ограничивался въ своей политикѣ мыслью объ однихъ только русскихъ интересахъ. Царственному космополиту, окруженному въ самомъ Петербургѣ выходцами изъ всѣхъ европейскихъ странъ, выгнанными оттуда Наполеономъ и ненавидѣвшими его всею душою,—война 1812 года казалась лишь прелюдіей къ другой великой борьбѣ—„за освобожденіе Европы“. Выходцы эти, и во главѣ ихъ знаменитый германскій патріотъ Штейнъ, всячески укрѣпляли Императора въ его славолюбивыхъ, сентиментальныхъ мечтаніяхъ, хотя сами были въ сущности только „патріотами своихъ отечествъ“ и въ глубинѣ души, какъ это видно изъ собственныхъ ихъ воспоминаній, удивлялись самоотверженію русскаго царя. Для этой цѣли они умѣли ловко подѣйствовать на уязвленное самолюбіе Александра, со временъ Аустерлица и Фридланда затаившаго въ своемъ сердцѣ чувство мести къ Наполеону и жаждавшаго военныхъ подвиговъ, которыхъ лишенъ онъ былъ въ Отечественную войну. „Rira bien qui rira le dernier“, писалъ онъ о Наполеонѣ сестрѣ своей, Великой Княжнѣ Екатеринѣ тотчасъ послѣ Тильзитскаго свиданія съ Наполеономъ. Для Александра не могло быть сомнѣній, что вступленіе русскихъ войскъ въ Германію заставитъ и ее подняться противъ Наполеона.

По изгнаніи Наполеона изъ предѣловъ Россіи, Императоръ поспѣшилъ пріѣхать въ Вильну, гдѣ находилась главная квартира русской арміи, и немедленно объяснилъ свои намѣренія представившимся ему генераламъ: „вы, господа, сказалъ онъ, спасли не одну Россію, но и Европу". Кутузовъ не думалъ, однако, чтобы „спасеніе Европы" должно совершаться за русскій счетъ, русской кровью и деньгами. Онъ не прочь былъ *попугать* Наполеона возстаніемъ противъ него Германіи при содѣйствіи Россіи, чтобы тѣмъ легче предписать ему выгодныя для Россіи условія мира, но онъ не считалъ полезнымъ для русскихъ интересовъ создавать на границѣ Россіи сильную Пруссію, которую Великая Екатерина называла по отношенію къ Россіи „Иродовымъ" государствомъ и въ концѣ своего царствованія готова была обуздать. Но Императоръ Александръ не внималъ Кутузову, вѣрному истолкователю дипломатическихъ завѣтовъ великой его бабки. Цѣлью своей политики онъ именно ставилъ низверженіе Наполеона и усиленіе Германіи, въ особенности Пруссіи, въ противовѣсъ Франціи. Симпатіи Императора къ Пруссіи были непоколебимы и граничили во все его царствованіе съ отождествленіемъ русскихъ интересовъ съ прусскими. Князь Чарторыжскій, личный другъ Императора и его министръ иностранныхъ дѣлъ, доведенъ былъ имъ до необходимости написать ему еще въ 1807 году, что онъ относится къ Пруссіи не какъ къ державѣ, а какъ къ дорогой его сердцу возлюбленной. Болѣе того, сама мать Александра, Императрица Марія Ѳеодоровна, по семейнымъ отношеніямъ тѣсно связанная съ прусскимъ королевскимъ домомъ и всегда покровительствовавшая Пруссіи, — заклинала его въ томъ же 1807 году не жертвовать Пруссіи русскими интересами и напоминала ему, что дружба къ Пруссіи принесла только вредъ Петру III и Павлу I. Но Александръ былъ вѣренъ своей „возлюбленной" до такой степени, что сами нѣмецкіе историки отказываются объяснить эту психологическую загадку и готовы скорѣе приписать ее какимъ-то невѣдомымъ политическимъ разсчетамъ. Понятно, что возраженія Кутузова, представленныя Императору, о выгодѣ для Россіи заключить съ Наполеономъ сепаратный миръ, предоставивъ нѣмцамъ вариться въ ихъ собственномъ соку, раздражили Александра — до такой степени, что нѣсколько дней спустя послѣ свиданія своего съ побѣдоноснымъ вождемъ онъ писалъ уже графу Салтыкову, оставленному имъ во главѣ управленія въ Петербургѣ: „Слава Богу, у васъ все хорошо, но нѣсколько трудно выжить отсюда фельд-

маршала, что́ весьма необходимо". Пренія между царемъ и Кутузовымъ, были жаркія длительныя, но исходъ ихъ былъ, конечно, не въ пользу Кутузова, не въ пользу Екатерининской политики, которой онъ былъ представителемъ. „Скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно, — говорилъ объ этихъ преніяхъ Кутузовъ государственному секретарю Шишкову, — когда онъ (т. е. Александръ) доказательствъ этихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ; тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ". Разумѣется, этотъ старческій плачъ былъ вызванъ у дряхлаго полководца только сознаніемъ полнаго его безсилія противодѣйствовать ясно выраженной Императорской волѣ.

По повелѣнію Александра, русскія войска перешли уже въ это время русскую границу, преслѣдуя французовъ, но прусскій корпусъ генерала Іорка, составлявшій часть арміи Наполеона, дѣйствовавшей въ Курляндіи, не пожелалъ раздѣлить ея участь. Избѣгая необходимости сдаться русскимъ въ плѣнъ, генералъ Іоркъ предложилъ заключить конвенцію, по которой онъ долженъ былъ занять нейтральное положеніе, впредь до выясненія политическихъ обстоятельствъ, и расположиться въ окрестностяхъ Мемеля. До сихъ поръ думали, что Іоркъ самовольно рѣшился на этотъ поступокъ, но новѣйшіе документы, годъ тому назадъ опубликованные въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", доказываютъ, что конвенція эта была подписана Іоркомъ только съ тайнаго одобренія прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, спасавшаго этимъ свой корпусъ отъ плѣна. Русскіе генералы, въ томъ числѣ итальянецъ маркизъ Паулуччи, находили эту конвенцію невыгодной для русскихъ, но должны были уступить волѣ Императора Александра, смотрѣвшаго на пруссаковъ, какъ на будущихъ своихъ союзниковъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Въ поступкѣ Іорка, избѣгавшаго позора сдачи, Александръ и его иностранные совѣтники увидѣли доказательство склонности пруссаковъ измѣнить Наполеону и торопили Кутузова занятіемъ Пруссіи, чтобы освободить ее отъ французскихъ войскъ и такимъ образомъ облегчить ей возможность приступить къ союзу съ Россіей. Какъ ни тормозилъ это дѣло старый вождь, чтобы дать время русскимъ войскамъ отдохнуть и оправиться послѣ страшной зимней кампаніи 1812 года и не допустить ихъ „прійти на границу какъ толпѣ бродягъ", но долженъ былъ повиноваться. Александръ спѣшилъ выгнать изъ прусскихъ областей французскія войска, чтобы пруссаки могли свободно вооружаться и

готовить свои ополченія для борьбы съ ихъ притѣснителемъ. Въ началѣ февраля русскіе достигли уже береговъ Одера, а затѣмъ заняли столицу Пруссіи, Берлинъ. Управленіе завоеванными прусскими областями Александръ поручилъ главному своему вдохновителю по германскимъ дѣламъ барону Штейну, бывшему прусскому министру и заклятому врагу Наполеона.

Что же дѣлали прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ и его правительство въ тѣ моменты, когда великодушный другъ Пруссіи, русскій царь, самоотверженно спѣшилъ къ ней на помощь, вопреки здраво понятымъ интересамъ собственнаго своего государства? Пока еще не обнаружился окончательный перевѣсъ въ силахъ той или другой изъ враждующихъ сторонъ, Фридрихъ-Вильгельмъ прибѣгнулъ къ обычной уловкѣ слабаго — къ двуличной политикѣ. Когда состоялось заключеніе конвенціи Іорка за русскими, онъ далъ знать Наполеону, что онъ совершенно не одобряетъ этой конвенціи и отрѣшаетъ Іорка отъ должности, а „другу своему“, Императору Александру, писалъ наоборотъ, что поступокъ Іорка онъ вполнѣ одобряетъ, но только не можетъ признать его явно; наконецъ, самому Іорку Фридрихъ—Вильгельмъ предписывалъ, если ему будетъ угрожать опасность отъ французовъ, бѣжать въ русскую главную квартиру. Вслѣдъ затѣмъ убѣдившись въ разгромѣ Наполеоновой арміи, король извѣстилъ Императора Александра, что Пруссія готова заключить союзъ съ Россіей, если русскія войска достигнутъ Одера. Но истинныя намѣренія прусскаго правительства выразились какъ разъ въ это время посольствомъ въ Вѣну дипломатическаго агента, полковника Кнезебека. Какъ видно изъ воспоминаній самого Кнезебека, онъ долженъ былъ заявить вѣнскому кабинету отъ имени прусскаго короля, что „союзъ Австріи съ Пруссіей представляетъ единственное средство бороться противъ господства Франціи и воспрепятствовать, чтобы Россія при дальнѣйшемъ побѣдоносномъ своемъ движеніи не пріобрѣла авторитета въ германскихъ и европейскихъ дѣлахъ, что не можетъ быть выгодно ни для Австріи, ни для Пруссіи“. Отвѣтъ Австріи установилъ тяжесть ея взглядовъ съ Пруссіей въ этомъ отношеніи, даже болѣе того—подчеркивалъ враждебность ея къ Россіи. „Не Франціи боимся мы, а Россіи; если русскіе воспротивятся умѣреннымъ условіямъ мира, то не только вспомогательный корпусъ, всѣ силы нашей монархіи обратятся противъ нихъ“,—такъ вѣщалъ оракулъ вѣнскаго кабинета, Меттернихъ. Вотъ какихъ друзей Россіи вздумалъ „освобождать отъ ига Наполеона“ Императоръ Александръ!

Убѣдить двѣ германскія державы въ противоестественномъ фактѣ, что въ борьбѣ съ Наполеономъ Россія менѣе всего преслѣдуетъ русскіе интересы, даже поступается ими, было даже для Александра нелегкой задачей. Два года потомъ Австрія и Пруссія недовѣрчиво слѣдили за дѣйствіями Россіи въ этомъ отношеніи и успокоились нѣсколько только по подписаніи условій общаго мира на Вѣнскомъ конгрессѣ, когда самъ Меттернихъ призналъ, что дѣйствіями Александра руководитъ „романъ", а не политика.

Императоръ Александръ Павловичъ не могъ, конечно, не знать объ истинномъ отношеніи къ Россіи и вѣчно любезной ему Пруссіи и всегда коварной въ своей дружбѣ Австріи: двойственный бисмарковскій союзъ этихъ державъ противъ Россіи намѣчался уже въ то время. При такихъ обстоятельствахъ совѣты Кутузова должны были бы пріобрѣсти въ глазахъ Александра еще большій вѣсъ, чѣмъ прежде, но Императоръ не хотѣлъ ничему внимать и продолжалъ идти къ намѣченной имъ цѣли—освобожденію Германіи и спасенію Европы. Между тѣмъ, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, поманивъ Александра обѣщаніями союза, въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ вѣнскихъ сообщеній, продолжалъ заискивать у французовъ, стараясь скрѣпить свой союзъ съ ними—противъ Россіи! Маршалъ Ожеро, командовавшій въ Берлинѣ французскими войсками, доносилъ Наполеону, что преданность ему короля прусскаго и его министровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еще рѣзче и опредѣленнѣе указывалъ на намѣренія прусскаго правительства французскій посланникъ въ Берлинѣ графъ де-Сенъ-Марсанъ въ депешѣ отъ 12 января 1813 года. Единеніе между Франціей и Пруссіей представлялось прусскому королю, по словамъ депеши, необходимымъ, чтобы создать изъ Пруссіи барьеръ противъ Россіи. Фридрихъ-Вильгельмъ III проявлялъ готовность для этой цѣли укрѣпить союзъ свой съ Франціею на болѣе широкихъ основаніяхъ и вооружить армію въ 50.000 человѣкъ для содѣйствія Наполеону противъ Россіи, но просилъ денежныхъ средствъ для этого. Король желалъ также окончательно скрѣпить связь свою съ Наполеономъ бракомъ наслѣднаго принца прусскаго съ одной изъ принцессъ Наполеоновской фамиліи, если ему дадутъ надежду, что Пруссія хотя отчасти возвратитъ себѣ земли, утраченныя ею въ 1807 году: до такой степени въ Берлинѣ увѣрены были въ конечномъ торжествѣ Наполеона! Достаточно было Наполеону выразить свое формальное, ни къ чему его не обязывавшее

согласіе на эти скромныя пожеланія и просьбы Пруссіи, чтобы пріобрѣсти себѣ усерднаго союзника и вассала и тѣмъ поставить Императора Александра въ невозможное положеніе—„спасать“ Пруссію malgré lui. Къ несчастію для себя и для Россіи, Наполеонъ не понималъ въ то время, что союзомъ своимъ съ Пруссіею онъ обезоруживалъ и главнаго врага своего, Александра, съ которымъ единственно онъ желалъ сговориться. Привыкнувъ презирать Пруссію, Наполеонъ на ея предложенія отвѣчалъ уклончиво. Послѣ томительнаго ожиданія, Фридрихъ Вильгельмъ послалъ наконецъ въ Парижъ къ Наполеону особаго посланца, князя Гатцфельда, чтобы добиться окончательнаго отвѣта на свои предложенія. Въ бесѣдѣ съ Наполеономъ, Гатцфельдъ указывалъ на необходимость теперь же рѣшить дѣло о союзѣ, такъ какъ общественное мнѣніе въ Пруссіи и Германіи высказывается въ пользу войны съ Франціей. Но Наполеонъ и на этотъ разъ не далъ опредѣленнаго отвѣта. „О деньгахъ я подумаю, сказалъ онъ, а что вы говорите мнѣ о народныхъ движеніяхъ, то это величайшее несчастіе для васъ же“. О предположенномъ сватовствѣ прусскаго наслѣднаго принца Наполеонъ не счелъ нужнымъ упомянуть ни однимъ словомъ. И на этотъ разъ Наполеонъ пренебрежительно отнесся къ предложеніямъ Пруссіи потому, что питалъ еще совершенно неосновательную надежду на заключеніе мира съ одной Россіей безъ вмѣшательства другихъ державъ. Даже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, предъ самымъ началомъ кампаніи 1813 года, онъ выражалъ слѣдующія мысли: „Всего проще и разсудительнѣе было бы войти въ непосредственное соглашеніе съ Императоромъ Александромъ. Какихъ бы уступокъ не сдѣлалъ Императоръ, если бы мы, чтобы выйти изъ затрудненія, уступили ему Польшу! Посылка въ русскую главную квартиру раздѣлила бы весь міръ между нами“! „Обѣ враждовавшія стороны, замѣчаетъ Шильдеръ, поступили однако какъ разъ противно своимъ интересамъ“. На Вѣнскомъ конгрессѣ, послѣ новаго года войны и страшныхъ жертвъ Россія получила ту же Польшу, но значительно урѣзанную отдѣленіемъ Познани для Пруссіи и Сѣверной Галиціи для Австріи, возвративъ при этомъ ей же полученную въ 1809 году Тарнопольскую область съ полумилліоннымъ русскимъ населеніемъ. И этого результата Россія добилась, только пригрозивъ Австріи войною въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ вторично занялъ французскій престолъ, ускользнувъ съ острова Эльбы.

Александръ не хотѣлъ внимать Наполеону и ждалъ извѣстій

изъ Берлина. Тамъ узнали уже о неудовлетворительномъ исходѣ переговоровъ князя Гатцфельда. Прусскій король увидѣлъ съ сокрушеніемъ, что на милость Наполеона разсчитывать нельзя и что участь Пруссіи всецѣло находится въ рукахъ русскаго Императора. Въ Калишъ къ Александру послали того же полковника Кнезебека, который ѣздилъ ранѣе въ Вѣну для переговоровъ съ Австріею. Но, прибывъ въ Калишъ, Кнезебекъ никакъ не могъ повторить ни Императору, ни даже самому Штейну, что Россія дѣйствительно будетъ сражаться pour les beaux yeux de roi de Prusse: съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ ему казалось невозможнымъ, чтобы Россія отказалась отъ Восточной Пруссіи или по крайней мѣрѣ Мемельской крѣпости, запиравшей рѣку Нѣманъ, почти всѣмъ своимъ теченіемъ принадлежащую Россіи, и онъ пустился въ дипломатическія тонкости, употреблялъ всѣ уловки, чтобы добиться у Россіи гарантіи цѣлости прусскихъ владѣній. Между тѣмъ, прусскій король, изъ боязни сдѣлаться французскимъ плѣнникомъ, оставилъ Берлинъ и благоразумно переѣхалъ въ Бреславль, навстрѣчу русской арміи. Узнавъ объ этомъ, Императоръ Александръ, наскучивъ упорствомъ Кнезебека, послалъ въ Бреславль для переговоровъ съ королемъ другого нѣмца, Анстетена, и 17 февраля заключенъ былъ наконецъ калишскій договоръ о союзѣ Россіи съ Пруссіей. Цѣлью союза указано было возстановленіе Пруссіи въ границахъ ея до 1806 года, для чего Россія обязывалась выставить 150.000 войска, а Пруссія—80.000. Объ интересахъ Россіи въ договорѣ не было упомянуто ни однимъ словомъ.

Но даже предъ самымъ подписаніемъ союзнаго договора между Россіей и Пруссіей прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Гарденбергъ пробовалъ уклониться отъ него и сохранить нейтралитетъ въ войнѣ Россіи съ Франціей. 15 февраля онъ писалъ посланнику Наполеона, графу де Сенъ-Марсану: „королю пришла въ голову мысль, что ничто бы такъ не содѣйствовало дѣлу мира, какъ соглашеніе, по которому русская и французская арміи отошли бы на нѣкоторое разстояніе и установили бы демаркаціонную линію, оставляя между собою промежуточную область. Согласится ли на это императоръ Наполеонъ. Согласится ли онъ поручить охрану Данцига и крѣпостей на Одерѣ прусскимъ войскамъ, совмѣстно съ саксонскими, и отвести свои войска къ Эльбѣ, въ то самое время, какъ Императоръ Александръ отступитъ съ своей арміей къ Вислѣ?“ Это предложеніе, чрезвычайно выгодное для Наполеона, который

получалъ возможность такимъ образомъ присоединить къ своей арміи всѣ гарнизоны этихъ крѣпостей, оставленные на произволъ судьбы, численностію до 70.000 старыхъ солдатъ, и усилить слабую свою кавалерію,—также отвергнуто было Наполеономъ, который не хотѣлъ имѣть дѣло съ Пруссіей... Оправдывалась поговорка, что для того, чтобы погубить человѣка, Богъ лишаетъ его разума...

Современникъ, близко стоявшій къ дипломатическимъ дѣламъ того времени, свидѣтельствуетъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ III подписалъ калишскій договоръ лишь съ стѣсненнымъ сердцемъ (contrairement aux voeux de son coeur), но Пруссія почти вся цѣликомъ уже занята была русскими войсками, а народъ прусскій, какъ и всѣ нѣмцы, повсюду привѣтствовалъ Александра, какъ своего освободителя. Любопытно отмѣтить, что люди, всего болѣе склонявшіе короля къ союзу съ Россіей: Штейнъ, Гарденбергъ, Дона, Шарнгорстъ, а равно герой освободительной войны Блюхеръ, — по рожденію своему вовсе не были пруссаки, но въ освобожденіи Пруссіи отъ ига Наполеона видѣли, и справедливо, начало освобожденія отъ него и всей Германіи.

Калишскимъ договоромъ, къ сожалѣнію, опредѣлялось не одно лишь освобожденіе Пруссіи отъ французскаго владычества. По странной ироніи судьбы, сама побѣдоносная Россія на долгое время, болѣе чѣмъ на полвѣка, прикована была имъ къ скромной и ненужной прусской колесницѣ, охраняя ее отъ всякой опасности извнѣ. Сподвижникъ Блюхера, прусскій фельдмаршалъ Гнейзенау, писалъ впослѣдствіи: „Если бы Императоръ Александръ по отступленіи Наполеона изъ Россіи не преслѣдовалъ завоевателя, если бы онъ удовольствовался заключеніемъ съ нимъ мира, то Пруссія до сихъ поръ находилась бы подъ вліяніемъ Франціи, а Австрія не ополчилась бы противъ послѣдней. Тогда не было бы острова св. Елены, Наполеонъ былъ бы еще живъ, и одинъ Богъ знаетъ, какъ бы онъ выместилъ на другихъ тѣ невзгоды, какія пришлось ему испытать въ Россіи. Русскому союзу обязаны мы своею настоящею независимостью“.

Недостаточно было, однако, только заключить союзъ съ Пруссіей, чтобы подвинуть ее къ войнѣ съ Наполеономъ и тѣмъ добиться ея освобожденія. Король прусскій, больной и слабый духомъ человѣкъ, всѣ заботы борьбы предоставилъ Александру, оставивъ себѣ только право, въ случаѣ неудачъ, критиковать и жаловаться. Войска прусскія поставлены были подъ начальство

Кутузова, возведеннаго въ званіе фельдмаршала, а послѣ его смерти, случившейся 14 апрѣля 1813 г.—подъ начальство его преемниковъ, русскихъ главнокомандующихъ: графа Витгенштейна и Барклая-де-Толли. Но войска союзниковъ, при встрѣчѣ съ Наполеономъ, при Люценѣ и Бауценѣ, потерпѣли пораженіе. Нужно было отступать. Подавленный вѣчными неудачами, Фридрихъ-Вильгельмъ приходилъ оттого въ отчаяніе и вымещалъ свой гнѣвъ на Александрѣ. Александръ долженъ былъ поддерживать его мужество, утѣшать и ласкать какъ большого капризнаго ребенка. Когда въ ночь послѣ Люценскаго сраженія, Императоръ пріѣхалъ къ королю, чтобы сообщить ему о необходимости отступленія, то засталъ его спящимъ. Разбуженный, Фридрихъ-Вильгельмъ съ негодованіемъ говорилъ Императору: „Это мнѣ знакомо: если только мы начнемъ отступать, то не остановимся на Эльбѣ, но перейдемъ также за Вислу; дѣйствуя такимъ образомъ, я снова увижу себя въ Мемелѣ“. Когда Александръ ушелъ, король подошелъ къ окну и, всматриваясь въ темноту, произнесъ: „То же самое, какъ и въ Ауэрштедтѣ“. Только генералу Шарнгорсту, присутствовавшему при этомъ, удалось убѣдить короля въ необходимости для Пруссіи сохранить неразрывнымъ союзъ съ Россіей. Послѣ Бауценскаго сраженія повторилась та же исторія. Сопровождая Александра послѣ отданнаго имъ приказа объ отступленіи, король, въ отвѣтъ на его обнадеживанія, снова началъ жаловаться. „Я ожидалъ много, говорилъ онъ, мы надѣялись идти на западъ, а идемъ на востокъ. Императоръ замѣтилъ, что ни одинъ изъ союзныхъ батальоновъ не былъ разстроенъ и что хотя отступленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ, однако же еще ничего не потеряно, и, съ помощью Божіей, дѣла пойдутъ лучше“. Король придрался къ послѣднимъ словамъ Александра и не безъ насмѣшки замѣтилъ: „Если Богъ благословитъ наши общія усилія, то мы должны будемъ сознаться предъ лицомъ всего свѣта, что Ему одному принадлежитъ слава успѣха“. Императоръ сдѣлалъ видъ, что не понялъ сарказма и, пожавъ ему руку, заявилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ эти чувства. Ярче всего отношенія Фридриха-Вильгельма къ Александру, а равно и умственное ничтожество короля, рисуетъ принцъ Леопольдъ Кобургскій, находившійся при арміи. „Предъ Лейпцигскимъ сраженіемъ Леопольдъ посланъ былъ къ Фридриху-Вильгельму Императоромъ, чтобы получить его согласіе на какое-то распоряженіе. Несмотря на важность этого распоряженія, принцъ не былъ принятъ королемъ и встрѣтилъ здѣсь Гнейзенау, бывшаго также въ выжи-

дательномъ положеніи. Король, однако, не выходилъ и не отдавалъ никакого приказанія. Послѣ настойчиваго объясненія принца съ какимъ-то адъютантомъ, наконецъ, явился король и объявилъ принцу съ неудовольствіемъ, что вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ имъ посланъ къ Императору Александру запросъ, въ какой формѣ, русской или прусской, быть ему въ сраженіи, и удивляется, что принцъ не привезъ ему на этотъ счетъ распоряженій. Когда же принцъ позволилъ себѣ сдѣлать по этому поводу нѣкоторыя скромныя возраженія, Фридрихъ-Вильгельмъ вдругъ вспылилъ гнѣвомъ и сказалъ: „Я долженъ прежде всего знать, въ какомъ я долженъ быть мундирѣ, не могу же я выѣхать безъ панталонъ (Ich muss doch vor Allemw issen welche Uniform ich tragen soll, denn ohne Hosen werde ich warhaftig nicht marschiren können). Къ счастію, ожидаемое по этому случаю распоряженіе Императора Александра было наконецъ получено, и Фридрихъ-Вильгельмъ тотчасъ подписалъ ожидаемыя отъ него повелѣнія“.

Король, однако, долженъ бы цѣпко держаться за русскій союзъ, потому что Наполеонъ нѣсколько разъ дѣлалъ попытки заключить секретный миръ съ Россіею, но каждый разъ получалъ отказъ отъ императора. Лишь благодаря усиліямъ Александра, побѣда надъ Наполеономъ была обезпечена присоединеніемъ къ союзу Австріи, которая сначала, въ противовѣсъ могуществу Россіи, хотѣла поддержать владычество Наполеона въ Германіи и для этой цѣли выступила въ роли вооруженной посредницы. Изъ переписки Императора съ его сестрой, Великой Княжной Екатериной Павловной, изданной Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ, видно, что для этого Императоръ Александръ не отступилъ и предъ подкупомъ вліятельныхъ лицъ. Но первое послѣ заключенія союза съ Австріей сраженіе подъ Дрезденомъ закончилось новой неудачей, и Наполеонъ рѣшился даже запереть союзную армію въ Богемскихъ горахъ при ея отступленіи. Съ этою цѣлью онъ послалъ Вандама на перерѣзъ пути отступленія союзниковъ въ Теплицъ съ 40.000 корпусомъ. Но на пути своемъ Вандамъ встрѣтилъ русскую гвардію, которая при Кульмѣ, подъ начальствомъ графа Остермана-Толстого и Ермолова, геройскимъ сопротивленіемъ остановила движеніе французовъ и дала возможность разбросаннымъ частямъ союзной арміи пройти горныя тѣснины. Сраженіе при Кульмѣ было дѣломъ исключительно русской доблести, а роль пруссаковъ въ немъ, по свидѣтельству очевидца, Н. Н. Муравьева-Карскаго, сводится къ слѣдующему: „По окончаніи

сраженія я ѣхалъ съ генераломъ Курутой. Мы считали брошенныя непріятелемъ орудія и насчитали ихъ большое количество, когда я далъ Курутѣ замѣтить, что орудія эти съ синими лафетами и потому должны быть прусскія. Пока мы ихъ разсматривали, наскакалъ на насъ прусскій генералъ Клейстъ, который полагалъ себя въ плѣну. Корпусъ его разсыпался по лѣсамъ, а на большой дорогѣ осталась вся его артиллерія. Клейстъ шелъ въ тылу Вандама безъ всякой осторожности и когда онъ разминовался съ непріятельскими уланами и встрѣтился съ русскимъ генераломъ Дибичемъ, то, обнявъ его, воскликнулъ: „Ach, bester general, sind sie auch gefangen! (ахъ, любезный генералъ, и вы тоже въ плѣну). По реляціи дѣло было представлено такъ, будто пруссаки зашли въ тылъ французамъ и тѣмъ принудили Вандама къ сдачѣ.

Извѣстно, что благодаря лишь настойчивости Императора Александра война была перенесена во французскіе предѣлы и кончилась низверженіемъ Наполеона. Но на Вѣнскомъ конгрессѣ Россія получила меньшее вознагражденіе, чѣмъ Австрія и Пруссія, и даже поступилась Тарнопольской областью съ полумилліоннымъ русскимъ населеніемъ въ пользу Австріи, крѣпостью Торномъ въ пользу Пруссіи. О Мемелѣ, необходимость пріобрѣтенія котораго Россіей сознавалась даже ея врагами, не было на конгрессѣ и рѣчи. Но съ тѣмъ вмѣстѣ Россія на долгое время связала себѣ руки въ достиженіи національныхъ своихъ задачъ образованіемъ Священнаго Союза и тѣсною связью съ Австріей и Пруссіей. Можно сказать положительно, что война за освобожденіе Германіи, предпринятая Императоромъ Александромъ, уничтожила въ корнѣ результаты, къ которымъ должна была провести кампанія 1812 года, привела къ усиленію Австріи и Пруссіи, которыя и въ то время уже смотрѣли на Россію, какъ естественнаго своего врага, и положила начало тѣмъ политическимъ затрудненіямъ, которыя нынѣ, спустя слишкомъ сто лѣтъ послѣ подписанія Калишскаго договора, приведутъ къ столкновенію между міромъ германскимъ и славянскимъ.

Е. С. Шумигорскій.

25426
Московской об. библіотеки

Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. [1]).

(Съ примѣчаніями П. Д. Боейкова).

Пріѣхавъ въ Берлинъ 17/29 марта рано утромъ, я еще до полудня поѣхалъ къ кн. Бисмарку, чтобы изложить ему всѣ перипетіи исторіи съ протоколомъ, который я показалъ ему первому при проѣздѣ моемъ черезъ Берлинъ. Такъ какъ гр. Андраши разрѣшилъ мнѣ сообщить кн. Бисмарку, что онъ предложилъ намъ свое посредничество при переговорахъ съ Англіей, въ увѣренности, что Бисмаркъ одобритъ это предложеніе, какъ средство ускорить подписаніе протокола, то я показалъ канцлеру одновременно текстъ протокола [2]), составленный Андраши

[1]) См. „Русская Старина", августъ 1914 г.

[2]) Предложеніе гр. Андраши было формулировано такъ: „Послѣ подписи протокола представитель императора заявитъ, что Его Величество, дѣйствуя въ томъ же духѣ, какъ съ самаго начала, отдастъ приказъ о демобилизаціи, какъ только явится увѣренность, что оттоманское правительство подчинится совѣтамъ державъ или какъ только Е. В. получитъ увѣренность, что Порта готова послѣдовать совѣтамъ державъ, гарантировавшихъ проведеніе реформъ". Проектъ, посланный Шуваловымъ въ Петербургъ послѣ обмѣна мыслей съ Дерби, уже послѣ моего отъѣзда изъ Лондона заключался въ слѣдующемъ: „Шестью державами *совмѣстно* будетъ подписанъ протоколъ, въ которомъ не будетъ упомянуто о разоруженіи. Русскій посланникъ заявитъ, что онъ подпишетъ протоколъ лишь въ томъ случаѣ, если будетъ заключенъ миръ съ Черногоріей, если Порта приметъ совѣты кабинетовъ, если она выкажетъ готовность перевести войско на мирное положеніе и серьезно приступитъ къ реформамъ, о которыхъ говорится въ протоколѣ. Порта можетъ послать въ Петербургъ спеціальнаго посла для обсужденія вопроса о разоруженіи, на что императоръ изъявитъ со своей стороны согласіе. Само собою разумѣется, что звѣрства, происходившія въ Болгаріи, не должны повторяться впредь.

Прим. авт.

и текстъ Шувалова-Дерби, сопровождая ихъ нѣкоторыми комментаріями и стараясь угадать мысли кн. Бисмарка и его настроеніе. Канцлеръ отнесся къ предложенію Австро-Венгерскаго правительства очень холодно, выразилъ сомнѣніе въ его пользѣ и не могъ даже скрыть нѣкотораго раздраженія по поводу того, что гр. Андраши взялъ на себя иниціативу этого предложенія, не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ. „Коль скоро переговоры не прерваны, сказалъ онъ, вмѣшательство между Англіей и Россіей третьяго лица излишне; представленія, сдѣланныя въ духѣ русскихъ желаній Германіей и Австро-Венгріей, не приведутъ быть можетъ ни къ какому результату, но подчеркнутъ въ глазахъ англичанъ союзъ трехъ имперій и могутъ раздражить ихъ, погубивъ такимъ образомъ послѣдніе шансы къ достиженію непосредственнаго соглашенія. „Кромѣ того, присовокупилъ кн. Бисмаркъ, намъ, какъ друзьямъ и союзникамъ, не подобаетъ занять по отношенію къ Россіи нейтральное положеніе и настаивать на разоруженіи.

„Какъ другъ и сосѣдъ, я готовъ быть вашимъ *секундантомъ*, если вы захотите воевать; если же вы предпочтете мирный исходъ, я не прочь заявить во всеуслышаніе, что вы правы, и откровенно высказать англичанамъ мое мнѣніе, если къ тому представится случай“.

Впрочемъ, канцлеръ присовокупилъ, что онъ не сдѣлаетъ ни шага если этого не пожелаетъ Россія, тѣмъ болѣе, что гр. Мюнстеръ (германскій посланникъ) прекрасно поставленъ въ Лондонѣ и его положеніе не слѣдуетъ ухудшать, имѣя въ виду возможный разрывъ между нами и Турціей“. Кн. Бисмаркъ видимо считаетъ войну неизбѣжной и предвидитъ возможность щекотливыхъ объясненій съ Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ для выясненія характера доброжелательнаго нейтралитета, который онъ предполагаетъ соблюдать по отношенію къ намъ.

„Меня обвиняютъ, говорилъ кн. Бисмаркъ, въ томъ что я толкаю Россію къ войнѣ. Будь я русскій подданный и имѣй я возможность высказать свое мнѣніе на засѣданіяхъ ближайшихъ совѣтниковъ русскаго Императора, я сказалъ бы: будемъ умѣренны въ нашихъ требованіяхъ, но будемъ воевать, ежели мы не въ состояніи достигнуть мирнымъ путемъ результатовъ, которые бы удовлетворили наше національное чувство. Обстоятельства никогда быть можетъ такъ не благопріятствовали Россіи и уже никогда не было, какъ теперь, цѣлаго ряда друзей, которые оберегаютъ ея границу отъ вторженія непріятеля“.

Когда разговоръ зашелъ о возможныхъ случайностяхъ въ будущемъ, я понялъ, что канцлеръ хочетъ, чтобы мы объявили войну Турціи, полагая, что въ такомъ случаѣ можно будетъ избѣгнуть общеевропейскаго конфликта и что эта война, какъ отвлекающее средство, будетъ полезна Германіи. По его словамъ война дастъ возможность осуществить законныя желанія Россіи и успокоитъ возбужденное національное чувство; тогда „храбрые русскіе воины не будутъ болѣе завидовать лаврамъ Пруссіи и успокоятся относительно нѣмцевъ". Война удовлетворитъ по его мнѣнію и нѣкоторыя возбужденія Австро-Венгріи. Кн. Бисмаркъ ясно далъ понять, что онъ хочетъ прежде всего предоставить Вѣнскому кабинету дѣятельное участіе въ дѣлахъ Востока (lancer le cabinet de Vienne en Orient, какъ онъ выразился), вознаградивъ его этимъ за всѣ неудачи, причиненныя ему нѣкогда Германіей и Италіей".

Онъ осторожно замѣтилъ, что императору Францу-Іосифу послѣ столь несчастнаго царствованія слѣдовало получить не только какое-нибудь нравственное удовлетвореніе, но и нѣкоторыя территоріальныя пріобрѣтенія, и что это единственный случай дать ему это удовлетвореніе безъ особыхъ убытковъ (т. е. за счетъ Россіи) и не вызывая европейской войны.

Германскій канцлеръ горячо желаетъ, чтобы по окончаніи войны не только Англія, но и Франція получила нѣкоторое территоріальное пріобрѣтеніе. Однимъ словомъ, онъ призналъ косвенно свое желаніе использовать русско-турецкую войну и Восточный вопросъ въ пользу нѣмецкой политики съ цѣлью обезпечить спокойное обладаніе ея земельными пріобрѣтеніями и отвлечь во Франціи и въ Австро-Венгріи умы отъ мысли о реваншѣ. Русско-турецкая война, „которая можетъ продлиться всего нѣсколько мѣсяцевъ" [1]), сказалъ Бисмаркъ,—даетъ скорѣе возможность „обезпечить европейскій миръ, нежели какое-нибудь временное улаженіе Восточнаго вопроса, за которымъ послѣдовали бы новыя осложненія, размѣры коихъ предвидѣть нѣтъ возможности".

Обѣщавъ гр. Андраши сообщить о томъ, какъ отнесется канцлеръ къ его проекту, я телеграфировалъ г. Новикову, прося его передать графу, что Бисмаркъ отнесся къ нему отрицательно. Передавъ германскому канцлеру послѣднія предполо-

[1]) Надобно отдать справедливость кн. Бисмарку, онъ также, какъ и я, не думалъ, что у насъ ухитрятся затянуть войну на цѣлый годъ.
Прим. авт.

женія Шувалова, я просилъ его дать соотвѣтствующія инструкціи гр. Мюнстеру, чтобы поддержать шаги, которые будутъ сдѣланы нашимъ посланникомъ.

Полагая, что свѣдѣнія, которыя я могъ передать въ Петербургѣ словесно, въ дополненіе къ моимъ письменнымъ сообщеніямъ, могли быть весьма полезны въ столь рѣшительный моментъ, когда надобно было либо принять протоколъ Дерби-Шувалова, либо отвергнуть его, я счелъ долгомъ ускорить свой отъѣздъ изъ Берлина и прежде, нежели проститься съ канцлеромъ, просилъ его вручить императору Вильгельму мое искреннее сожалѣніе по поводу того, что я не имѣлъ возможности испросить у Е. В. аудіенціи, такъ какъ мнѣ было высочайше повелѣно поспѣшить въ Петербургъ, чтобы дать отчетъ о томъ, что мною было сдѣлано. Канцлеръ при мнѣ же написалъ императору и изложилъ въ своемъ письмѣ содержаніе нашего послѣдняго разговора.

Кн. Бисмаркъ настоялъ на томъ, чтобы я и моя жена отобѣдали у него въ тотъ день (въ дорожныхъ костюмахъ) и прямо отъ него отправились на станцію желѣзной дороги.

Бесѣдуя со мною послѣ обѣда, кн. Бисмаркъ сказалъ, со свойственной ему усмѣшкой, что кое-кто пытался воздѣйствовать на императора черезъ супругу королевскаго принца и императрицу, чтобы склонить его присоединиться къ англійской точкѣ зрѣнія на демобилизацію русской арміи, но „онъ счастливъ сказать, что Его Величество присоединился въ концѣ концовъ всецѣло къ его взгляду“.

Канцлеръ былъ очень любезенъ и довѣрчивъ со мною, подтвердилъ всѣ обѣщанія, данныя имъ при моемъ проѣздѣ черезъ Берлинъ, подчеркнувъ, что Россія имѣетъ въ немъ самаго искренняго друга и что, въ случаѣ войны, которую онъ считалъ неизбѣжной, онъ ручается за сочувствіе къ намъ Германіи. Между прочимъ онъ намекнулъ, что, принимая живѣйшее участіе въ моей дальнѣйшей карьерѣ, онъ поздравляетъ меня съ тѣмъ, что мнѣ не пришлось подписать протоколъ, который онъ считаетъ съ русской точки зрѣнія весьма непріятнымъ для нашего національнаго самолюбія.

Германскій канцлеръ также, какъ гр. Робиланъ въ Вѣнѣ, увѣрялъ меня, что „непреклонность Сентъ-Джемскаго кабинета и его странныя требованія объясняются слухами, будто императорское правительство хочетъ заключить миръ во что бы то ни стало“.

Я рѣшительно протестовалъ противъ этихъ инструкцій, которыя совершенно искажали миролюбивыя намѣренія императора и его министровъ. „Страстный сторонникъ мира, императоръ преисполненъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствомъ національнаго достоинства“, сказалъ я, „и считается съ общественнымъ мнѣніемъ Россіи, которое въ данный моментъ очень возбуждено. У насъ хотятъ мира, но не побоятся войны, если намъ придется пройти черезъ англійскія кавдинскія ущелья и пожертвовать нашимъ престижемъ и безопасностью христіанъ на Востокѣ“.

Итальянскій посланникъ, пожелавшій еще разъ видѣть меня, подтвердилъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу того, что я не былъ въ Римѣ, и задалъ мнѣ тѣ же вопросы, какъ и его вѣнскій коллега. Я доказывалъ ему такъ же, какъ и нѣмецкимъ дипломатамъ въ Вѣнѣ у Берлинѣ, что англійскій кабинетъ беретъ на себя большую отвѣтственность, не считаясь съ законными требованіями Россіи и настаивая на нашей демобилизаціи, тогда какъ этотъ вопросъ долженъ обсуждаться совершенно независимо отъ протокола. Гр. де-Лонэ и всѣ представители иностранныхъ державъ въ Берлинѣ были повидимому убѣждены въ томъ, что, въ случаѣ нашей войны съ Турціей, Германія окажетъ намъ косвенно поддержку. По словамъ гр. де-Лонэ Бисмаркъ, на вопросъ объ этомъ нѣкоторыхъ дипломатовъ, аккредитованныхъ при берлинскомъ дворѣ, отвѣтилъ безъ запинки, что „нѣмецкое правительство намѣрено соблюдать по отношенію Россіи по возможности благожелательный нейтралитетъ“.

Жаль, что въ Россіи не съумѣли лучше использовать и сохранить эти добрыя намѣренія, которыя измѣнились совершенно неожиданнымъ и непонятнымъ образомъ въ моментъ заключенія Санъ-Стефанскаго мира. Остается рѣшить, на кого падаетъ за это отвѣтственность!

Пріѣхавъ въ Петербургъ 19 марта, я передалъ канцлеру текстъ протокола, который моими стараніями былъ принятъ Версальскимъ, Вѣнскимъ, Римскимъ и Берлинскимъ кабинетами ранѣе того, какъ мнѣ стали извѣстны послѣднія поправки, сдѣланныя въ немъ въ Лондонѣ. Я вынесъ изъ своего послѣдняго разговора съ лордомъ Дерби впечатлѣніе, что текстъ новаго протокола, редактированнаго въ Лондонѣ, не подвергнется болѣе измѣненію, ежели англійскій кабинетъ удовлетворится объясненіями русскаго посланника по вопросу о демобилизаціи, который не слѣдовало вовсе затрагивать и который я предлагалъ совершенно устранить, исключивъ изъ протокола параграфъ о

разоруженіи Турціи. Текстъ протокола, составленный лордомъ Дерби и гр. Шуваловымъ до моего пріѣзда въ Лондонъ, былъ преданъ забвенію. Протоколъ, подписанный окончательно въ Лондонѣ 19/31 марта, мало отличался отъ проекта, одобреннаго въ концѣ концовъ четырьмя кабинетами, но англійское министерство старательно исключило изъ него самое главное, то, что составляло *его сущность* и что связывало его непосредственно съ конференціей, придавая ему значеніе международнаго акта, вытекавшаго изо всѣхъ предъидущихъ дипломатическихъ шаговъ. Приложенныя къ протоколу двѣ противорѣчивыя записки гр. Шувалова и лорда Дерби окончательно лишили протоколъ характера европейскаго документа и того практическаго значенія, которое хотѣлъ придать ему императорскій кабинетъ; они только подчеркнули глубокое различіе, существовавшее во взглядахъ Россіи и Англіи, чѣмъ турки не преминули воспользоваться съ хитростью, отличающей ихъ византійскую дипломатію.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцева [1]).

(Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда).

4-ое іюля. Сегодня утромъ жена уѣхала въ Кіевъ къ дочери. Давно ничего не читавъ за своими дѣлами, я взялъ № 25 Современной Лѣтописи и, случайно, напавъ на статью, относящуюся къ нашему дѣлу, не могу не записать соображеній по вопросу: *Что такое дворянскіе интересы?*

Авторъ, разсматривая различныя мнѣнія многихъ, восклицаетъ:

— „Во всѣхъ проектахъ и предложеніяхъ преимущественно „говорится о дворянскихъ нуждахъ и выставляются впередъ „дворянскіе интересы. Что же наконецъ такое эти интересы, о „которыхъ такъ хлопочутъ, за которые такъ ратуютъ?—Пусть „кто-либо изъ защитниковъ дастъ отвѣтъ прямой, категорическій,—каждый затруднится. Дѣло въ томъ, что подъ словомъ „*дворянскіе интересы*“ понимается желаніе исключительныхъ „правъ для одного сословія. Внѣ этихъ правъ и привилегій, „которыя сдѣлались анахронизмомъ, и на защиту которыхъ „врядъ-ли возвысится одинъ голосъ между образованными „людьми, другихъ исключительно дворянскихъ интересовъ быть „не можетъ. Конечно, въ интересахъ дворянства имѣть земли, „свободныя отъ всякихъ налоговъ, высшія учебныя заведенія „для своихъ дѣтей и пользоваться привилегіями при поступленіи на службу.—Но развѣгдѣ право, тамъ и справедливость?— „Нѣтъ, эти права только уединяютъ дворянское сословіе отъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1914 г.

А. А. ПОЛОВЦОВЪ.

„прочихъ, вмѣсто того, чтобы идти дружно впередъ, эти инте-
„ресы только препятствуютъ развитію страны и тормозятъ
„движеніе.

„Если дворянство обладаетъ большею суммой образованія,
„не ложнаго и поверхностнаго, но истиннаго, то тѣмъ болѣе
„обязано подать руку всему земству и идти впередъ, имѣя въ
„виду благо общества, благо всей страны и народа, а не узкіе
„сословные интересы.

„Не новыми правами и привилегіями можетъ усилить дво-
„рянство свое значеніе по образованію и богатству. Здѣсь пу-
„темъ къ пріобрѣтенію служитъ не исключительность, не зам-
„кнутость, а дружный ходъ со всѣмъ земствомъ. Будущее
„политическое значеніе дворянства возвысится тогда, когда оно
„во время поймет положеніе свое въ новѣйшемъ обществѣ.
„Дворянство должно имѣть въ виду не свои отживающія права,
„а справедливость; пусть оно дѣйствуетъ въ духѣ интересовъ
„земскихъ, общественныхъ, и его значеніе не только не ума-
„лится, но возвысится, имѣя опорой основаніе незыблемое,—
„довѣріе согражданъ.

„Въ Англіи должность мирового судьи есть первая ступень
„въ парламентъ; посредствомъ ея будущій депутатъ знакомится
„съ своими избирателями и, находясь съ ними въ постоянныхъ
„сношеніяхъ, пріобрѣтаетъ то нравственное вліяніе, безъ кото-
„раго въ парламентъ не принимается“.

Сейчасъ получено извѣстіе объ открывшемся падежѣ скота въ Новомъ Селѣ, дано знать становому и получено обѣщаніе къ вечеру прислать ветеринара.

Въ Гонтяхъ срокъ вышелъ 2-й трети оброка по 10 р. съ тягла; міръ вздумалъ отказываться подъ предлогомъ неимѣнія денегъ, я велѣлъ ихъ обратить на барщину, и утромъ всѣ внесли, но за такую попытку лишены покоса подъ Нильцами.

5-го іюля. По приглашенію министра Г. Им., Мих. Ник. Муравьева, былъ въ С. Сырцѣ и нашелъ дѣло о переселеніи деревни до того испорченнымъ, что крестьяне вовсе отказались.

Замѣчательный примѣръ: помѣщикъ, желая отдалить деревню отъ мызы, предложилъ по 250 р. и 200 бревенъ на каждый дворъ; крестьяне, перетолковавъ между собой, медлили согласіемъ, ихъ призывали, уговаривали, они возмечтали, что, „дескать, насъ больно упрашиваютъ, стало, ихъ нужда, дай поторгуемся“,—и вдругъ запросили 1000 деревъ на дворъ!

Бывъ тамъ я, между прочимъ, сказалъ крестьянамъ, что

полно бы 100 р. и 100 деревъ, но министръ отъ своего слова не отступалъ, а крестьяне стали упираться.

Наконецъ секретарь министра, ведшій съ ними переговоры, долженъ былъ сознаться въ своемъ безсиліи; пригласили меня. Проѣхавъ туда, слышу гору укоровъ о крестьянской грубости, неблагодарности и пр., но вижу, что дѣло въ началѣ испорчено барствомъ. Требую сельскаго старосту, велю собрать сходъ, и выбравъ 3-хъ довѣренныхъ, явиться четыремъ: старостѣ и довѣреннымъ общества. Едва это было исполнено, какъ позвали насъ обѣдать.—Здѣсь я былъ, какъ говорится, въ чести: сидѣлъ между хозяиномъ и хозяйкой и слышалъ только пріятное, чтобы не сказать искательное.

Послѣ обѣда принялись снова толковать съ выборными, я взялъ бумагу, карандашъ и набросалъ подписку, прочиталъ имъ,—молчатъ.

— „Ну, стало такъ?“

— „Да, стало быть, такъ, Ваше Пр-во“.

Секретарь попросилъ показать министру. Когда онъ ушелъ, то крестьяне начали говорить:

— „Вѣдь, вотъ, Ваше Превосходительство, съ Вами, вѣдь, оно совсѣмъ не то, вотъ и стоишь, и говоришь, какъ знаешь, значитъ, безъ сумленія, а, вѣдь, съ бариномъ-то, съ секретаремъ-то, да, вотъ, еще управителемъ-нѣмцемъ, такъ, вѣдь, не знаешь, что и сказать; думаешь, вотъ, просто что спросить,— а они и разсердятся, закричатъ, ну, значитъ, спужаешься и замолчишь; вотъ дѣло-то и стоитъ, да стоитъ, а они насъ же зовутъ грубіянами; какое тутъ грубіянство! не знаешь, что и думать, не то, што резонъ какой дать, ну, просто опасаешься. А вотъ съ Вами такъ значитъ можно, такъ можно, а нельзя, ну и толковать и думать тутъ нечего; вѣдь мы не противники какіе, а по своему дѣлу все хочется какъ-бы лучше; ну, вотъ, Ваше Превосходительство, такъ все и разсудите, а они, вѣдь, все не туда гнутъ, вѣдь мы это видимъ, а что же будешь дѣлать-то, не свой братъ, не станешь говорить, вотъ, молъ, такъ и такъ, вотъ, какъ вашей милости.“

Секретарь съ черновою бумагою вернулся, было нѣсколько замѣчаній, мною принятыхъ, но министръ рѣшительно не согласился уволить отъ барщины всю деревню съ 1-го сентября по 1-ое ноября. Тогда я къ нему отправился.

— „Михаилъ Николаевичъ, вы не желаете уволить людей для перехода деревни?“

— „Да, какъ же всю осень остаться безъ работниковъ?“—

— „Осенью послѣ сѣва ржи остаются молотьба и подъемъ полей. У васъ молотильня паровая, можете обмолотить, когда угодно, а поднять поля вы или же наймете поденщиковъ, дадите отъ 3-хъ до 4-хъ рублей за десятину, и все сдѣлается лучше и скорѣе, чѣмъ барщиною."

— „Это правда, объ этомъ я худо подумалъ; ну, такъ дѣлайте, какъ знаете."

— „Я думаю, что лучше всего бѣльмо съ глазу долой, всю деревню вдругъ поднять и кончить."

— „Конечно, конечно."

Вернувшись къ выборнымъ, еще разъ перечиталъ:

— „Ну, такъ?"

— „Да, такъ, батюшка."

Подписку переписали, поставили кресты; я засвидѣтельствовалъ и снесъ къ министру.—Надобно было видѣть, какъ онъ, жена и дочь, сидѣвшіе на балконѣ за чаемъ, остались этимъ довольны. Слава Богу!—Это былъ первый шагъ письменныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами и для начала, благодаря Бога, сошелъ съ рукъ весьма удачно, хоть и пришлось издержать на него весь день, выѣхавъ въ 10-ть утра, я вернулся едва къ 10-и вечера домой, а всего отъ меня въ 15-ти верстахъ; каково же будетъ составлять уставныя грамоты за 30-ть и 50-тъ верстъ по осеннимъ дорогамъ! Никто, какъ Богъ! Самъ не сдѣлаешь, а ему все возможно.

Сообщ. **А. А. Половцова.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Люди и нравы за полвѣка [1]).

XXXVII.

Мы всѣ и любили, и уважали нашего законоучителя, священника—ключаря соборнаго храма, отца Михаила Петровича Ѳаворскаго. Семинаристъ по образованію, хорошій работникъ, съ большой житейской сметкой, онъ имѣлъ возможность вывести и вывелъ на хорошую дорогу своихъ четырехъ сыновей. Старшій изъ нихъ лѣтъ тридцать тому назадъ окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ, пристроился къ одному изъ высшихъ государственныхъ учрежденій и въ настоящее время, благодаря не протекціи, а своимъ знаніямъ и трудоспособности, занимаетъ довольно видный постъ въ томъ же учрежденіи. Много ему было предложеній: и прокурора суда, и предсѣдателя, но онъ отказывался и всецѣло отдалъ свой трудъ этому учрежденію. Въ чемъ крылась причина его отказа, мнѣ не приходилось слышать; точно также не пришлось съ нимъ встрѣтиться и познакомиться, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о его личности. Пріѣзжалъ онъ къ отцу не очень часто, да и то лѣтомъ, во время вакаціи, когда я уѣзжалъ тоже на подножный кормъ къ тестю. Такимъ образомъ я о немъ ничего не могу сказать и долженъ пройти мимо.

Второй сынъ отца Михаила, Иванъ, жилъ у меня на глазахъ въ теченіе десяти лѣтъ. Мнѣ приходилось съ нимъ сталкиваться то въ качествѣ врача, то въ качествѣ если не друга, то большого пріятеля.

На первыхъ порахъ мы какъ-то косо поглядѣли другъ на друга. Я-то былъ, нечего грѣха таить, малый довольно задор-

[1]) См. „Русская Старина“, августъ 1914 г.

ный, на языкъ легкій, а особенно когда проглотишь хорошую порцію живой воды знаменитой вдовы Поповой, за отлакируешь ее коньякомъ подъ № 217, да и онъ-то отъ этого не отставалъ. Разумъ терялся, и два человѣка въ здравомъ умѣ и еще твердой памяти обращались въ какихъ-то боевыхъ пѣтуховъ.

Нельзя сказать, чтобы какіе-нибудь серьезные интересы наши враждебно сталкивались другъ съ другомъ; нѣтъ, почва была обычная трясина уѣзднаго города: то лишнее словцо, удачно брошенное въ огородъ сосѣда, то недоразумѣніе въ винтѣ, то игривый взглядъ, брошенный по направленію какой-нибудь „Прекрасной Елены".

Однимъ словомъ—мелочь преестественная.

Но человѣкъ онъ былъ въ высшей степени добрый, душевный, умный, характера, правда, не сильнаго; здоровьишка не важнаго.

Жаль, что его изломали условія жизни; вотъ про кого можно смѣло сказать, что его заѣла среда. Онъ самъ отлично сознавалъ условія, для него совершенно неподходящія, и нисколько не берегся: прожигалъ свою жизнь, что называется, съ двухъ концовъ, ни за понюшку табаку.

Врачъ онъ былъ хорошій, но едва-ли слѣдилъ за наукой—некогда было: утромъ заѣдетъ въ больницу; затѣмъ—съ визитами; къ завтраку непремѣнно попадетъ къ Заставинымъ, гдѣ онъ былъ годовымъ врачемъ и лѣчилъ невѣдомо кого и невѣдомо отъ чего.

Дышать, видите ли, было трудно!

Въ четвертомъ часу обѣдалъ дома, ложился спать, а въ девять уже собирался въ клубъ, неотступно каждый день, и такъ до 2, 3 и 4 часовъ утра!

Режимъ во всякомъ случаѣ непозволительный для врача, и тѣмъ болѣе для врача съ слабымъ здоровьемъ.

При такихъ условіяхъ немудрено въ тридцать пять—шесть лѣтъ сойти и въ могилу...

Да онъ и ушелъ изъ міра сего!

Но позвольте мнѣ поглубже окунуться въ мои воспоминанія о немъ. Мнѣ что-то кажется, что это имѣетъ нѣкоторый интересъ.

Я когда-то собирался написать повѣсть, героемъ которой долженъ былъ явиться этотъ человѣкъ; и вотъ этими-то сохранившимся у меня данными я теперь и намѣренъ воспользоваться.

Широкая и многоводная рѣка величественно и спокойно несетъ свои чистыя, прозрачныя воды; движеніе пароходовъ по ея лону въ настоящее время отмѣчалось замѣтными полосами нефти, а гдѣ-нибудь въ затонахъ — тихихъ мѣстахъ зимовокъ пароходовъ—вся поверхность воды — сплошь, — была ею запакощена.

Но старожилы города помнили свою многоцѣнную рѣку совсѣмъ иною: чистою, свѣжею, прозрачною, какъ стекло, сквозь которое ясно виднѣлся сѣроватый песокъ ея дна.

Крупная и цѣнная рыба, какъ стерлядь, лещъ, палимъ—то спокойно и плавно проходила на срединѣ глуби къ вечеру; то пряталась на днѣ ея въ полуденную жару; то весело и беззаботно играла на ея поверхности по утрамъ. Не было невѣдомыхъ для нея шипящихъ страшилищъ, безобразно нарушавшихъ покой подводнаго царства подымаемыми волнами, ревомъ своихъ свистковъ и тяжелыми ритмическими ударами своихъ машинъ.

Покойныя барки всѣхъ фасоновъ и названій не были страшны рыбкамъ, онѣ привыкли къ нимъ и потому довѣрчиво, сплошь и рядомъ цѣлыми стаями, плыли за ними, пользуясь временами разными отбросами, въ родѣ вчерашней пшенной каши съ коноплянымъ масломъ, или вкусной, густо посоленной и высосанной донельзя пустою сельдяною головой.

Раннее лѣтнее утро; всего только третій часъ; природа зажила уже во всю ширь, а среди людей еще царитъ тишина и надъ городомъ, и надъ рѣкой, и въ зеленѣющемъ на другомъ берегу рѣки сосновомъ бору, въ томъ заповѣдномъ бору, къ которому еще не прикоснулась ни все разрушающая рука времени, ни все пожирающая бездонная утроба Калупаевыхъ и Разуваевыхъ.

Только слышится мѣрный плескъ воды—это идетъ на баркѣ работа водолива.

Прибрежные жители всѣ погружены въ безмятежный сонъ. Спятъ спокойно, съ открытыми окнами, съ открытыми дверями балконовъ; спятъ не опасаясь, что къ нимъ заберется непрошеный гость, любитель чужой собственности, какой-нибудь осипшій и опухшій безработный трудовикъ...

Зимой была опасность: частенько забѣгали гости съ того берега, изъ лѣсу—стаи волковъ, и потому принимались мѣры къ охранѣ домашнихъ животныхъ; но лѣтомъ бояться было некого: ни людей, ни звѣрей.

На лѣвой сторонѣ гористой улицы, ведшей отъ пароходной

пристани въ городѣ, въ ряду другихъ одноэтажныхъ домиковъ, въ большинствѣ своемъ деревянныхъ, стоялъ домъ и соборнаго священника, законоучителя нашей прогимназіи Михаила Петровича Ѳаворскаго; домъ одноэтажный, въ семь небольшихъ оконъ по фасаду, обитый тесомъ и, право, теперь не представляю себѣ отчетливо, былъ ли онъ окрашенъ въ дымчатую краску, или отъ времени, естественнымъ образомъ, посѣрѣло жилище отца Михаила.

Вотъ осторожно отворяется калитка; выходитъ изъ нея мальчикъ лѣтъ 13—14; это Ваня, второй сынъ отца Михаила, ученикъ мѣстнаго духовнаго училища. На его затылокъ лихо сдвинута старенькая фуражка; на Ванѣ свѣтлая ситцевая рубашка, довольно помятая; короткія нанковыя штанишки, изъподъ которыхъ виднѣются босыя ноги; заспаные глаза, неумытое лицо показываютъ, что онъ прямо съ постели.

Ваня остановился у самыхъ воротъ, занесъ свою худую, длинную и блѣдную рученку на глаза, сдѣлалъ изъ нея зонтикъ и зорко сталъ всматриваться въ показавшееся на горизонтѣ свѣтило міра.

— Пора!—прошепталъ онъ.

Юркнулъ опять въ калитку, а черезъ двѣ-три минуты опять показался на улицѣ; въ рукахъ у него уже были всѣ рыболовныя снасти, какъ у самаго заправскаго охотника-рыболова: и удочки разныхъ сортовъ, и жерлица для щуки, и два-три подпуска, и прикормка для рыбы, и большая жестянка съ червями. Все это онъ заботливо приготовилъ съ вечера, предвкушая заранѣе наслажденіе единственнымъ для него доступнымъ удовольствіемъ—рыбною ловлей.

По животрепещущимъ мосткамъ живо перебѣжалъ Ваня съ одной барки на другую, живо скинулъ съ себя рубашенку, картузъ и штанишки и увѣренно бросился въ прохладныя воды давно знакомой, родной рѣки; переплылъ на тотъ берегъ, для чего-то съ особымъ удовольствіемъ извалялся въ береговомъ пескѣ и опять вплавь переправился на барку.

На мокрое тѣло онъ накинулъ рубашенку, влѣзъ въ штаны; надѣлъ на голову фурашку и сталъ готовиться къ рыбной ловлѣ: распустилъ подпуски, насадилъ на нихъ червей и пустилъ по теченію рѣки; пойманнаго на удочку перваго окунька онъ защепилъ на громадный крюкъ жерлицы и забросилъ ее вдоль рѣки по другую сторону барки.

Во всѣхъ его движеніяхъ виднѣлись и опытъ и любовь къ занимавшей его охотѣ. Онъ цѣликомъ ушелъ въ свою работу,

казалось, онъ отрекся отъ всего міра и весь безраздѣльно отдался любимому занятію.

Время бѣжало незамѣтно; то надо было принять уловъ съ подпусковъ, то оглядѣть щучью жерлицу, то подбѣжать къ удочкамъ...

Довольно увемистая плетенка съ наловленной рыбой, привязанная веревкой къ баркѣ и опущенная въ воду, была уже полна. Превосходный обѣдъ и ужинъ былъ обезпеченъ на всю довольно большую семью.

Ударили къ обѣднѣ.

— Ну, будетъ!—проговорилъ Ваня и сталъ собирать свои снасти. Ему надо торопиться домой: прислуги нѣтъ, мать по дому работаетъ одна, и онъ ея единственный незамѣнимый помощникъ.

На его обязанности, добровольно на себя принятой, лежало: натаскать воды, поставить самоваръ, заготовить дровъ, нащепать лучины, подмести дворъ, сбѣгать въ лавочку... да и мало ли было за нимъ дѣла по дому!

И учился Ваня хорошо; онъ окончилъ курсъ въ духовномъ училищѣ и теперь готовился къ пріемнымъ экзамѣнамъ въ семинарію.

Всѣмъ бы малый былъ хорошъ, одно плохо—изрѣдка покашливалъ... И болѣзненно отзывался въ сердцѣ любящей матери этотъ повидимому безпричинный кашель!..

Время летѣло незамѣтно; вотъ онъ ужъ кончилъ и семинарію и рѣшилъ идти по стопамъ старшаго брата въ университетъ; но онъ не будетъ, какъ братъ, юристомъ; онъ и тутъ избираетъ себѣ медицину, и тутъ стремится на помощь страждущему человѣчеству.

Одновременно съ нимъ окончилъ курсъ губернской гимназіи и поступилъ въ университетъ богатый барчукъ, Володя Милѣевъ, которому въ будущемъ тоже придется удѣлить страничку моихъ воспоминаній. Въ университетѣ они близко сходятся, несмотря на то, что Володя—юристъ, а этотъ медикъ; тотъ—баричъ, этотъ—кутья. Университетъ такъ сблизилъ ихъ, что они почти не разстаются и во время вакацій; чуть не постояннымъ гостемъ былъ Ваня въ семьѣ Милѣевыхъ. Онъ вошелъ въ ихъ радушную семью, широко еще жившую даже и послѣ эмансипаціи.

У Володи есть младшій братъ, есть двѣ сестры, изъ коихъ одна уже невѣста, другая—подростокъ Соня. Есть еще Надя—дальняя родственница. Вахлаку-семинаристу заглядываться на богатыхъ дворянокъ-невѣстъ дѣло не подходящее, а на бѣдную родственницу можно.

Затѣялся романъ у кисейной барышни съ Ваней, окончившійся законнымъ бракомъ, хотя идея гражданскаго брака усиленно пропагандировалась въ ежемѣсячныхъ передовыхъ журналахъ того времени, т. е. конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ.

Въ этотъ медвѣжій уголъ идеи пролѣзали безпрепятственно, но, такъ сказать, воплощеніе этихъ идей, примѣненіе ихъ къ жизни, переходъ отъ словъ къ дѣлу—шли туговато. Въ крѣпкой барской средѣ пока еще не было подходящей для этого почвы.

Ваня—врачъ. Онъ женился на Надѣ и поступилъ на земскую службу. Съ первыхъ шаговъ своей самостоятельной жизни онъ весь съ головой окунулся въ свою работу. Сознавая слабость своего здоровьишка, онъ сторонился отъ всевозможныхъ излишествъ; очень мало и рѣдко позволялъ себѣ участвовать въ водочной компаніи, въ карты не игралъ, спать ложился во время, однимъ словомъ, „соблюдалъ себя“, берегъ для семьи.

Но, къ сожалѣнію, таковы были условія его жизни, пока высшее мѣстное общество не признало его своимъ; пока онъ открыто не задѣлался „аристократомъ“, пока не окунулся въ трясину уѣздной жизни и не залѣзъ въ ряды ея „борцовъ“.

Вотъ тутъ-то онъ и началъ ломаться. Изъ него неожиданно получился фруктъ совсѣмъ не тотъ, который сѣяли и воспитывали... Отъ осины вдругъ уродился апельсинъ!..

— Cherche la femme!—говорятъ въ этомъ случаѣ французы.

Ну, что-жъ—поищемъ.

Теперь я оставлю на время этого симпатичнаго мнѣ человѣка въ сторонѣ; мнѣ еще представится случай вернуться къ нему и посмотрѣть на него вкупѣ съ другими, разсказать, какъ искалѣчила его жизнь, безалаберная уѣздная жизнь; какъ испортила она его чистую душу, какъ опоганила его тѣло, убила его волю, остановила развитіе его ума...

Перейду лучше къ другой замѣтной личности—Аркадію Васильевичу Альянову. На этой далеко незаурядной личности, открывшей мнѣ двери въ интеллигентные круги мѣстнаго общества, стоитъ тоже остановиться. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ шестидесятниковъ, которые выплыли на поверхность моря житейскаго и играли роль.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Императора Александра I къ неизвѣстному о пріѣздѣ въ Россію шведскаго короля Густава IV Адольфа.

1810.

Андрей Семеновичъ,

Чувствительно благодарю за лошадь которая будетъ весьма мне полезна. Желаю искренно чтобъ моя могла бы вамъ быть годна.

Имею честь поздравить съ посещеніемъ Короля Шведскаго. Помнишли что ты сумневался что ты его не увидишь, теперь кажется довольно нагледисса. Я боюсь чтобъ она вамъ хлопотъ не наделало, въ протчемъ желаю чтобъ все хорошо пошло Пребываю на векъ вамъ доброжелательной:

Александръ.

31 августа.

Прилагаю при семъ письмо для маіора *Купреанова* 2-го. (всё письмо собственноручное) (подлинникъ находится у Кж. Е. Д. Долгорукой).

Примѣчаніе 1-е.—Письмо сіе, *писанное въ 1810 г.*, относится до пріѣзда въ Россію несчастнаго короля шведскаго Густава IV Адольфа, женатаго на родной сестрѣ Императрицы Елизаветы.

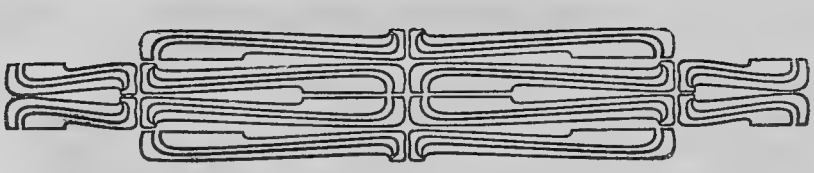
Лемуанъ въ своей шведской исторіи (Lemoine, M. L. — Abrégé de l'histoire de Suède. 2 vols. Paris. 1844;—t. 2, p. p. 345—7) пишетъ, что, послѣ собранія сословій въ Стокгольмѣ 1 мая 1809 г., король Густавъ IV Адольфъ былъ признанъ лишённымъ возможности поддерживать въ странѣ порядокъ и,

послѣ его отреченія отъ престола и назначенія ему 30.000 риксдалеровъ ежегодной пенсіи, сверхъ его частныхъ доходовъ, былъ въ декабрѣ мѣсяцѣ отвезёнъ въ Карлскрону, а оттуда въ Свинемюнде, гдѣ онъ, вскорѣ по пріѣздѣ, развелся съ женой, отъ которой у него было 4 дѣтей.—Изъ Свинемюнде король сначала отправился въ С.-Петербургъ, но, вслѣдствіе холоднаго пріема, оказаннаго ему Императоромъ Александромъ, долженъ былъ почти тотчасъ же отправиться въ Англію, гдѣ, напротивъ, ему былъ оказанъ весьма радушный пріемъ.—Родился Густавъ IV Адольфъ въ Стокгольмѣ 1 ноября 1778 и умеръ 7 февраля 1837, въ Сенъ-Галлѣ въ Швейцаріи. (Ср.—*C. Georg Starbäck.* Berättelser ur svenska historien fortsatta af P. O. Bäckström, Stockholm, 1886, IX, p. p. 439—732).

Примѣчаніе 2-е.—Маіоръ Купреяновъ, въ семъ письмѣ упоминаемый, не одно ли лицо съ маіоромъ Купреяновымъ, о коемъ упоминается въ рескриптѣ Императора Александра на имя гр. А. А. Аракчеева отъ *23 сент. 1796 г.* („Великій Князь Николай Михаиловичъ. Императоръ Александръ I", т. II стр. 545).—Въ т. 60-мъ „Сборника Имп. Русск. Истор. Общ." читаемъ, что *Купріяновъ 2-й* генералъ-маіоръ л.-гв. Семеновскаго полка. 1798, 22 дек. отставленъ, *а 1799 14 марта опредѣленъ комендантомъ Павловска*; въ т. 62-мъ того же Сборника читаемъ, что Купріяновъ-2-й, Евдокимъ Ѳедоровичъ, ум. *послѣ 1808 г.*

Сообщилъ **В. Арсеньевъ.**

Примѣчаніе А. А. Голомбіевскаго. Это письмо написано къ генералу-отъ-кавалеріи, а въ то время подполковнику, начальнику Гатчинской кавалеріи и Павловскому коменданту Андрею Сем. Кологривову (см. о немъ „Воен. Галер. 1812", „Рус. Портреты", Никифоровъ „Старая Москва" и пр.). На письмѣ видимо года нѣтъ и оно датировано не вѣрно: оно не 1810 г., а по моему 1796 г. и говоритъ о первомъ пріѣздѣ Густава IV въ Петербургъ въ качествѣ жениха В. К. Александры Павловны, тогда понятенъ и Купріяновъ.



Историческая записка о принятыхъ мѣрахъ осторожности по случаю открывшейся въ окрестностяхъ города Одессы чумой заразы.

Между многими рукописями по исторіи и статистикѣ Новороссіи, которые я нашелъ въ архивѣ моего дѣда Михаила Михайловича Кирiакова (1810—1839) и принадлежащихъ перу его, я нашелъ нѣсколько тетрадей, писанныхъ четкимъ красивымъ почеркомъ дѣда на толстой синей бумагѣ. На поляхъ масса поправокъ, ремарокъ—въ текстѣ же есть помарки и вставки. Эта рукопись подробно излагаетъ всѣ факты отъ начала до конца чумной эпидеміи, которая постигла Одессу въ 1829 г. лѣтомъ. Я привелъ все въ порядокъ, т. е. поставилъ всѣ вставки на мѣста, соединилъ отдѣльныя статьи и тетради въ одно цѣлое, сохранивъ, конечно, все до орѳографіи включительно, въ своемъ первоначальномъ видѣ. Хотя мой дѣдъ въ то время и проживалъ въ Одессѣ, едва годъ тому назадъ окончивъ кандидатомъ Московскій университетъ, но въ изложеніи хода чумы онъ ни единымъ словомъ не обмолвился своими впечатлѣніями, а придерживался строго документальной стороны дѣла. Этимъ и можно объяснить названіе, которое онъ далъ своему труду: „Историческая записка“. Конечно, мы можемъ только пожалѣть объ отсутствіи бытовой стороны того времени и того ужаса, который переживался тогда одесскими жителями, но историкъ, которому будетъ пригодна эта записка какъ матеріалъ, будетъ съ увѣренностью упираться на подобный трудъ въ своей работѣ, куда не былъ внесенъ личный взглядъ на всѣ мѣры, могущій явиться подъ впечатлѣніемъ только-что пережитаго ужаса одесской чумы.

Михаилъ Кирiаковъ.

1829 года, 13 іюня. Г-нъ Новоросійсскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ вслѣдствіе донесенія г-на Одесскаго градоначальника, что въ деревнѣ Усатовы Хутора, лежащей на городской землѣ, внезапно оказалось въ одномъ домѣ два смертныхъ случая и нѣсколько больныхъ, тотчасъ послалъ туда городского доктора Кренке, который объявилъ, что сей случай сумнителенъ. Почему 14 числа отправленъ туда же главный карантинный докторъ Гординскій съ однимъ грекомъ, знавшимъ чуму. Въ слѣдствіе найденныхъ ими чумныхъ знаковъ, на нѣкоторыхъ больныхъ и умершихъ, деревня немедленно оцѣплена обывателями и 50 казаками; а между тѣмъ потребовано отъ мѣстнаго военнаго начальства 400 чел. пѣхоты, кои смѣнили обывателей и казаковъ на разсвѣтѣ 15 числа, оцѣпивъ упомянутую деревню и часть смежныхъ селеній Куяльниковъ. До ма въ коихъ оказалась зараза, и тѣ, которые съ ними сообщались, равно какъ и домъ священника, хоронившаго умершихъ, оцѣплены особеннымъ внутреннимъ карауломъ, не имѣющимъ никакого сообщенія съ наружной цѣпью. Церковь запечатана, отведено мѣсто для чумнаго квартала, обнесенное рвомъ, въ коемъ поставлены камышевые балаганы, для принятія зачумленныхъ, назначено особенное кладбище, а въ селеніе отправленъ начальникомъ штабсъ-ротмистръ Гахузинъ, лѣкарь и карантинный комиссаръ съ запасомъ карантинныхъ припасовъ. Еще велѣно туда отправить нѣсколько карантинныхъ служителей, одѣтыхъ въ кожаное платье, для прислуги за сумнительно больными, изъ вольнонаемныхъ людей, набранныхъ, вмѣсто преступниковъ, какъ было прежде. Балаганъ, платье и постель послѣ смерти больного велѣно немедленно сжигать. Для сношенія и передаванія припасовъ назначены два пункта въ цѣпи. Особому чиновнику предписано производить для узнанія откуда явилась зараза; а два солдата вышедшіе 14 числа утромъ изъ сего селенія въ городъ и жители городскіе, сообщавшіеся съ Усатовскими отведены въ Одесскій карантинъ, а вещи ихъ подвергнуты карантинному очищенію. Тогда же сдѣланы слѣдующія распоряженія: Херсонскому гражданскому губернатору сообщено о принятіи по губерніи самыхъ надежнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ наблюденію за здоровьемъ жителей и къ употребленію въ случаѣ надобности рѣшительныхъ распоряженій для прекращенія болѣзней и недопущенія распространенія оной. Одесскому и Тираспольскому земскимъ исправникамъ предписано немедленно распорядиться о строчномъ наблюденіи за здоровьемъ жителей всѣхъ селеній посредствомъ раздѣленія

уѣздовъ на участки, кои ввѣрить избраннымъ отъ сословія дворянства довѣреннымъ лицамъ и ихъ помощникамъ, обязавъ ихъ при томъ о всякомъ сумнительномъ случаѣ немедленно доносить; почему одесскій земскій судъ и переведенъ на время въ селеніе Дальникъ, поелику ему гораздо удобнѣе было находиться въ центрѣ уѣзда для ближайшихъ распоряженій; но какъ сумлѣніе наиболѣе падало на жителей деревень и колоній, окружающихъ Одессу, то нѣсколькимъ чиновникамъ повелѣно отправиться по нѣсколькимъ трактамъ отъ города для освидѣтельствованія жителей и узнанія, нѣтъ ли между ними больныхъ, и если болѣзнь окажется нѣсколько сумнительною, то доносить, если же будетъ явное сумленіе, то требовать отъ мѣстнаго земскаго начальства, чтобы селеніе было немедленно оцѣплено о чемъ сообщено одесской колонистской конторѣ, а одесскому духовному начальству дано знать, о не погребеніи умершихъ и непріобщеніи Св. Тайнъ больныхъ жителей города и окрестностей безъ вѣдома полиціи, долженствующей предварительно осматривать черезъ медиковъ таковыхъ людей. Проѣздъ въ городъ простолюдиновъ и евреевъ, не имѣющихъ уважительныхъ причинъ быть въ городѣ—воспрещенъ, равно какъ и тѣмъ особамъ изъ другихъ классовъ или ѣдущимъ по службѣ, кои будутъ замѣчены въ болѣзни. О таковыхъ немедленно велѣно давать знать начальству и до разрѣшенія задерживать у заставъ, при чемъ предписано полиціи самымъ строжайшимъ образомъ смотрѣть за проѣзжавшими въ городъ, для открытія такихъ, кои могутъ пробраться черезъ Днѣстръ тайно мимо карантиновъ для принятія нужныхъ мѣръ осторожности. Самый городъ съ предмѣстіями внутри порто-франко находящимися раздѣленъ на 22 участка, кои и ввѣрены особымъ комиссарамъ, отъ почетныхъ гражданъ избраннымъ для тщательнаго надзора и развѣдыванія о здоровьи жителей. Комиссарамъ велѣно избрать помощниковъ для посѣщенія ежедневно каждаго дома поутру и въ вечеру и для узнанія нѣтъ ли сумнительныхъ больныхъ, съ тѣмъ чтобы помощники отдавали отчетъ комиссарамъ, а сіи послѣдніе высшему начальству. Комиссарамъ внушено обратить особенное вниманіе на стѣсненныя и неопрятныя жилища, особенно евреевъ и на землянки по бывшей чертѣ Порто-Франко. Кромѣ того комиссары и ихъ помощники снабжены слѣдующей инструкціей, переведенную на употребительнѣйшіе въ Одессѣ языки: (приложить имена комиссаровъ и инструкція № 1 въ 1-й части).

Пребывающіе въ Одессѣ медики въ то же время пригла-

шены являться тотчасъ по требованію комиссаровъ для освидѣтельствованія заболѣвшихъ и умершихъ и для того раздѣлены по комиссарствамъ. Между тѣмъ по случаю открывшейся заразы на Куяльнинахъ, прежняя цѣпь, окружавшая Усатовы хутора и часть только Куяльниковъ, немедленно расширена, такъ что вся деревня Куяльники вошла въ оную. Особенное слѣдствіе велѣно производить для узнанія о началѣ тамъ заразы и о сообщеніи, какое могли имѣть куяльницкіе жители съ другими хуторами, сами же жители подвергнуты тѣмъ же карантиннымъ строгостямъ, какимъ и усатовскіе; вскорѣ затѣмъ, а именно 20 іюля зараза появилась въ землянкѣ на хуторѣ грека Феогности близъ города. Въ сей землянкѣ съ признаками чумы померли одна женщина и двое дѣтей и по слѣдствію открылось, что онѣ имѣли сообщеніе съ нѣкоторыми жителями городскими, а потому сіи послѣдніе равно какъ и одна женщина, оставшаяся отъ вымершаго семейства, взяты въ портовый карантинъ. 25 іюля по допросамъ сихъ людей въ карантинѣ узнали, что есть въ городѣ еще одно семейство водовоза, имѣвшее частое сношеніе съ землянкой. Семейство это тотчасъ отъискано близъ рыбнаго рынка и найдено, что въ ономъ отецъ умеръ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, а жена его больна и уже два дня оцѣплена полиціей по совѣту медиковъ. Тотчасъ перевезли ее въ карантинъ, гдѣ она по утру на другой день умерла съ явными признаками чумы. Новый случай сей уже не оставилъ никакого сумнѣнія на счетъ существованія заразы внутри города и не позволялъ болѣе терять времени, а почему г. генералъ-губернаторъ въ тотъ же день, т. е. 26 іюля оцѣпилъ городъ четырьмя батальонами пѣхоты по нынѣшней чертѣ Порто-Франко. Военнымъ карауламъ на таможенныхъ заставахъ на стоящихъ и нарочито посланнымъ туда чиновникамъ вмѣнено въ обязанность строжайше наблюдать, чтобы никто не былъ выпускаемъ изъ оцѣпленія безъ особенныхъ билетовъ за подписью генералъ-губернатора или градоначальника, о чемъ сообщено и таможенному вѣдомству. Дома, имѣвшіе сообщеніе съ зачумленнымъ домомъ, или точнѣе сказать съ землянкою, въ числѣ тринадцати, оцѣплены внутреннимъ карауломъ. Церкви запечатаны, присутственныя мѣста, театръ, кофейные домы, трактиры, погреба, кабаки и вообще мѣста, гдѣ бываютъ народныя собранія—закрыты. За чертою оцѣпленія учреждена временно почтовая экспедиція съ потребными очистительными матеріялами для окурки, равно какъ и почтовая станція. Особыя управленія установлены для наблюденія за рынками и для воспрепятствованія

всякаго сообщенія между оцѣпленными городскими жителями и внѣшними продавцами, изъ уѣзда пріѣзжающими къ чертѣ оцѣпленія съ съѣстными припасами. Тѣмъ же чиновникамъ велѣно смотрѣть, чтобы и жители городскіе на рынкахъ какъ можно менѣе сообщались между собою, съ каковою цѣлью построены барьеры, раздѣленные на многія отдѣленія, при коихъ велѣно содержать кадки съ водою и сосуды съ уксусомъ (см. прилагаемый чертежъ). Для продовольствія же съѣстнымъ учреждены двѣ комиссіи, одна внутренняя, другая внѣшняя: сія послѣдняя должна пештись о заготовленіи топлива и другихъ необходимѣйшихъ потребностей и доставлять оные къ оцѣпленію. Внутренняя комиссія по пріемѣ сихъ припасовъ и по полученіи изъ казенныхъ магазиновъ въ городѣ муки, крупъ и сухарей должна была роздавать комиссарамъ, по ихъ требованіямъ продовольствіе для бѣдныхъ.

Между тѣмъ карантинъ портовый такъ наполнился людьми изъ города взятыми, что въ ономъ уже не было помѣщенія, а потому зданіе завода купца Прохорова, находившееся между городомъ и предмѣстіемъ Молдаванкою, обращено во временный карантинъ, для жителей города сумнѣнію подвергшихся. Сей карантинъ снабженъ всѣми нужными припасами, увеличенъ постройками и раздѣленъ на разныя отдѣленія, дабы люди, находящіеся въ ономъ не могли сообщаться; за продовольствіемъ и порядкомъ велѣно наблюдать особенному чиновнику, а для сумнительно больныхъ солдатъ, составляющихъ внѣшнюю цѣпь вокругъ города—отведенъ хуторъ (№ 34 г. Селихова), въ коемъ и учрежденъ обсерваторный лазаретъ. Къ внутренней комиссіи прибавлено еще особенное отдѣленіе, единственно имѣющее обязанность продовольствіе практическихъ судовъ, ибо гавань практическая съ судами въ ней находящимися, въ самый день оцѣпленія города, отдѣлена отъ онаго особымъ карауломъ и по запрещенію сообщаться съ оною городскимъ жителямъ, она оставлена въ практикѣ. Продовольственныя комиссіи не могли начать въ скорости своихъ дѣйствій и посему комиссіи, распоряжающей доставленіемъ (продовольствія) для второй арміи и смотрителю одесскаго магазейна велѣно отпускать прокормленіе для бѣдныхъ жителей городскихъ по требованію комиссаровъ. Составлена комиссія изъ полковника корпуса жандармовъ Гофмана, одесскаго полицмейстера и доктора Граперона, въ помощь коимъ велѣно избрать нѣсколькихъ гражданъ, объявившихъ свое желаніе для произведенія общей окурки и очищенія по карантиннымъ правиламъ всѣхъ сумнительныхъ домовъ въ городѣ

и хуторовъ, находящихся въ чертѣ оцѣпленія, исключая особенно оцѣпленныхъ уже, для освидѣтельствованія въ нагомъ видѣ всѣхъ людей и оцѣпленія ихъ въ случаѣ сумнѣнія. Другая такая комиссія учреждена въ Куяльникѣ и Усатовыхъ хуторахъ. Сей послѣдней велѣно обратить особенное вниманіе на скрытыя убѣжища въ каменоломняхъ и складахъ. Дабы очищеніе домовъ, вещей и пожитковъ производилось съ большею увѣренностью въ несокрытіи чего-либо хозяевами, то велѣно приводить хозяевъ къ присягѣ, не прикладываясь ни къ Кресту, ни къ Евангелію, въ томъ, что ничто въ домѣ не сокрыто. Составленъ также медицинскій совѣтъ изъ опытнѣйшихъ медиковъ, для немедленнаго освидѣтельствованія сумнительно-больныхъ и умершихъ и для точнаго опредѣленія рода болѣзней. Главнокомандующему 2-й арміей представлено о прекращеніи вовсе присылкою изъ завоеванныхъ мѣстъ въ Одессу больныхъ и раненыхъ плѣнныхъ турковъ и всякихъ вещей, ибо въ карантинѣ негдѣ ихъ было помѣщать. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено николаевскому черноморскому комитету о прекращеніи пропуска черезъ Бугъ простолюдиновъ, неимѣющихъ тому уважительной надобности и о пропущеніи благородныхъ лицъ по осмотру, нѣтъ ли между ними сумнительно больныхъ. Взятыя въ пору мѣры для утушенія и нераспространенія заразы въ городѣ и окрестностяхъ, не требовали строжайшихъ предосторожностей на Бугской линіи. Въ то самое время, когда принимались всѣ сіи мѣры, а именно 30 іюля, изданы для руководства жителей Одессы, во время существованія заразы слѣдующія печатныя правила: (слѣдуютъ правила № 2).

Попечительныя распоряженія начальства, о доставленіи оцѣпленнымъ жителямъ Одессы необходимыхъ потребностей по дешевой цѣнѣ не ограничились вышеизложенными мѣрами. Владѣльцамъ и откупщикамъ колодцевъ объявлено, дабы они продавали по обыкновенной цѣнѣ воду, отнюдь не смѣя ее возвышать, подъ строгимъ взысканіемъ. Для всѣхъ жизненныхъ припасовъ составлена умѣренная такса (при семъ прилагаемая № 5), выгодная для продавцовъ и покупателей. Одесскому и Тираспольскому исправникамъ предписано о заготовленіи топлива и привоза онаго къ чертѣ оцѣпленія, отдѣльному комиссару поручено продовольствіе неимущихъ чумаковъ, задержанныхъ у Херсонской заставы по случаю оцѣпленія города, а для облегченія сколь возможно участи бѣдныхъ людей, по принятымъ мѣрамъ осторожности, нуждающимся въ дневномъ пропитаніи, роздана особая сумма комиссарамъ. Для вернѣйшаго очи-

щенія Усатовыхъ хуторовъ и Куяльника, жители оныхъ выведены въ лагерь между двухъ морскихъ лимановъ, а домы ихъ окурены, выбѣлены и вывѣтрены по всѣмъ карантиннымъ строгостямъ; къ успокоенію же обывателей сихъ обоихъ селеній на счетъ собственности и къ побужденію соблюдать осторожности объявлено имъ: 1-е, что взятый отъ нихъ скотъ для очищенія сохраненъ будетъ неутратно, что для выпаса онаго назначены хорошія поля и опредѣленъ достаточный присмотръ, если что-либо отъ недосмотра пропадетъ, то за сіе непремѣнно будетъ уплочено хозяевамъ; 2-е, что вещей никакихъ не будутъ сожигать, но очищать по правиламъ; одни постели и одѣянія чумныхъ подвергнутся сожженію, но и за сіи вещи наслѣдникамъ будетъ заплачено; 3-е, что всякій сокрывшій вещь отъ очищенія, а также неповинующійся и противудѣйствующій карантиннымъ предосторожностямъ, заключающее собственное всѣхъ жителей благо, будетъ сужденъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ въ теченіе 24 часовъ; 4-е, что для облегченія людей выводимыхъ въ лагерь будетъ отпускаться имъ винная и мясная порція, а въ теченіе Спасова поста соленая рыба и постное масло.

Между тѣмъ произошли слѣдующія обстоятельства: 2 августа заболѣлъ со всѣми признаками чумы одинъ казакъ въ лагерѣ войскъ, содержащихъ цѣпь вокругъ Куяльника, почему всѣ казаки, жившіе съ нимъ въ палаткѣ, равно какъ и казацкая казарма, гдѣ онъ наканунѣ ночевалъ и нѣсколько домовъ на Кривой Балкѣ, съ жителями коихъ онъ имѣлъ сообщеніе оцѣплены и подвергнуты 14-ти дневной обсерваціи. Пожитки казаковъ немедленно очищены, а лошади омыты соленою водою 10 числа на землѣ, принадлежащей къ селенію Дальнику, близь города лежащаго, умеръ съ нѣкоторыми сомнительными признаками 16-ти лѣтній глухонѣмой мальчикъ, жившій съ отцомъ въ балаганѣ посреди поля. Хотя медики не объявили утвердительно, чтобы на немъ были знаки заразы, однако же всѣ предосторожности по сему случаю приняты: отецъ умершаго взятъ въ карантинъ, а работавшіе близь его поселка 30 душъ оцѣплены. Съ 26 іюля по 15 августа въ городѣ не было замѣчено новаго появленія заразы, почему начальство уже рѣшалось открыть внутреннія сообщенія (не снимая впрочемъ наружной цѣпи), какъ вдругъ 15 августа явилась чума въ предмѣстіи Молдаванка, которое находилось вмѣстѣ съ городомъ въ одномъ оцѣпленіи и въ коемъ жили весьма многіе ремесленники, доставлявшіе жителямъ городскимъ всѣ припасы. Надлежало принять рѣшительныя мѣры для прекращенія заразы уже рас-

пространившейся. Семейства, въ коихъ оказались больные, взяты немедленно въ карантинъ (временный), равно какъ и всѣ другіе жители, имѣвшіе какое-либо съ ними сообщеніе, дома подвергнуты строжайшему окуренію. Вся Молдаванка и хутора въ связи съ нею находящіеся оцѣплены военнымъ карауломъ, дома въ коихъ оказалась болѣзнь окружены вторичною цѣлью и, наконецъ, всякое сообщеніе между городомъ и симъ предмѣстіемъ по возможности прервано. Рынки при Тираспольской заставѣ раздѣлены такимъ образомъ, что промышленники городскіе пріѣзжали туда два дни сряду, а въ третій допускались одни жители молдаванскіе. Для отличія же промышленниковъ городскихъ отъ молдаванскихъ, послѣднимъ давались особенные бумажные билеты по сему случаю. Скотъ, принадлежавшій молдаванскимъ жителямъ по надлежащему очищенію выведенъ изъ сего предмѣстія на дачи колоніи малаго Либенталя. Въ самомъ городѣ, всѣ мѣры противъ сообщенія жителей между собою получили новую строгость, число билетовъ, дающее право выходить гораздо уменьшено; распоряженіе сіе обнародовано съ объявленіемъ (№ 6).

Вскорѣ затѣмъ на дачахъ села Татарки и близъ лежащаго хутора Жуковскаго открылась заразительная болѣзнь—почему сіи мѣста оцѣплены военнымъ карауломъ со всѣми смежными съ опыми жилищами, стоги сѣна и хлѣба подъ коими лежали нѣсколько дней больные и умершіе, по предварительной оцѣнкѣ сожжены, равно какъ и поле нѣкоторое пространство выжжено; ибо по оному влачены были тѣла умершихъ къ погребенію, собаки охранявшія замученныя семейства убиты—а жители выведены въ лагерь по спасательному примѣру Усатовыхъ хуторовъ и Куяльниковъ, въ которыхъ болѣзнь видимо началась уменьшаться со времени вывода поселянъ въ лагерь съ раздѣленіемъ ихъ на четыре разряда и учрежденіемъ тамъ же въ лагерѣ временно чумнаго отдѣленія. Чистый воздухъ и купаніе въ лиманѣ оказали въ семъ случаѣ самое благотворное дѣйствіе.

Въ слѣдствіе помянутаго происшествія на хуторѣ Жуковскаго, поселянамъ окрестныхъ городу деревень и хуторовъ запрещено отлучаться безъ особой надобности, шинки закрыты, священнослуженіе прекращено, монету велѣно принимать черезъ уксусъ. Тогда же суждены военнымъ судомъ по правиламъ уголовнаго уложенія: Большой дѣйствующей арміи: Куяльницкій житель Александръ Волошенко за сокрытіе умершей въ его домѣ и тайное погребеніе дѣвочки и Царства Польскаго еврей

Гершко Мировичъ за покушеніе тайно перейти черезъ карантинное оцѣпленіе изъ города. Преступленія такого рода требовали строгаго наказанія въ страхъ и примѣръ другимъ, а потому по утвержденію г. генералъ-губернаторомъ приговора, судомъ произнесеннаго надъ обоими сими нарушителями карантиннаго устава, они по силѣ сего устава разстрѣляны, первый 12 числа въ селеніи Куяльникѣ, а второй 13 на площади противъ городского тюремнаго замка. 24 августа въ Молдаванкѣ оказалась чума на женщинѣ, бывшей въ услугахъ у г. Круга, о коей говорено выше, а сверхъ того на дочери одного артиллерійскаго солдата изъ команды содержавшей цѣпь около Молдаванки. Семейство ея и всѣ сообщавшіеся съ онымъ немедленно взяты въ карантинъ, а палатки и балаганы въ коихъ они жили сожжены. Между тѣмъ городъ находился все время въ благополучномъ положеніи и потому начальствомъ признано возможнымъ для облегченія участи жителей востановить 8 сентября внутри Одессы сообщенія между домами съ слѣдующими ограниченіями (слѣдуетъ объявленіе). Однако же зараза еще таилась и вскорѣ вспыхнула въ лагерѣ войскъ содержащихъ оцѣпленіе. Въ резервномъ батальонѣ Троицкаго пѣхотнаго полка умерло скропостижно два солдата, да найдено трое больныхъ съ явными знаками заразы. Немедленно палатки и балаганы, въ коихъ они находились прежде и послѣ болѣзни сожжены. Больные, равно какъ и лѣкарь, цырульникъ и гошпитальная прислуга бывшіе при нихъ отвезены въ разныя отдѣленія карантина. Находившіеся съ ними въ послѣдній разъ въ караулѣ, отведены въ особое мѣсто сумнительнаго лагеря молдаванскихъ жителей, а двѣ роты къ коимъ они принадлежали тотчасъ перенесли свой лагерь въ отдаль отъ прочихъ батальоновъ и съ достаточнымъ разстояніемъ между собою. Аммуниція, пожитки сложены въ отдѣльное мѣсто и окурены по всѣмъ карантиннымъ строгостямъ. Солдаты изъ лагеря сего не посылались болѣе въ караулъ, а замѣнены новыми войсками вошедшими въ оцѣпленія для отправленія службы. Сей случай не имѣлъ однакожъ никакихъ опасныхъ послѣдствій, ибо всѣ мѣры для прекращенія заразы въ самомъ началѣ, были приняты съ возможною поспѣшностью и потому не могъ имѣть вліянія на городъ, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія получаемыя какъ отъ городскихъ комиссаровъ, такъ и отъ мѣстныхъ земскихъ начальствъ были самыя удовлетворительныя. Куяльницкіе жители введены въ свои дома и получили полную свободу, поселяне Молдаванскіе оканчивали обсерваціонные сроки въ самомъ здоровомъ положеніи и выходили по отдѣленіямъ въ

свои жилища, наконецъ, въ оцѣпленномъ лагерѣ войскъ заразительныхъ болѣзней не оказывалось. Между тѣмъ въ городѣ комиссары и ихъ помощники продолжали имѣть неослабный надзоръ за здоровьемъ жителей, дома сумнительные оставались въ оцѣпленіи, землянки по чертѣ Порто-Франко наиболѣе способныя къ сокрытію заразы, по тѣснотѣ своей, сырости и гнилой температурѣ, никогда не освѣжаемыя чистымъ воздухомъ, по предварительной оцѣнкѣ уничтожены. Такимъ образомъ, когда съ одной стороны строгости продолжались, съ другой допускались понемногу разныя облегченія, отсроченныя по родившимся сомнѣніямъ въ военномъ лагерѣ.

23 сентября кофейни, трактиры и кабаки отперты, впускъ людей въ оцѣпленіе города дозволенъ безъ выдержанія карантиннаго термина и наконецъ 29 сего мѣсяца, снято караульное оцѣпленіе и Одесса, выдержавъ обсерваціонный срокъ въ наилучшемъ положеніи, получила полное и безпрепятственное сообщеніе со внутренностью Имперіи.

Сообщилъ **М. М. Кирiаковъ.**

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XI [1]).

Сэръ Робертъ Моріе и капитанъ Вигинсъ.

Сэръ Робертъ Моріе, какъ многіе выдающіеся люди, сначала былъ предубѣжденъ противъ г-жи Новиковой. „Она мнѣ разъ сказала,—говоритъ Стедъ, когда Кинглекъ уговаривалъ Моріе познакомиться со мной, онъ отвѣчалъ нетерпѣливо: „я не хочу". Что значитъ этотъ общій возгласъ: О, вы должны поѣхать къ г-жѣ Новиковой. Она, именно она, можетъ вамъ помочь. Никто такъ, какъ она! это безразсудно, непонятно. Я улыбнулся, говоритъ Кинглекъ, и замѣтилъ: „Милый другъ, ты теряешь время, а все-же поѣдешь къ ней". Такъ и случилось, прибавилъ милый старикъ,—передавая этотъ разговоръ Фруду и графу Бейсту.

Сэръ Робертъ человѣкъ дѣла, энергіи и пылавшій гнѣвомъ на медленную апатичность чиновниковъ правительственныхъ департаментовъ. Онъ скоро понялъ, однако, что ему необходимы союзники для проведенія своихъ плановъ. До своей смерти онъ воздавалъ должную дань вліянію и дѣятельности Ольги Алексѣевны, обращаясь къ ней, при каждомъ затрудненіи. Открытіе судоходнаго пути въ Сибирь поглощало его всецѣло въ бытность его британскимъ посломъ въ Россіи.—Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1888 году, Кинглекъ писалъ г-жѣ Новиковой, изъ Ричмонда, 11-го августа.

„Вчера меня навѣстилъ Моріе и провелъ у меня нѣсколько часовъ. Разговоръ его, какъ Вы можете предположить, очень

---

[1]) См. „Русская Старина", августъ 1914 г.

интересовалъ меня. Онъ, первый, заговорилъ о Васъ, и я не могу выразить, какъ мнѣ было пріятно, мой дорогой другъ, видѣть искреннее чувство, съ которымъ онъ относится къ Вамъ, и цѣнитъ Васъ. Онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что мнѣ оставалось только слушать".

Относительно Сибирской двери къ морю, г-жа Новикова почти также горячо принимала это дѣло къ сердцу, какъ—сэръ Робертъ Моріе, и оба они возлагали свои надежды на капитана Вигинсъ изъ Зюндерланда. Онъ, подобно другимъ смѣльчакамъ, которые еще триста лѣтъ тому назадъ ходили по Испанскому океану и создали первенство Англіи на моряхъ, нашелъ потерянный ключъ къ водянымъ дверямъ, ведущимъ въ Русскую страну золота—Сибирь. Замѣчательны были затрудненія его, чтобы пробиться къ этимъ дверямъ.

Внутри обширныхъ владѣній Россіи, въ сѣверной Азіи, существуютъ неизсякаемые источники пшеницы и золото. Но пшеницу, въ то время, вывезти нельзя, не было пути къ рынку и золото лежало подъ землей, за недостаткомъ необходимыхъ орудій для добычи его. Чтобы использовать эти богатства, необходимъ былъ водяной путь между ними и внѣшнимъ міромъ. Капитанъ Вигинсъ его нашелъ. Онъ нашелъ его почти случайно въ 1874 году, плавая въ Арктическихъ странахъ на яхтѣ „Діана", въ 1875 году, профессоръ Норденшильдъ прошелъ въ Енисей, по пути Вигинса; въ 1876 году онъ проплылъ 1000 миль по Енисею, на яхтѣ въ 150 тоннъ, а въ 1878 году капитанъ Вигинсъ прошелъ изъ Англіи до устья Оби и обратно, ровно въ два мѣсяца.

Въ 1879 году какіе-то предприниматели пытались открыть промышленный морской путь въ глубь Сибири, но предпріятіе ихъ потерпѣло полную неудачу, такъ какъ они не считались съ предостереженіями капитана Вигинса. Въ 1887 году капитанъ Вигинсъ прошелъ на пароходѣ „Феникъ", по Енисею до Енисейска, гдѣ и оставилъ его зимовать. Въ 1888 году капитанъ Вигинсъ пошелъ на „Лабрадоръ", чтобы привести обратно „Феникъ". Въ этомъ году сэръ Робертъ нашелъ нужнымъ обратиться къ г-жѣ Новиковой за помощью, чтобъ удалить препятствія, къ открытію морского пути въ Сибирь.

Русское правительство отнеслось благосклонно, Стеду поручено было передать сэру Роберту Моріе благопріятный отвѣтъ Вышнеградскаго, на его просьбу разрѣшить англійскимъ судамъ плавать по Енисею въ теченіе года, послѣ чего надо было надѣяться на то, что русскій экспортъ и пріемъ товаровъ начнутся въ устьяхъ этихъ рѣкъ. Пять лѣтъ безпошлиннаго

ввоза по Енисею и одинъ годъ по Оби были также разрѣшены британскимъ предпринимателямъ, которымъ однако не такъ посчастливилось, какъ вѣроятно посчастливится новымъ піонерамъ, съ успѣхомъ использовать водный путь въ Русскую Австралію.

Зависть сухопутныхъ промышленниковъ, инстинктъ протекціонизма сибиряковъ и бездѣятельность правительственныхъ учрежденій задерживали то, что сэръ Робертъ описывалъ, какъ „торговую революцію", значеніе которой едва-ли могло быть преувеличено.

Пылкое желаніе преодолѣть эти препятствія внушило сэру Роберту Моріе мысль разрѣшить своему сыну, блестящему, многообѣщающему юношѣ, отправиться на „Лабрадорѣ", вмѣстѣ съ капитаномъ Вигинсъ. Въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой, изъ Ню-Кастль-на-Тайнъ въ 1888 г. сэръ Робертъ объясняетъ свои надежды относительно Сибирской экспедиціи. Письмо это даетъ намъ понятіе о внутреннемъ состояніи этой пылкой души. Не удивительно, что г-жа Новикова писала:

„Очарована сэромъ Робертомъ. Онъ—типъ блестящаго, восторженнаго англичанина старыхъ временъ. Ему нельзя не сочувствовать и не помогать его человѣколюбивымъ замысламъ. Его успѣхъ въ Россіи ростетъ съ каждымъ днемъ.

Ню-Кастль-на-Тайнъ
15 іюля 1888 г.

„Дорогая г-жа Новикова,—вы, быть можетъ, удивитесь, что письмо отмѣчено этимъ числомъ. Васъ еще больше удивитъ объясненіе его. Я, здѣсь, жду съ часу на часъ отхода „Лабрадора", подъ командой Іосифа Вигинса, къ устьямъ Енисея, увозящаго моего единственнаго сына. Ваше письмо, только-что полученное, мнѣ было пріятно, потому что оно проникнуто сочувствіемъ въ минуту, когда оно мнѣ особенно необходимо; я не скрою, что чувство разлуки съ сыномъ, при условіи не совсѣмъ безопасной экспедиціи, которая влечетъ за собою полное прекращеніе сообщеній телеграфныхъ или почтовыхъ, по меньшей мѣрѣ, на два мѣсяца, похоже на ощущеніе, когда Вамъ вырываютъ зубъ. Многіе друзья считаютъ меня сумасшедшимъ, но я увѣренъ, судя Вашему письму, что Вы не будете въ ихъ числѣ. Я Вамъ объясню въ нѣсколькихъ словахъ, какъ обстоитъ дѣло. Мальчикъ мой усердно работалъ, готовясь къ дипломатическому экзамену, ему нуженъ былъ отдыхъ. Рѣшено было, что мы проведемъ это время вмѣстѣ, для чего я и пріі-

ѣхалъ въ Англію. Голова моя была занята экспедиціей, и разговоры мои съ Вигинсомъ такъ замагнетизировали моего сына, что онъ упросилъ меня отпустить его съ капитаномъ Вигинсъ. Согласиться на это—значило лишиться ожидаемаго мною удовольствія пробыть нѣкоторое время съ нимъ, сознавать во-первыхъ несомнѣнный рискъ арктическаго путешествія, во-вторыхъ 2.000 миль по Енисею и, наконецъ, въ-третьихъ, 5.000 миль саннаго пути, совершить одному, изъ Енисейска въ Петербургъ, среди зимы. Съ другой стороны, подвергаясь опасности, мальчикъ становится мужчиной, чѣмъ суровѣе опытъ, тѣмъ лучше; сношенія съ людьми простыми, les travailleurs de mer, вмѣсто сдержанныхъ франтовъ въ гостиныхъ; но больше всего польза отъ сообщества такого удивительнаго человѣка, какъ Вигинсъ, при его неутомимой работѣ надъ осуществленіемъ великой идеи.

Тѣмъ не менѣе, я бы не остановился на послѣднемъ соображеніи и не пожертвовалъ бы своимъ спокойствіемъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, если бы я не думалъ, что этимъ я содѣйствую дѣлу, которымъ я такъ глупо увлекаюсь.

Намъ предстоитъ борьба съ тремя драконами:

1) Недовѣріе,

2) Глупость чиновниковъ,

3) Грубая враждебность и русскихъ и сибирскихъ шовинистовъ къ иностранцамъ.

Что касается перваго и самаго страшнаго изъ трехъ, я думаю, что отправка моего сына должна внушить довѣріе какъ здѣсь, такъ и въ Россіи, наши торговые классы не вѣрятъ въ возможность успѣха и отказались наотрѣзъ поддержать предпріятіе. Маленькая компанія, вѣрящая Вигинсу и подписавшаяся на нѣсколько паевъ, дающихъ ему средства на теперешнюю попытку, состоитъ изъ такихъ же энтузіастовъ, какъ я, но не обладающихъ большими средствами, а главную почти всю финансовую помощь оказываетъ маіоръ Гаскель, въ память своего умершаго ребенка. На основаніи правила: „нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ“ я нашелъ, что Вигинса почти никто здѣсь не знаетъ и не цѣнитъ. Появленіе мое съ сыномъ произвело сенсацію, а то, что я могъ сказать имъ объ Вигинсѣ, было точно для нихъ откровеніемъ. Его положеніе уже успѣло измѣниться, а если экспедиція этого года удастся, то на будущій годъ можно быть увѣреннымъ, что привлеченное мною вниманіе къ вопросу гарантируетъ всю необходимую поддержку торговаго міра.

Что касается недовѣрія русскихъ, то если англійскій посолъ отпускаетъ своего сына туристомъ съ экспедиціей, это должно доказать имъ, что онъ считаетъ дорогу безопасной и нормальной. Долженъ сознаться въ своей наивности: мнѣ иногда кажется, что, поступивъ такимъ образомъ, найдутся тамъ и сямъ добрые русскіе люди, которые увидятъ, что сердце мое лежитъ всецѣло—къ проекту уединенія двухъ странъ, для совмѣстной работы на пользу мира и обоюднаго доброжелательства, вмѣсто кошмарной политики. Я старый кобденецъ, одинъ изъ основателей Кобденскаго клуба и тѣни старины меня преслѣдуютъ.

Когда я вошелъ на „Лабрадоръ“, мнѣ живо вспомнилась метафора Гладстона: Эти корабли, лавирующіе туда и сюда, обмѣнивая продукты земли между жителями разныхъ странъ, не челноки ли они на огромномъ ткацкомъ станкѣ, ткущіе ткань мира и доброжелательства, чтобы соединить народы земли? сказалъ Гладстонъ.

Но бросимъ фантазіи, которыя, можетъ быть, заставятъ Васъ усумниться въ моемъ разсудкѣ: напр. сегодняшній вечеръ, когда мой сынъ легъ въ свою постель, въ которой онъ много ночей не будетъ спать, я предаюсь безумію писать Вамъ нелѣпое письмо съ стаканомъ виски, предо мною.

Но, возвращаюсь къ дѣлу. Не думаю, чтобы путешествіе моего сына съ Вигинсомъ убѣдило глупыхъ чиновниковъ въ пользу этого великаго дѣла.

Что касается грубой враждебности русскихъ и особенно сибиряковъ-шовинистовъ, то ни Богъ, ни человѣкъ, ни діаволъ повліять на нихъ не можетъ. Теперь я излилъ свою душу. Вамъ покажется страннымъ, что я посылаю Вамъ это длинное письмо; но какъ женщина, Вы поймете причину его; я сознаю, что дѣлаю необыкновенную глупость, которая не произведетъ желаемыхъ мной результатовъ, соглашаясь на путешествіе сына въ Сибирь. Вѣтеръ воетъ въ трубахъ, барометръ понижается и показываетъ бурю. Передо мной живо рисуются высокіе ледники, кручи и водопады Енисея, путешествіе по тундрамъ, 3.000 миль одинокаго странствованія по снѣгамъ, во время зимнихъ ночей и пр. пр.

Итакъ, прощайте“.

Робертъ Моріе.

Сэръ Робертъ всегда боялся не быть понятымъ и нервно пугался, какъ бы не открыть кому-нибудь лучшую сторону своей души.

Онъ писалъ по одному случаю: „Не думайте, что я отождествляю Россію съ ея чиновничествомъ. Вопреки Наполеону, говорившему, что подъ русскимъ кроется татаринъ, я нашелъ, что подъ личиной татарина кроется русскій, котораго я склоненъ очень полюбить. Если же онъ противъ моего Вигинса, то тогда я буду противъ него.

Г-жа Новикова раздѣляла мнѣніе Моріе объ отважномъ капитанѣ Вигинсѣ. Вотъ что она писала о немъ:

„Я убѣждена, что ни одинъ порядочный человѣкъ, узнавъ этого современнаго Колумба, не можетъ не плѣниться имъ“.

Сэръ Робертъ восторгается имъ. Онъ говоритъ: „капитанъ Вигинсъ—второй человѣкъ, котораго я встрѣчаю за мою долголѣтнюю жизнь; первый умеръ тридцать лѣтъ назадъ, имя этого другого человѣка девятнадцатаго столѣтія сэръ Робертъ Моріе никогда не назвалъ.

Вигинсъ отдалъ этой идеѣ все, что имѣлъ, все свое состояніе, всѣ планы будущаго, двѣнадцать лучшихъ лѣтъ силы и энергіи. Сэръ Робертъ обратился, 7 августа 1888 г., къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, съ просьбой помочь ему склонить генералъ-губернатора Сибири графа Игнатьева, въ пользу дѣла, представляя при этомъ краснорѣчивое доказательство пользы, которую будетъ приносить морской путь въ Сибирь. Онъ заключилъ письмо такъ:

„Если піонеры потерпятъ неудачу потому, что Россія не захочетъ принять протянутую ей руку, съ простосердечнымъ довѣріемъ настоящаго героя, каковъ Вигинсъ, я отказываюсь отъ неблагодарной задачи соединить два великихъ государства, которымъ Богомъ было назначено быть въ дружбѣ, не на почвѣ проклятой политики, а на почвѣ гуманитарной, и если здѣсь мы не найдемъ ничего общаго, значитъ, между нами ничего общаго нѣтъ, только помните, что это пишетъ другъ нашего Кинглека, а не великобританскій посолъ.

Свѣтила небесныя боролись съ храбрыми предпринимателями. Огорченный Моріе находилъ утѣшеніе — дѣлиться жалобами съ сочувствующей г-жей Новиковой. За пятьдесятъ лѣтъ не помнили такой погоды,— „Фениксъ“, вышедшій навстрѣчу „Лабрадора“, былъ выброшенъ на берегъ. Ни тонны груза нельзя было получить, и въ довершеніе ужаса сэра Роберта, сынъ его, Викторъ, покинулъ „Лабрадоръ“ въ Карскомъ морѣ, чтобы

охотиться на медвѣдей съ кочевымъ племенемъ самоѣдовъ, и нѣсколько недѣль уже о немъ не было никакихъ извѣстій. Онъ жалуется.

Я нашелъ здѣсь (въ Петербургѣ) глубокую апатію, чтобы не сказать, недостатокъ симпатіи, и я думаю, что всѣ находятъ патріотичнымъ радоваться нашей неудачѣ.

Это было написано подъ впечатлѣніемъ первыхъ свѣдѣній. Въ Россіи въ это время не до морского пути было: 17 октября было крушеніе Царскаго поѣзда въ д. Боркахъ, Харьковской губерніи. Девятнадцать человѣкъ убито, много ранено, но Царская семья, къ счастію, осталась невредима. Сэръ Робертъ также былъ тронутъ чудеснымъ избавленіемъ Государя, какъ любой его подданный. Онъ писалъ г-жѣ Новиковой 6 ноября изъ Петербурга:

Это ужасное событіе такъ поглотило наши мысли, что ихъ у меня не было ни для чего другого. Вы прочтете всѣ подробности въ газетѣ, но чего вы не увидите въ газетахъ—это трогательный и благородный способъ, какимъ грозная опасность и чудесное избавленіе Царя и его семьи доказала съ полной ясностью сердечную связь между Монархомъ и его народомъ. Я и моя жена присутствовали при встрѣчѣ Государя (странно, мы были одни изъ всего дипломатическаго корпуса) въ воскресенье на желѣзнодорожной станціи; я никогда не видѣлъ ничего подобнаго, и самъ я никогда не былъ такъ глубоко умиленъ.

Сэръ Робертъ ободрился и вскорѣ принялся за работу. Капитанъ Вигинсъ, съ которымъ г-жа Новикова была въ частой перепискѣ, провелъ большую часть 1889 года, объѣзжая Англію и распространяя свѣдѣнія о новомъ пути въ Сѣверную Голконду.

Викторъ Моріе возвратился невредимымъ изъ дикихъ мѣстъ Сибири и поступилъ волонтеромъ на военную службу, подъ начальство южно-африканской королевской компаніи въ Бейрѣ.

Сэръ Робертъ продолжалъ настойчиво защищать сибирское предпріятіе. 16 октября онъ писалъ:

Дорогая г-жа Новикова, Васъ навѣрно не обрадуетъ извѣстіе, что несмотря на сверхчеловѣческія трудности, нашему другу, капитану Вигинсу удалось покинуть Англію 4 августа, командиромъ хорошаго корабля „Лабрадоръ“ съ весьма почтеннымъ грузомъ; что экспедиція, состоящая изъ буксировъ и плашкотовъ, собственныхъ и зафрахтованныхъ туземными сибиряками, вышла изъ Енисейска 27 августа навстрѣчу „Лабра-

дору", чтобы везти обратно его грузъ, что объ экспедиціи морская и рѣчная должны были встрѣтиться 13-го и что если ни одна изъ нихъ не погибнетъ, то великій вопросъ открытія Сибири для міровой торговли и будущее увеличеніе для Россіи цѣнности страны, въ три раза больше Европы, обилующей всевозможными богатствами, станетъ совершившимся фактомъ.

Слишкомъ долго разсказывать, какъ все это произошло, но важно то, что новая экспедиція создалась мгновенно, въ то время какъ оставалась всего на всего одна недѣля, чтобы зафрахтовать пароходъ „Лабрадоръ" и найти необходимый грузъ.

11 октября 1890 года сэръ Робертъ писалъ г-жѣ Новиковой, выражая свое соболѣзнованіе по случаю смерти ея мужа и сообщая, что сынъ его Викторъ произведенъ въ капралы; въ заключеніе онъ пишетъ:

„Вторая моя новость, интересующая Васъ, это полный успѣхъ моей Сибирской экспедиціи. Маленькій синдикатъ, который мнѣ удалось создать въ Лондонѣ, состоящій изъ нашихъ лучшихъ людей (лордъ Венлокъ, предсѣдатель, Альбертъ Грей, вице-предсѣдатель, Вильгельмъ Гренфельдъ и другіе того же званія) были въ состояніи, съ деньгами, собранными между моими друзьями, снарядить два парохода и прекрасное буксирное судно. Пароходы возвратились благополучно изъ Караула, обмѣнявшись тамъ грузомъ съ флотиліей Ли, а буксиръ ведетъ цѣнную кладь, посланную на корабляхъ въ Енисейскъ.

Иногда, говоритъ Стэдъ, сэръ Робертъ любилъ весело пошутить, даже въ перепискѣ. Вотъ, напримѣръ, его письмо къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, написанное во время его лѣтняго пребыванія въ Лондонѣ въ 1888 г. Оно адресовано такъ: (Son altesse Madame la Princesse Régente de la Macédonie).

Ея Свѣтлости, Македонской княгинѣ-регентшѣ.

Дорогая княгиня, будучи увѣренъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ права женщины въ Россіи достигнутъ, посредствомъ естественной эволюціи, той точки, при которой мужчинамъ придется устраниться отъ общественной жизни и что въ усовершенствованной формѣ политическаго общества, какъ результатъ ея, только самые достойные займутъ высокія должности, я готовъ идти на большое пари, что Вы будете избраны на вакантный престолъ въ Македоніи, въ которой вы своей успѣшной агитаціей съ помощью нѣкоторыхъ вашихъ блестящихъ молодыхъ людей, какъ 80-лѣтній Гладстонъ и 80-лѣтній Вилліерсъ и др., присоедините къ тому времени Македонію. Въ предви-

дѣніи этого, я вамъ даю то званіе, которое Вамъ суждено носить.

Сэръ Робертъ былъ горячій приверженецъ свободной торговли, въ Россіи немногіе раздѣляли его взгляды, но онъ нашелъ одного человѣка, графа Игнатьева, который совершенно согласился съ нимъ въ политическомъ значеніи болѣе тѣсныхъ торговыхъ сношеній между Англіей и Россіей. Генералъ Игнатьевъ, авторъ Санъ-Стефанскаго договора, былъ однимъ изъ способнѣйшихъ и интересныхъ людей. Страстный славянофилъ, какъ и г-жа Новикова, онъ также былъ преданъ идеѣ англо-русскаго соглашенія.

Его мысли на этотъ предметъ были очень правильны: онъ сознавалъ тогда то, что въ Англіи поняли только недавно, что Россія и Англія экономически дополняютъ другъ друга, тогда какъ Германія и Англія экономическіе соперники. Въ 1888 году генералъ Игнатьевъ былъ предсѣдателемъ общества промышленности и торговли, и его мнѣніе о возможности англо-русскаго торговаго договора стоитъ вспомнить въ настоящее время.

— Я ничего не желаю такъ искренно, сказалъ генералъ Игнатьевъ, какъ добрыхъ отношеній между Англіей и Россіей и не только политическихъ и дипломатическихъ, но торговыхъ и промышленныхъ. Почему бы намъ не имѣть торговый договоръ съ Англіей, основанный на разумныхъ принципахъ? За послѣднія десять лѣтъ я не переставалъ настаивать на перемѣнѣ нашихъ торговыхъ договоровъ на такихъ началахъ, которыя немедленно приблизили бы насъ къ Англіи.

Стэдъ спрашивалъ Моріе, есть ли какая-нибудь возможность на осуществленіе такого союза?

— Не только возможно, но и легко,—отвѣчалъ онъ, при условіи, чтобы былъ принятъ правильный принципъ дружбы, а не вражды. А этотъ принципъ состоитъ въ томъ, чтобы вникать въ отношенія и обходиться хорошо съ тѣми, кто относится хорошо къ намъ и наоборотъ.

Ту же мысль развивалъ генералъ Анненковъ, строитель Каспійской дороги, который говорилъ Стэду: нѣтъ двухъ странъ, нуждающихся болѣе другъ въ другѣ, какъ Англія и Россія, и которыя бы менѣе рисковали въ своихъ торговыхъ отношеніяхъ.

Много разъ, прибавляетъ Стэдъ, я слышалъ въ Петербургѣ по этому поводу, какъ велика разница относительно Германіи, къ которой развитіе соревнованія, рано или поздно, откроетъ глаза англичанамъ на фактъ, что германецъ, вмѣсто того, чтобы

быть ихъ вѣрнымъ другомъ, въ настоящее время ихъ опаснѣйшій соперникъ.

За послѣднія двѣнадцать лѣтъ, говорилъ мнѣ генералъ Игнатьевъ, „Германія приняла совершенно новое направленіе, вы уже не имѣете дѣла со старой Германіей, преимущественно земледѣльческой, торговой и мирной. Передъ вами теперь новая Германія, воинствующая, враждебная и колонизирующая; встрѣчающая васъ на каждомъ рынкѣ Европы, на каждомъ континентѣ стараго и новаго свѣта, подрывающая ваше промышленное и торговое первенство. Германія жаждетъ сдѣлаться великой колоніальной и торговой державой. Если она достигнетъ успѣха, это будетъ на счетъ Англіи, вы слишкомъ поздно убѣдитесь въ истинѣ того, что я говорю".

Одинъ изъ русскихъ министровъ сказалъ: „Не изъ доброжелательства Германія поглощаетъ вашу иностранную промышленность:—въ Сибири плохіе нѣмецкіе ножи, подъ названіемъ англійскихъ, изгнали всѣ другіе изъ нашего рынка. Мы не этого желали бы, мы бы желали вести торговлю съ Англіей, это было бы полезно для насъ. Почему не сдѣлать этого"?

Конечно, почему не сдѣлать? Въ министерствѣ финансовъ, говоритъ Стэдъ, я встрѣтилъ очень образованное оффиціальное лицо, которое немедленно отвѣтило на этотъ вопросъ. „Въ теоріи идея очень хороша, но трудность ея исполненія велика. Весь вопросъ въ политическихъ отношеніяхъ разныхъ государствъ. Выполненіе идеи возможно, если мы съ Англіей дружны, но не иначе".

Къ чему бы это привело? Мы были бы обязаны объявить всѣ наши существующіе договоры и создавать новую торговую систему, которая допускала бы ввозъ англійскихъ товаровъ въ Россію по тарифу, удешевленному, сравнительно съ Германіей. Не желая сказать ничего враждебнаго никому, я все же не думаю, что подобная перемѣна не оказала бы неудовольствія Германіи. Правда, это нарушило бы наши добрыя отношенія съ Германіей, чего мы допустить не можетъ иначе, какъ при полной увѣренности въ твердомъ соглашеніи съ Англіей. Вы убѣдите вашихъ милыхъ соотечественниковъ относиться къ Россіи менѣе враждебно, въ противномъ случаѣ, боюсь, что вашъ торговый договоръ не мыслимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ старая вражда исчезла, при ревельскомъ свиданіи, Англія теперь можетъ надѣяться на торговый договоръ съ Россіей; это была мечта послѣднихъ лѣтъ сэра

Роберта Моріе. Какъ часто онъ бранилъ глупую руссофобію, противъ которой г-жа Новикова вела войну тридцать лѣтъ.

Однажды, когда Стедъ развивалъ сэру Роберту излюбленную тему г-жи Новиковой, что англичане своимъ безумнымъ предразсудствомъ закрываютъ себѣ дверь лучшаго рынка въ Европѣ, сэръ Робертъ воскликнулъ:

Вы совершенно правы; торговый вопросъ подчиненъ политикѣ. Англичане должны рѣшить: предпочитаютъ ли они вести выгодныя дѣла съ Россіей, или постоянно ей наносить уколы? то и другое вмѣстѣ дѣлать нельзя. Чѣмъ больше я узнаю Россію, тѣмъ больше я удивляюсь: Сибирь и Кавказъ—это почти такой же обширный, неиспользованный источникъ богатства, какъ Соединенные Штаты Америки. Она положительно кишитъ сырымъ матеріаломъ, нетронутыми богатствами. Народонаселенія едва-ли хватаетъ на обработку полей, но земля можетъ производить достаточно зерна, чтобы прокормить всю Европу.

Въ настоящее время, однако, страна не имѣетъ ни людей, ни денегъ для развитія своихъ громадныхъ богатствъ. Англія кишитъ капиталами, не находящими полнаго примѣненія, и множествомъ людей, всякихъ профессій, которые могли бы легко находить выгодныя занятія въ Россіи. Эти двѣ имперіи пополняютъ другъ друга. Каждая имѣетъ то, въ чемъ нуждается другая.

Русскій земледѣлецъ не можетъ кормить англійскаго ремесленника, и англійскіе шефильдскіе ножи не попадаютъ въ руки русскаго крестьянина, почему? Потому, что компанія, Богомъ забытыхъ бездѣльниковъ, съ перьями въ рукахъ, въ Петербургѣ и Лондонѣ, день за днемъ злословятъ другъ друга и приписываютъ всевозможныя дурныя свойства Англіи или Россіи, до такой степени, что можно думать, что ихъ первый долгъ не обмѣниваться продуктами и устанавливать добрыя отношенія, а наносить другъ другу оскорбленія, могущія перейти въ выстрѣлы. Если бы Жомини, въ интересахъ мира, повѣсилъ всѣхъ издателей, я бы сжегъ всѣхъ ихъ на кострѣ какъ жертвоприношеніе въ пользу промышленности.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи декабриста В. Л. Давыдова.

Василій Львовичъ Давыдовъ, женатый на дочери губернскаго секретаря Александрѣ Ивановнѣ Потаповой, прижилъ съ нею, до брака, четверыхъ дѣтей. Въ сентябрѣ 1826 года, согласно желанію Василія Львовича, генералъ-отъ-кавалеріи Николай Николаевичъ Раевскій, совокупно съ родными братьями своими, тайнымъ совѣтникомъ Петромъ и отставнымъ генералъ-маіоромъ Александромъ Давыдовыми, всеподданнѣйше просили Государя Императора объ узаконеніи означенныхъ дѣтей Давыдова.

Его Императорское Величество о просьбѣ Раевскаго повелѣлъ сообщить министру юстиціи, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, собравъ необходимыя справки, представилъ свое мнѣніе.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что „бывшій полковникъ“ Василій Давыдовъ вѣнчанъ съ дочерью губ. секр. Потапова, дѣвицею Александрою, первымъ бракомъ, 24 мая 1825 года, Кіевской губерніи, Чигиринскаго повѣта, мѣстечка Камянки въ Николаевской церкви; до сего брака дѣвица Потапова прижила съ нимъ, Давыдовымъ, сына Михаила и дочерей Екатерину и Елисавету, которые крещены въ той же церкви священникомъ Петромъ Маковскимъ: Михаилъ, рожденный 8, былъ крещенъ 9 ноября 1820 года; Екатерина, родившаяся 20, крещена 23 декабря 1822 года; Елисавета, рожденная 5, окрещена 6 октября 1823 года и, наконецъ, 29 іюня 1825 г. былъ крещенъ сынъ Петръ, родившійся уже чрезъ мѣсяцъ по вступленіи Василія Львовича въ бракъ, а именно 27 іюня 1825 года. Послѣдній ребенокъ по метрической книгѣ былъ названъ, при крещеніи, сыномъ полковника Василія Давыдова.

Затѣмъ, — въ положеніи Государственнаго Совѣта 13 іюня 1801 года сказано, что: „дѣтей, рожденныхъ прежде супружества отъ матери, впослѣдствіи бракомъ соединенной, безъ всякаго сомнѣнія, можно вводить во всѣ права фамиліи и наслѣдства, законнымъ дѣтямъ принадлежащія, почитая мѣру сію не только справедливою, но и весьма побудительною къ заключенію законныхъ супружествъ и къ прикрытію соблазна, какой отъ сожитій, бракомъ не утвержденныхъ, произойти можетъ". Мнѣніемъ же Государственнаго Совѣта, Высочайше конфирмованнымъ 15 марта 1810 года, положено: „когда отецъ при жизни не просилъ объ усыновленіи, то просьба матери и родственниковъ ко введенію дѣтей въ права отца не довлѣетъ".

Разсмотрѣвъ собранныя справки, министръ юстиціи князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій высказалъ заключеніе свое въ слѣдующихъ словахъ:

„Василій Давыдовъ объ узаконеніи прижитыхъ имъ до брака съ женою своею дѣтей до осужденія своего не просилъ, въ настоящемъ же положеніи онъ долженъ быть признаваемъ не иначе, какъ политически мертвымъ; почему просьба о томъ родственниковъ, за силою выше приведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, удовлетворена быть не можетъ, а тѣмъ паче нельзя предоставить дѣтямъ Давыдова тѣхъ правъ, которыхъ самъ отецъ ихъ, чрезъ осужденіе свое, уже лишился".

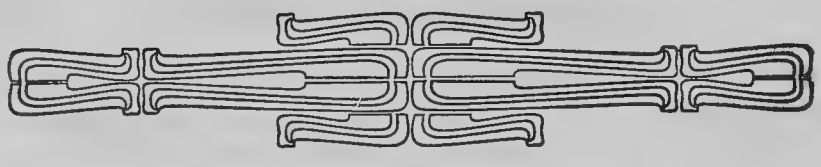
17 іюня 1827 г. былъ поданъ Государю Императору докладъ отъ кн. Лобанова, а 22 января 1828 года Николай Николаевичъ Раевскій отправилъ къ управлявшему тогда министерствомъ юстиціи князю Алексѣю Алексѣевичу Долгорукову письмо, изъ котораго видно и окончаніе дѣла объ узаконеніи дѣтей Василія Львовича.

„Въ то же самое время,—писалъ Раевскій,—когда я испрашивалъ Всемилостивѣйшаго утвержденія духовной зятя моего Волконскаго, Государь, по просьбѣ моей и братьевъ моихъ, соизволилъ согласиться утвердить законными прежде брака рожденныхъ дѣтей родного брата моего, бывшаго полковника Василія Давыдова. По его повелѣнію вручилъ я просительную мою записку бывшему министру юстиціи князю Лобанову-Ростовскому, который вслѣдствіе сего истребовалъ всѣ нужные документы, какъ о бракѣ моего брата, о происхожденіи жены его, и выписку изъ метрики о рожденіи и крещеніи дѣтей; потомъ, на вторичную мою просьбу, князь Дмитрій Ивановичъ извѣстилъ меня, что дѣло сіе представлено Его Императорскому Величеству на утвержденіе; но еще не сошло, какъ Государь

изъ устъ на сіе изволилъ мнѣ объявить свое согласіе на сію мою просьбу. Слѣдственно, остается мнѣ только просить вашего сіятельства дать окончательный ходъ сему дѣлу".

Въ отвѣтъ на это письмо Раевскаго князь Долгоруковъ, между прочимъ, въ февралѣ 1828 г. сообщилъ, что въ послѣдствіи времени статсъ-секретарь Муравьевъ увѣдомилъ его, министра юстиціи, что „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: дѣло сіе считать конченнымъ".

Н. А. Мурзановъ.



Добрывичскій семейный архивъ Чихачевыхъ.

Милостивому Государю моему Николаю Матвѣевичу
Его Превосходительство
Чихачову
въ преображенскомъ полку въ офицерской улицѣ въ домѣ придворнаго Лейбъ-Хирурга Линдестрома.

Ирландія-Коркъ 21-го апрѣля 1805 года.

Дрожайшій Родитель!

Бывши въ такомъ же состояніи съ тѣхъ поръ какъ я писалъ къ вамъ послѣднее письмо, не почиталъ за пужное писать къ вамъ пока перемѣна съ нашимъ кораблемъ учинившаяся принудила меня увѣдомить васъ что крейсеровавъ около 6 мѣсяцевъ у береговъ Франціи, наконецъ насъ послали въ Англію и теперь идемъ въ Вестъ Индію съ конвоемъ Транспортовъ съ войсками къ острову Барбадосъ гдѣ непріятель уже высадилъ свои войска и мы надѣемся увидѣть родъ службы, причина моего неписанія къ вамъ когда я былъ въ Англіи, ибо мы не знали ничего куда мы идемъ до послѣдняго дня, когда уже было поздно—и взявъ пустые Транспорты изъ Портсмута пришли сюда въ Ирландію т. е. въ Коркъ, гдѣ нагрузивъ войсками отвѣдѣмъ ихъ въ Вестъ Индію къ выше означенному мѣсту. Я слава Богу здоровъ и нынѣ люблю Англинскую службу хотя и весьма тяжела но что дѣлать, Я дѣржусь Батюшка вашей пословицѣ т. е. стерпится, слюбится и надѣюсь что сіе слово произнесено было изъ вашихъ устъ не напрасно говорю по Англински но къ нещастію позабываю по французски не имѣю никакихъ книгъ, причину же я думаю вы знаете

сами—наше жалованье въ Англіи ничего почти не значитъ, только что служитъ намъ класть въ компанію и кое какъ одѣваться, послѣднѣе же Англичане больше всего наблюдаютъ—гдѣ въ Россіи I Гинея въ Англіи тамъ 5, все такъ ужасно, дорого—Яже Дрожайшій Родитель полученные отъ васъ деньги и жалованье будьте увѣрены не трачу ни на что иное какъ на одѣжду и посему много чего нужнаго что я желаю имѣть не могу достать, не обезпокоивалъ бы я васъ о присланіи мнѣ денегъ ежели бы не имѣлъ нужды или вы бы были не удалены отъ меня, но теперь будучи удаленъ, не имѣю никого покровителей кромѣ Самойло Самойловича Грейка, которой не можетъ насъ снабжать ни чемъ и не хочетъ кромѣ только идущаго намъ жалованья то прошу васъ о присланіи мнѣ сколько нибудь ибо не токмо все платье но и бѣлье износится, починка же коего и мытье и на столъ въ компанію и всякое малое вещество требуетъ количество а мы же надѣялись въ Россіи бывши получать 180 фунтовъ но пришедъ въ Англію весьма обманулись и нынѣ получаемъ токмо 40 фунтовъ которые равняются въ Россіи 10-ти и коими весьма трудно себя содержать, мы въ гораздо худшемъ состояніи нежели бы бывъ Мичманами въ Россіи но что дѣлать я не стану упоминать объ етомъ все окончено Я желаю весьма возвратится въ Россію, съ нами весьма худо обходются у меня же такой худой и строгой капитанъ что я почитаю свое житіе адомъ а Г. Грейкъ котораго я просилъ послать меня въ Остъ Индію не исполнилъ мое желанье, признаюсь вамъ что я на одномъ изъ проворнѣйшихъ и скоро ходящемъ фрегатѣ въ Англіи называемомъ Favorite капатанъ Іопп Davie никого изъ Гардемаринъ со мной нетъ—Англинская служба весьма строга и почему насъ ее заставляютъ исполнять, особенно же на моемъ кораблѣ прошу васъ Дрожайшій Родитель увѣдомить меня, выпущенъ ли въ Мичмана и какъ высоко, на какомъ основаніи насъ послали въ Англію и что съ нами думаютъ дѣлать также каковы вы также братецъ и сестрицы которые надѣюсь приобрѣтаютъ и со временемъ будутъ конечно помога старѣлому Родителю который также не оставляетъ попеченіемъ юныхъ своихъ дѣтей, я надѣюсь братецъ послѣдуетъ моему примѣру отдастся пространству Моря на провидѣніе всевышняго и также по желанію вашему будетъ щастливѣе нежели думавъ о роскошной жизни тѣхъ кои разоряютъ остатки имѣнія собравшаго ихъ родителями мы же къ щастію нашему не были воспитаны на сей ногѣ и надѣемся сами приобрѣтать тяжелымъ житіемъ

первоначально и наконецъ заплатить и быть помогою вамъ при вашей старости, мы еще молоды не знаемъ настоящей жизни, но я ручаюсь за самого себя что вы увидите что это нелесть но то что можетъ быть отъ сына, любящаго отца своего— прошу васъ поклонится отъ меня всѣмъ тѣмъ кто милы сердцу вашему, я имѣю переписку съ Самойло Самойловичемъ по Англински нарочно для практики и всегда чрезъ его посылаю вамъ свои письма, мы скоро снимаемся съ якоря и всякой съ веселымъ духомъ ожидаетъ въ непріятельскія войти въ окрестности высадить войска и можетъ быть между лѣтающими ядрами васъ сынъ окончитъ съ славою жизнь свою и надѣюсь что вы сохраняя вашу кровь прольете горячую слѣзу, я знаю что етого вамъ довольно, воля небеснаго творца, ни что такъ мнѣ не дорого какъ жизнь ваша о которой я молю всевышняго ежедневно и надѣюсь что Творецъ достойно примя продлитъ на нѣсколько лѣтъ—Прощайте Дрожащій Родитель прощайте я съ искренною моею прокорностію жѣлаю вамъ щастія, благополучія, здоровья и при всемъ томъ хорошихъ мыслей о вашимъ сынѣ, я же съ невиннымъ сердцемъ буду стараться заслуживать оное, надѣюсь что вы будете столь милостивы что ощастливите меня вашимъ отвѣтомъ, Остаюсь любящій васъ

и послушный сынъ
вашъ Матвѣй Чихачовъ.

P. S. Простите мое запечатаніе аплаткою ибо письмо вдвое легче

Милостивому Государю Моему Батюшки Николаю Матвѣевичу Его Превосходительство Чихачову.

Въ Бывшемъ Преображенскомъ Полку въ собственномъ домѣ, подлѣ цѣрькви Преображенія Господня, въ С.-Петербурхѣ.

Плимутъ.—15-го Февраля—1807
Е. В. Фрегатъ Тетисъ.

Дрожайшій Родитель!

Весьма нещастливымъ почитаю себя драгой Батюшка что я оставленъ вашимъ писаніемъ, чтобъ моглобъ быть приятнѣе въ удаленіе и разлуки съ вами какъ утѣшаться тѣми мыслями что вы находитесь и одарены отъ Всевышняго здравіемъ и спокойствіемъ но знавъ вашу любовь ко мнѣ я не имѣю малѣйшіе сумнѣніе что вы ощастливите всегда любящаго и почи-

тающаго васъ сына вашимъ драгимъ отвѣтомъ; я сумнѣваюсь что послѣднѣе мое письмо не дошло до васъ писанное изъ Гишпаніи, въ прошедшемъ Іюлѣ месяцѣ въ пребываніи нашимъ въ плѣну, въ коемъ я описалъ вамъ мое состояніе и наконецъ бывъ освобождены возвратились въ Англію и попались на нашъ фрегатъ въ скорости гдѣ я нашелъ все что имѣлъ въ томъ же порядкѣ и также прежде сего другое письмо въ прошедшемъ Маіѣ по возвращеніи моемъ изъ французскаго плѣну, накоторое я небылъ столь щастливъ чтобъ получить отвѣтъ, и нынѣ имѣвъ вѣрную оказію, истиннымъ долгомъ почитаю непропустить оной и изыскивать всевозможные средства чтобъ увѣдомить васъ что я по нынѣ милостію Бога здоровъ и веселъ чемъ я уповаю Господь Богъ вознаградилъ какъ васъ такъ Дражайшихъ Тетушку Марью Михайловну, Дядюшку и Сестрицъ Прасковью и Вѣру Николаевны и Братца Мишу къ коимъ моя искренность и любовь пребываютъ навѣчно непоколебимо—я съ трудомъ посылаю даже сіе письмо чрезъ корабль идущій въ Плимутъ—ибо мы сами крейсируемъ теперь у береговъ Франціи съ 26-тью линейными кораблями и 10-тью фрегатами и ожидаемъ французской флотъ всякой день вытти изъ Бреста чего мы больше всего жалѣемъ — мы пребываемъ иногда больше 6-ти месяцевъ въ морѣ не опускавъ якорь на дно во все время а когда идемъ въ портъ, тогда только стоимъ тамъ не больше 5 или 6 дней и все то время въ заботѣ, такъ что лутшее время для отсыланія нашихъ письмъ есть когда въ море, такъ то дрожайшій Батюшка въ Англинской службѣ но все къ лутшему—мнѣ корабль кажется теперь пріятнѣе самаго пышнаго дома на землѣ и мы все такъ привычны что естьли пребываемъ 2 дни наберегу, жалѣемъ опять на корабль какъ возможно скорѣе и главнѣйшіе наше заниманіе есть въ книгахъ ибо практикѣ всегда довольно, я имѣю малую библіотеку въ сундукѣ и провожу мое время довольно забавно начинаюсь учиться по Гишпански и надѣюсь скоро оной языкъ выучить имѣвъ уже начало онаго, о новостяхъ я думаю вы скорѣе узнаете изъ Англіи нежели мы во флотѣ прошу васъ драгой Батюшка не оставлять меня симъ жизненнымъ удовольствіемъ то есть вашимъ писаніемъ только 2 письма еще я получилъ отъ васъ съ самого моего отлученія изъ Россіи и тѣмъ почитаю себя щастливѣйшимъ, изъ коихъ всѣ ваши наставленія я вижу суть истинны драгой мой и стараюсь исполнять оныя съ тѣмъ покровеніемъ и любовью кой я всегда питался отъ васъ и возвратясь надѣюсь получить тѣже самые

знаки любви и дружества отъ любезныхъ сестрицъ и братца коихъ я нижайше васъ прошу поцѣловать за меня и также о свидѣтельствованіи моего нижайшаго почтенія покровителю моему Александръ Лукичу Симанскому и всѣмъ тѣмъ коимъ чрезъ васъ я долженъ ихъ знакомству и дружество, также Милостивой Государыни моей Федосьи Ивановны Елагиной и ея драгимъ сыновьямъ и любезному Дядюшки Дмитрію Матвѣевичу и милой сестрицѣ Лизинькѣ коимъ яко въ разлукѣ хотя я и пренебрегъ преждѣ но нахожусь принужденнымъ писать за тѣ знаки показанные ими въ моемъ младенчествѣ... большая половина нашего похода протекла то я... нынѣ вести мои журналы и все то... я надѣюсь увѣрить васъ что я не былъ.... брѣтеніи того что я могъ и къ прошеніи... въ обрѣтеніи онаго о худомъ моемъ... не говоря ни слова по Руски ни съ кѣмъ почти 2 съ половиною и жѣланіи вамъ всего того чемъ Богъ можетъ наградить васъ за ваше отеческое попеченіе о насъ и молитвами нашими да воздаритъ васъ благополучіемъ, щастіемъ, здравіемъ и увѣреніемъ что вашъ сынъ жѣлаетъ всего сего вамъ отъ искренняго его сердца; остаюсь съ знаками наиглубочайшаго моего почтенія, сыновнею любовью и вѣрнымъ послушаніемъ.

Васъ любящій и послушный сынъ

вашъ Матвѣй Чихачовъ.

P. S. Я позабылъ поблагодарить Платона Яковлевича Гамалѣю коимъ я столь обязанъ за его стараніе къ моему обученію то и прошу васъ Дрожайшій мой оное исполнить также нижайше прошу прислать нѣсколько денегъ коими немного нуждаюсь.

Милому Батюшки Николаю Матвѣевичу

Его Превосходительство Чихачову.

Генваря 26—1813.

Вильно

Не такъ я въѣхалъ въ Вильну какъ 3 недѣли тому назадъ, я выѣзжалъ изъ нее Милой Батюшка. Какіе лестные мысли ни возрождаются со славою и благоденствіемъ нашего Отечества но разлука съ родными нѣкоторымъ образомъ уменьшаетъ ихъ, разставшись съ вами Милой Мой на другой день я выѣхалъ изъ Макарово по дорогѣ былъ у Лихаревыхъ чрезвычайно обласкавшихъ меня и въ Опочкѣ и Фед. Ив. Елагиной,

которая вамъ кланяется и въ 8-й день прибылъ въ Вильно, думаю пробыть сдѣсь неделю дать отдохнуть лошадямъ и ѣхать въ армію которую надѣюсь скоро догнать такъ какъ говорятъ она очень тихо подвигается, товарища своего нашелъ почти выздоровѣвшаго и очень къ стати мнѣ съ нимъ ѣхать, что я у васъ былъ мнѣ все кажется какъ сонъ, но дай Богъ чтобъ такіе сны чаще видѣлись, я теперь точно такъ какъ выѣхалъ изъ Петерб. съ начала, здоровъ, свѣжъ и такъ полонъ снабженъ всѣмъ по милости вашей что хотя еще годъ пробыть въ походѣ Мишка мой совсемъ и забылъ о деревнѣ цалуетъ ваши ножки надѣюсь съ помощію Божіею что мы оба вынесемъ конецъ похода, надѣюсь Милой Батюшка что вы доѣхали благополучно я всякій день объ васъ тревожился. Морозы доходили до 28 град. на дорогѣ гдѣ я ѣхалъ въ самое то время какъ я и васъ пологалъ въ дорогѣ Милой Тетушки Марьи Михайловнѣ, прошу поцаловать всѣхъ малютокъ а у Тетушки я заочно цалую ручки—Бабушки и Любезнымъ Тетушкамъ прошу засвидѣт. мое почтеніе и благодарю ихъ нижайше за участіе которое они во мнѣ брали въ письмахъ къ вамъ.—Любез. Вас. Михаил. Дядюшки моему мое почтеніе и благодарю за угощеніе въ его деревнѣ Дуплевкахъ. Заключая сіе письмо прошу васъ, Милой Батюшка продолжать вашу ко мнѣ любовь и милости. Я же съ моей стороны прошу ежедневно Бога о сохраненіи вашего здоровья и прося вашего благословенія остаюсь любящій и послушный сынъ вашъ Матвѣй Чихачовъ.

Городъ Брикъ

въ Силезіи—Іюня 1813 г.

Будучи весь день 9-го маія Милой Батюшка въ сраженіи и также другой т. е. 10-го весь въ Авангардѣ прикрывая съ Перновс. и Кек..... полками всего 700 чел. ретираду послѣ Бауценскаго Сраженія слава Богу благополучно вышелъ изъ онаго 2 дни въ жесточайшемъ огнѣ находясь, изъ малаго числа офицеровъ находящихся въ нашемъ екипажѣ и тутъ 2-хъ убило и одного ранило и изъ 180 чел. бывшихъ въ сраженіи лишились 29—Кап. Лейт. Горемыкинъ и Лейтенантъ Колзаковъ были жертвою—я былъ съ первой ротой все время впереди какъ кажется не задѣть но ядро и пуля виноватаго знаетъ чрезъ 4 дни послѣ того схватила меня жестокая горячка съ бредомъ, но къ щастію скоро миновалась но дни чрезъ 4, я опять впалъ въ еще большую и вмѣстѣ со мной мой бѣдной

Мишка. Дяд. Дм. Ив. Шульгинъ посѣщалъ меня въ моей болѣзни пока можно было.—Я ему чрезвычайно какъ обязанъ онъ со мной такъ ласковъ, такъ хорошъ какъ родной братъ Мишка чрезъ 5 дней сдѣлался опять такъ же здоровъ какъ прежде и я бы скоро выздоровѣлъ но безпрестанное движеніе съ мѣста на мѣсто крѣпко меня разстроивало, теперь же время перемирія живу я въ семъ городѣ совершенно спокойно и остается во мнѣ одна только слабость которой съ помощію Божіею надѣюсь также скоро освободиться, неусыпное стараніе моего Товарища Дубровина вдвое ускоряетъ мое выздоровливаніе, не будетъ ли миру Милой Батюшка Ахъ—естли бы Всевышній сдѣлалъ сіе для успокоенія всего рода человѣческаго, какъ иногда нибываетъ хорошо но все ей Богу безпрестанные мысли о васъ Милой мой и о всемъ миломъ вашемъ семействѣ я слышалъ отъ Дяд. что уже вы возвратились благополучно въ деревню, теперь лѣто вамъ должно быть веселѣе въ деревнѣ, не скучайте ради Бога, Богъ милостивъ приведши насъ назадъ дай Богъ опять увидѣть васъ здоровыми и веселыми, мы всякій разъ съ Дяд. о васъ говоримъ и мысленно утѣшаемся васъ видѣть. Естьли еще буду въ сраженіи, или какой вѣрной случай или вѣрная оказія то вы опять отъ меня услышите до тѣхъ поръ прося вашего благословенія и моля Бога ежедневно о продолженіи вашего здоровья остаюсь любящій и послушный сынъ вашъ

Матвѣй Чихачовъ

P. S. Милой и Любезной Тетушки Елиз. Матвѣевны цалую почтенно ручки и да сохранитъ Богъ ее здоровье чтобы мнѣ опять возвратясь имѣть щастье ее видѣть.

Мил. Госуд. Петру Яковл. мое ниж. почтеніе.

Послѣднимъ въ письмѣ но не послѣднимъ въ душѣ Мил. Госуд. Федорѣ Егоровнѣ и Милой Сестрицѣ Вѣры Николаевны я преданъ, вы я думаю сему повѣрите, къ небу возношу я свои слова и тамъ только надо искать правосудіе, почему мы не воюемъ и тотчасъ послѣ сраженія не беседуемъ съ своими родными съ милыми сердцу нашему, нѣтъ надо удалить за тридевять земель Богъ знаетъ куда драться вотъ какія пустяки—я былъ въ сраженіи, былъ болѣнъ, все прошло—ей богу пора васъ видѣть, вы я думаю какъ здоровы—бегаете по саду, то то весело—желаю вамъ здоровья такъ же меня помнить какъ помнитъ васъ вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Матвѣй Чихачовъ.

Его Превосходительству Милостивому Государю Николаю Матвѣевичу Чихачову.

Псковской губерніи въ городъ Новоржевъ

прошу изъ Города Опочки доставить сіе письмо въ село Кіины Ея Высокоблагородію Милостивой Государыни Елизаветѣ Матвѣевны Нѣеловой.

Іюня 29-го 1813.

Городъ Брикъ.

Съ курьеромъ и съ великою поспѣшностію пишу къ вамъ сіе письмо Милой Батюшка увѣдомляю васъ что мы на кантониръ квартирахъ все еще но ожидаемъ весьма скоро рѣшенія одного изъ двухъ или миру или опять войны, я слава Богу здоровѣе нежели когда прежде былъ, мы въ линію уже назначены на лѣвой флангъ сами напросились слѣдовательно нѣчего разкаеваться и со всѣмъ прочь отъ Понтонъ и протчихъ работъ, я получилъ Всемилостивѣйшѣе награжденіе ордена Св. Владимира 4-й степени но такъ какъ я уже писалъ къ вамъ что мы были въ сраженіи подъ Бауценомъ то еще за то представленіе не получилъ но надѣюсь скоро—все сіе не такъ меня обрадуетъ какъ скажутъ миръ и увидѣть васъ и въ добромъ здоровьѣ, мое почтеніе и любовь Братцу и Сестрицамъ, жѣлаю вамъ Милой Батюшка быть здоровымъ и прося вашего благословенія остаюсь любящій сынъ вашъ Матвѣй Чихачовъ.

20-го Августа 1813.

Городъ Теплицъ

Богемія.

У Дядюшки Дмитрій Ивановича сидя въ Бивакѣ пишу къ вамъ Милой Батюшка, радость нашего соединеиія съ 2-мъ Гвардейскимъ Корпусомъ неизъяснима, Лагерь нашъ сей вечеръ такъ веселъ что не на одномъ солдатѣ не видно унылаго лица Музыка вездѣ играетъ, жители удивляются русскимъ а мы побѣдя третьяго дня непріятеля у Богемскихъ Горъ возсылаемъ хвалу Богу и прославляемъ нашего Монарха. Не далеко отъ Дрездена есть крѣпость Кенигштейнъ около которой проходя первая Гвард. Дивизія состоящая изъ Преображ., Семенов. Измайл. Лейбъ-Егер. и нашего Екипажа были отакованы непріятелемъ силою въ 50-ти тысячахъ которой окружа насъ со всѣхъ сторонъ видно не зналъ рускихъ, насъ было и съ нѣкоторыми Армейскими Полками всего не болѣе 7-ми тысячь, намъ нужно было прорваться въ Богемію и мы то и

сдѣлали, Рускому нѣтъ препятствій, три дни мы дрались и день и ночь съ непріятелемъ которой не токмо со всѣхъ сторонъ насъ окружалъ но и Горы чрезъ которые намъ надобно было проходить были ими наполнены, пришедши въ Богемію 20-го сего месяца около Города Теплицъ увѣдомились мы что Государь нашъ съ союзными силами долженъ проходить Горы чтобы дать намъ соединиться съ собою и въ то же время непріятель всею силою бросился къ тому мѣсту чтобы насъ отрѣзавъ истребить. Тутъ мы ему себя показали, не смотря на превосходство силъ сначала бросясь на штыки прогнали все ихъ колонны въ Горы и преслѣдуя ихъ туда 8-мъ часовъ разсыпавшись били ихъ и удержали ту страшную Дефилею вся Гвардія и Гренадеры и Матрозы и Егери все одно дѣлали мы то есть нашъ Екипажъ съ Семеновскимъ баталіономъ вмѣстѣ бросился на штыки и весь день былъ въ перестрѣлкѣ, на другой день подошли еще Государь и въ 4 часа непріятеля уже не стало, Сорокъ орудій взято, самъ Маршалъ Вандамъ и 8-мъ тысячь одними плѣнными, у насъ осталось менѣе полекипажа а офицеровъ я самъ третей, а тѣхъ кого вы знаете всѣ переранены, т. е. Дубровинъ, Корсаковъ, Хмелевъ, Титовъ и Другіе Карцовъ же слава Богу здоровъ и я благодарю моего Бога остался невредимъ—когда въ моей ротѣ осталось только 20 человѣкъ и весь день осыпалъ пулями, Государь намъ на выборъ отдалъ Георгіевское Знамя или подпись на киверхи за храбрость—Милостивой Государынѣ Федорѣ Егоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и Любезнаго Братца и Милыхъ Сестрицъ за очно тысяча разъ цалую, Прощайте Милой Батюшка, прося вашего благословенія и цалуя ваши руки остаюсь любящій сынъ вашъ

Матвѣй Чихачовъ.

Лагерь при гор. Брика.

23-го Сентября 1813

Хвала Богу и Слава Милостивому нашему Монарху мы въ весьма выгодныхъ противъ непріятеля обстоятельствахъ. Милой Батюшка—онъ голоденъ и весьма слабъ а мы сильны и сыты, послѣ знаменитой Теплицкой баталіи насъ т. е. Гвардейскій Екипажъ отрядили для сожженія мостовъ противъ Кенигштейна гдѣ у него было 40 тыс. войска мы въ ночь съ 7-го на 8-ое Сентября оное исполнили пустивъ на нихъ брандеры Експедиціей Команд. Генералъ Маіоръ Корбоніеръ а

я по болѣзни Карцова командовалъ Гвардейскимъ Екипажемъ насъ представили Его Величеству увѣдомляю васъ что вчерашняго числа я получилъ Монаршею милость орденъ св.: Анны 2-го класса на шею за сраженіе при Теплицѣ а за Бауценъ говорятъ мы ротные командиры представлены къ полученію золотыхъ шпагъ за храбрость. Хотя мнѣ и совѣтуютъ всѣ брать кресты въ награжденіе но я прошу чина такъ какъ они у насъ очень туги во флотѣ. Я получитъ отъ Тетушки изъ Петерб. письмо но такъ какъ надѣюсь сіе ее застанетъ у васъ то прошу ей засвидѣтель мое всенижайшее почтеніе и благодарю за писаніе Прошу васъ Милой Батюшка нельзя ли прислать мнѣ чрезъ Дядюшку Аннинской Крестъ на шею Владимира же у меня есть а его сдѣсь ни за какіе деньги недостать, Дядюшка Дм. Ивановичь меня по почтѣ торопитъ, надѣюсь чрезъ недѣлю опять къ вамъ писать, теперь же жѣлаю вамъ Милой Батюшка всего благополучія и здоровья Остаюсь любящій и послушный сынъ вашъ Матвѣй Чихачовъ.

P. S. Любезной Тетушки Елиз. Матв.—Милымъ Сестрицамъ и Братцу, Мил. Госуд. Федорѣ Егоровнѣ, Мил. Госуд. Петру Яковлевичу, Карлъ Христоф. съ супругой и всѣмъ васъ любящимъ прошу засвид. мое почтеніе.

Милому Батюшки.

Франкфуртъ 17-го Нояб. 1813 г.

Читалъ я ваше письмо Милой Батюшка писанное къ Тетушкѣ и разцаловалъ его тысячу разъ, посудите сами какая была моя радость когда мнѣ Дядюшка принести крестъ показалъ своеручное ваше писаніе, Я было съ жадностью схватилъ его думая что оно ко мнѣ, но принужденъ былъ умерить свой восторгъ видя что оно писано было къ Тетушкѣ въ Петербургъ, но мнѣ было все равно я плакалъ и смѣялся въ одно время какъ помѣшанной, благодарю васъ Милой мой за присылку Креста, Монаршая милость велика но еще вдвое дороже когда участвуетъ въ ней и Родитель; вчерашній день былъ день моего Ангела, Карцовъ съ женой всѣ наши офицеры и съ Дядюшкой еще нѣсколько Литовскихъ были у меня въ вечерѣ и ужинѣ и все мы пили ваше драгоцѣнноо здоровье и нашихъ родныхъ Я столько былъ веселъ сколько можно быть не въ присудствіи своихъ родныхъ, обѣдалъ же у владѣтельной сдѣшней Принцессы, былъ чрезвычайно какъ обласканъ ею къ чему мнѣ очень много помогъ Англинской языкъ отъ того что здѣсь по-

мешаны на Англичанахъ, Дядюшка со мной же обѣдалъ, стоимъ мы на квартирахъ въ 3-хъ верстахъ отъ Франкфурта въ городѣ Офенбахѣ и довольно весело, почти отъ того что близко Франкфурта, имѣемъ щастіе почти всякой день видѣть двухъ Императоровъ и Трехъ Королей, получили вчерась извѣстіе что Голандія присоединилась къ намъ и такъ теперь вся Европа присоединилась къ намъ и такъ теперь вся Европа противъ Наполеона и также все говорятъ и жѣлаютъ Мира, дай Боже чтобы сіе случилось, у насъ сдѣсь еще довольно тепло такъ что лошади пасутся на лугахъ надѣюсь Милой Батюшка что и вы меня вспомнили вчерашній день. Его Превосх. Иванъ Федоровичъ Удамъ просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, онъ съ нами же здѣсь стоитъ и всякой разъ какъ увидится объ васъ говоритъ—Намъ никакого еще движенія не слышно, о братѣ Мишѣ я справлялся но ничего не слыхалъ, Гребной Екипажъ подъ Данцигомъ, но такъ какъ сношеніе мы съ ними не имѣемъ кромѣ Главной квартиры то обстоятельно ничего объ нихъ не знаемъ. По письму вашему къ Тетушки я видѣлъ что Анна Петровна вышла за Филисофова о такой новости намъ весьма приятно слышать, такъ какъ намъ и думать объ етомъ не позволено, естьли они у васъ будутъ пожѣлайте имъ отъ меня всѣхъ тѣхъ удовольствій кои сопряжены съ супружествомъ и поздравьте Петра Яковлевича. О себѣ ничего Милой Батюшка болѣе писать отъ того что жизнь наша весьма регулярная на стоянкѣ. Куда же тронемся непремину васъ увѣдомить, развлекаютъ насъ парады караулы а также и Театръ которой сдѣсь довольно хорошъ, Прощайте Милой мой надѣюсь что сіе васъ застанетъ здоровымъ и веселымъ коего продолженіемъ Господь Богъ васъ да наградитъ. Прошу вашего благословенія, цалую ваши ручки и остаюсь любящій васъ сынъ вашъ Матвѣй Чихачовъ.

Мой Мишка цалуетъ у васъ Милой Батюшка ручки и проситъ съ поклономъ увѣдомить свою матку и всю родню что онъ слава Богу здоровъ и выросъ а отъ себя скажу что онъ прекрасный мальчикъ и я имъ доволенъ.

Милой Тетушки Марьи Михайловны цалую ручки и благодарю васъ за присылку Креста и ваше писаніе, мы съ Дядюшкой почти всегда вмѣстѣ и обыкновенной нашъ разговоръ объ васъ и всѣхъ родныхъ, какая отрада когда есть кому о семъ поговорить, надѣюсь что Богъ наградитъ васъ здоровьемъ и что теперешнѣе ваше мѣстопребываніе вамъ нравится, прошу Малютокъ всѣхъ за меня разцаловать.

Милой Тетушки Елизаветъ Матвѣевны цалую также ручки но не смѣю благодарить за писаніе и за любовь вашу ко мнѣ, которой я пользованъ прежде, надѣюсь что не потерялъ ее и теперь, и никогда не потеряю, вчерашній день мы всѣхъ милыхъ родныхъ пили здоровье и Богъ да услышитъ наше желаніе—Милую Катиньку сто разъ цалую.

29-ое Декабря—1813-го—
Деревня Шверштетъ.

Я пишу къ вамъ Милой Батюшка когда величественный Рейнъ протекаетъ подъ окнами моей хаты но мысли мои обращены на Россію, на сію щастливую и всеми завидуемую страну, мы уже 20 верстъ за Базелемъ въ Швейцаріи и 1-го Генваря пройдемъ съ церемоніяломъ за Рейнъ во Францію, надобно замѣтить что 1-го же Генваря прошлаго года мы перешли чрезъ свои Границы на Неманѣ и Богъ помогъ намъ съ удачею для блага общаго провесть сей годъ, то полагаюсь и теперь на его помощь надѣемся доставить симъ, давно столь жѣлаемой всѣми миръ; смотря и на сю и на ту Сторону сей рѣки все видемъ тѣхъ же угнетенныхъ нещастныхъ жителей, падшихъ подъ игомъ властолюбія, какое сравненіе съ блаженною Россіею, сдѣсь жители могли бы быть гораздо богатѣе нашихъ но война и иностранные войска истощили все у нихъ наши же умѣренны и спокойны, сдѣсь вездѣ насъ принимаютъ весьма хорошо и прославляютъ великаго АЛЕКСАНДРА кроткаго и храбраго МОНАРХА, дѣла наши идутъ весьма хорошо во Франціи и говорятъ будто Народъ не хочетъ воевать противъ насъ, Гласъ народа, Гласъ Божій, мы же благодаримъ всевышняго за все имъ содѣланное и первое у него просимъ Мира и возвращеніе въ Любезное наше Отечество; нельзя никогда такъ чувствовать Любовь къ отечеству какъ бывъ въ отдаленіи отъ него, ето неразлучное со мною чувство заставляетъ меня и день и ночь жѣлать возвращенія, но начатое сіе славное дѣло требуетъ присудствія всякаго Русскаго посвятившаго себя на сіе званіе священное и естьли тяжкіе раны или смерть разлучатъ меня съ моими товарищами то покрайней мѣря умирая буду надѣятся что мое Отечество, мой Родитель и все мои милыи родные пребудутъ спокойны, славно умереть за отечество—прерывая сію мысль благодарю васъ за ваше письмо которое я получилъ отъ Дядюшки Дмитрія Ивановича 25-го сего Декаб. Я пролилъ на него слезу благодарности и чувствительности.—

Вы меня поздравляете съ полученіемъ Монаршей Милости Милой Батюшка, но вы ее должны приписать себѣ, не вы ли меня наставленіями своими заставили любить службу и быть человѣкомъ и такъ все пріобрѣтенное мною я щитаю не своимъ а отъ васъ полученнымъ, я имѣлъ много погрѣшностей вы сами сіе знаете но стараюсь исправлять оныя такъ какъ мнѣ ужъ за 25 лѣтъ и потому чтобы возвратясь быть достойнымъ вашей ко мнѣ любви Я слава Богу здоровъ и совершенно доволенъ собою, мои молитвы къ Богу все исполняются отъ того что они умѣренны, надѣюсь что и въ разсужденіи васъ они таковы и вы находитесь всегда въ добромъ здоровьи благополучны и веселы, удостойте меня Милой мой еще двумя строчками вашего письма и я буду совершенно доволенъ Милой и Любезной Тетушки Елизаветъ Матвѣевны мое усерднѣйшѣе почтеніе и прозьба о незабвеніи меня и удостоенія прежней ко мнѣ любви и ласки—Милостивому Государю Петру Яковлевичу съ почтеннымъ его семействомъ мое высокопочитаніе и жѣланія мира и спокойствія въ его семействѣ и также всего благополучія возможнаго о братѣ Мишѣ я какъ ни стараюсь узнать но еще ни чего не могу вамъ сказать, Дядюшка Дмитрій Ивановичъ также какъ и прежде ко мнѣ добръ и ласковъ какъ родной Братъ моя привязанность къ нему неограничена.—Прощайте Милой Батюшка жѣлаю отъ искренняго сердца всего блага Возможнаго Остаюсь любящій и послушный (прошу вашего благословенія) сынъ вашъ Матвѣй Чихачовъ.

P. S. Мишка мой цалуетъ ваши ручки; онъ такой же хорошій мальчикъ какъ и прежде.

Langre. 16-го Генв. 1814 года.

Мы уже на половинѣ дороги отъ Рейна къ Парижу Милой Батюшка и уже какъ 6 дней стоимъ у города Лангра. Государь самъ въ ономъ городѣ а Гвардія вся расположена въ Окрестностяхъ по слухамъ мы завтрѣ трогаемся впередъ и подошедъ ближе къ Парижу надо ожидать чего нибудь рѣшительнаго, все наши Арміи скоро соединяться и кажется послѣ первой Главной Баталіи кто останется въ живыхъ можетъ ожидать скораго возвращенія, вошедъ во Францію мы ожидали Богъ знаетъ что видѣть, но никто въ семъ случаѣ я думаю не былъ болѣе насъ обманутъ, бѣдность имѣетъ здѣсь свое главное обиталище, города здѣсь порядочныя но что касается до обывателей въ деревняхъ то они достойны всякаго сожалѣ-

нія, молодыхъ людей сдѣсь вы совсѣмъ не увидите они все взяты въ службу и частью уже побиты или Наполеонъ выводитъ ихъ на послѣднюю жертву, сдѣсь съ нами со всемъ не такъ обходятся какъ наши мужики обходились съ французами въ Россіи, иные подумаютъ что это происходитъ отъ разности воспитанія но напротивъ, сдѣсь никто не токмо собой но и копѣйкой не хочетъ пожертвовать Отечеству не такъ какъ наши Патріоты Государь нашъ въ Городѣ удивляетъ всѣхъ довѣренностію которую онъ полагаетъ въ Французахъ, прогуливается одинъ съ казакомъ и съ какимъ нибудь изъ приближенныхъ его Величеству Генераловъ все ожидаютъ больше отъ него нежели отъ кого другаго и сами жители говорятъ что наше блаженство въ рукахъ у Александра—и мы все молимъ Бога да продолжитъ онъ его дни—1-го Генваря проходя чрезъ Швейцарскій городъ Базель рѣку Рейнъ всѣ войска переходя чрезъ каменный мостъ оной рѣки и вступая во Францію кричали три раза Ура! Перешедъ изъ Германіи во Францію нельзя не чувствовать ужаснѣйшей перемѣны сихъ двухъ Государствъ, благословенная Германія въ нѣдрахъ своихъ питаетъ народъ веселый, бодрый, здоровый, сдѣсь же во Франціи тощіи старики и старухи подъ наказаніемъ не смѣющія носить не иначе какъ деревянныя башмаки наполняютъ скверныя сырыя и безъ всякихъ печекъ хаты исключая только сеней въ коихъ разводится огонь въ каминахъ хотя послѣднюю недѣлю были и холоды въ 10 и 12 градусовъ и потому какъ я такъ и мои товарищи не много хворали простудою но благодаря Бога имѣвъ недѣлю отдыху поправились, объ дороговизнѣ здѣсь вы я думаю и не поверите, фунтъ сахару 15 f а фунтъ чаю 40 и 50 f про вино хотя и говорили что оно дешево но гораздо гораздо дороже нежели у насъ, вотъ вамъ Милой Батюшка описаніе такъ называемой щастливой Франціи о всякой перемѣнѣ я непремину васъ увѣдомить, воображая васъ такъ щастливымъ, здоровымъ и спокойнымъ какъ и всегда я жѣлая вамъ всего сего отъ истиннаго моего сердца остаюсь любящій и послушный сынъ вашъ прося вашего благословенія

Матвѣй Чихачовъ

Милой Тетушки Елиз. Матвѣевны и Мил. Госуд. Петру Яковлевичу мое всенижайшее почтеніе у Тетушки милой цалую тысячу разъ ручки и прошу меня также помнить какъ и я васъ.

Посылаю вамъ полученное мною отъ Брата Миши письмо.

Милому Батюшки
въ Село Добрывичи
прошу немедленно доставить.

27-го Генв. 1814
Городъ Troyes

Не имѣя прежде сего случая послать къ вамъ уже приготовленныя предъ симъ письма я не посылалъ но теперь имѣя вѣрной пишу къ вамъ Милой Батюшка что никакой перемѣны нѣту, только что мы уже меньше 100 верстъ отъ Парижа и все еще подвигаемся впередъ, Гвардіи не было еще случая быть въ Сраженіи хотя мы сего и жѣлаемъ вся соединенная Армія носитъ зеленыя вѣтьви въ киверахъ и бѣлыя перевязки съ бантомъ на лѣвой руки, впротчемъ я слава Богу здоровъ чѣго и вамъ жѣлаю оставаясь прося вашего благословенія любящій васъ сынъ вашъ Матвѣй Чихачовъ.

Парижъ.
13-го Апрѣля—1814 года.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ изъ Парижа же я васъ забылъ увѣдомить Милой Батюшка что Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и что я перемѣнилъ свою квартиру и стоимъ съ Дубровинымъ какъ нельзя лутше въ Quartier de St Germain, Rue de Sevres № 23 хозяинъ нашъ М-г Evrard богатой, свѣтской, умной и весьма ласковой человѣкъ, Полковникъ Національной Гвардіи которой показываетъ намъ Парижскія рѣдкости, познакомилъ болѣе нежели въ десяти домахъ, почему наше времяпрепровожденіе весьма не скучно. Братъ Королевской Графъ Д'Артуа съ сыномъ своимъ Герцогомъ Бери уже давно въ Парижѣ а чрезъ 3 дни ожидаютъ и самаго Короля для коего готовятся; Парадъ Балы и разныя торжества и даже въ партикулярныхъ домахъ праздники, говорятъ будто мы скоро отсюда выступимъ и пойдемъ на Берлинъ. Уже 4-ое письмо я пишу къ вамъ изъ Парижа и думалъ что можетъ быть какъ мы почти месяцъ стоимъ здѣсь получу отъ васъ хотя строчку но обманулся, однакожь ожидаю что хотя на возвратномъ пути получу отъ васъ, естьли будете столь Милостивы Милой Батюшка то адресуйте уже на Берлинъ Я вчерась слышалъ что Государь ѣдетъ въ Лондонъ и беретъ роту Преображ. роту Семенов. и насъ съ собою, дай Богъ чтобы сіе была правда, я уже

видѣлъ все рѣдкости Парижскія и удивляюсь онымъ но все таки благословенная Россія на умѣ и хочется какъ можно скорѣе воротиться обнять васъ, обнять всѣхъ родныхъ. Нашего хозяина почтенное семейство садясь за столъ составляютъ кругъ изъ 18-ти человѣкъ изъ умныхъ мущинъ и любезныхъ Дамъ и Дѣвушекъ и я всегда себѣ воображаю нашъ сельской Добрывичскій кругъ, вы хотя въ деревни, но окружены своими также щастливы, Дядюшку Дмитрій Ивановича я вчерась видѣлъ онъ слава Богу здоровъ Любезнымъ Тетушкамъ Марьи Михайловны и Лизаветъ Матвѣевны прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и Любовь—Милостивому Государю Петру Яковлевичу съ семействомъ и всѣмъ васъ окружающимъ и любящимъ также— при первой перемѣнѣ не премину васъ увѣдомить, впротчемъ жѣлая вамъ отъ Бога всѣхъ благъ и прося вашего благословенія остаюсь любящій и послушный сынъ вашъ

Матвѣй Чихачовъ

P. S. Мишка мой цалуетъ ваши ручки — онъ ужъ разумѣетъ нѣсколько по французски.

Д. Н. Чихачевъ.

Александръ Платоновичъ Барсуковъ.

Еще не пришло время писать полную біографію братьевъ Барсуковыхъ, которые такъ много дали русской исторической литературѣ, но мнѣ хочется подѣлиться собственными воспоминаніями о только-что ушедшемъ въ вѣчность—Александрѣ Платоновичѣ.

Покойный родился въ 1839 году, 4 декабря въ Тамбовской губ. и происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, начало котораго, какъ выражался самъ покойный, теряется во мракѣ таинственной Мещеры.

Дѣтство свое онъ провелъ у отца въ сельцѣ Ивановкѣ Козловскаго уѣзда среди „крѣпостной“ обстановки, которая, однако, благодаря личному присутствію барина и благородству его характера, не носила той мрачной окраски, которая, въ большинствѣ случаевъ, была ей присуща.

Давъ сыну образованіе въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, родители рѣшили, что обязанности ихъ исполнены вполнѣ, и что теперь онъ самъ долженъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.

И съ этого момента начинается трудовая жизнь, полная лишеній и заботъ о своемъ сколько-нибудь человѣческомъ существованіи. Единственно, что было опорой какъ въ то время, такъ и въ послѣдующіе годы,—это неизсякаемое братское чувство, которое неразрывно связывало между собой всѣхъ четырехъ братьевъ.

Какъ смотрѣлъ А. П. на жизнь въ свои молодые годы, хорошо видно изъ его письма къ брату, Ивану Платоновичу [1]) отъ 1-го октября 1875 г.

---

[1]) 1844—1906 гг. Изъ трудовъ его особенно выдается: „Иннокентій Митрополитъ Московскій“ и „Графъ Муравьевъ Амурскій“.

Вотъ что писалъ онъ:

„Я никогда не забуду того времени, когда мы жили вмѣстѣ, въ томъ же приходѣ Филиппа Митрополита [1]), въ которомъ и теперь находитесь.

Жили мы, можно сказать, припѣваючи, не мудрствуя лукаво, подъ невидимымъ покровомъ Божіимъ. И хотя было тепло и щей ѣшь, не ѣшь, а вечернія наши чаепитія уже дѣйствительно вспомнишь съ удовольствіемъ.

А, между тѣмъ, службишки нельзя же было назвать ни легкими, ни хорошо вознаграждавшими трудъ. Но мы не задумывались надъ этимъ, а старались только воспользоваться хорошенько нѣсколькими часами досуга, чтобы съ свѣжими силами снова приняться за ту же работу, что и вчера.

Мы никогда не требовали отъ жизни невозможнаго и съ покорностью довольствовались лишь тѣмъ, что она могла намъ дать, по нашему чину. Мы старались считать себя ниже другихъ и тѣмъ скорѣе привлекали къ себѣ, нежели отталкивали отъ себя и такихъ лицъ, которыя, при всей свой кажущейся невзрачности, впослѣдствіи оказывались, однако, очень и очень полезными людьми. Наконецъ, мы сердечно вѣрили въ близость Божію и крѣпко держались заповѣди Христовой: „не о единомъ хлѣбѣ человѣкъ живъ бываетъ“.

Вотъ тѣ не хитрыя правила, изъ которыхъ мы почерпали нравственную силу и бодрость. Потому мы находили время и наработаться вдоволь, и выспаться, и гостей принять, и въ гостяхъ побывать, и покутить, и почитать.

Какъ, однако, ни безхитростны эти нехитрыя правила, но и они не достаются человѣку даромъ. Для этого нужно пожить, много пожить съ людьми. Мы съ тобою, какъ обточенные, обмытые голышики. Чего, чего не обтерлось объ насъ.

Въ концѣ концовъ, я теперь, напримѣръ, смѣло поручусь за себя, что съумѣю устроиться въ какой—угодно глуши и, конечно, не сталъ бы безплодно бредить о роскошномъ Петербургѣ.

Нравственно развитой человѣкъ, прожившій на свѣтѣ тридцать лѣтъ съ большимъ хвостомъ, можетъ и долженъ искать развлеченій въ самомъ себѣ.

Что и говорить, внѣшняя обстановка великое дѣло, но надлежитъ устраивать эту обстановку самому, а не ожидать этого отъ другихъ и не грезить о томъ, что, при другихъ обстоятельствахъ, невозможно получить.

---

[1]) Въ Москвѣ.

Смѣшно сѣтовать на то, что встрѣчаешься съ такими людьми, а не съ такими, которые походили бы на тѣхъ, съ коими я сошелся или сдружился тогда-то. Жизнь безконечно разнообразна. Одни и тѣ же проявленія ея никогда не повторяются буква въ букву. Въ томъ-то и заключается мудрость житейская, чтобы умѣть оріентироваться при всякомъ положеніи, на всякомъ мѣстѣ; умѣть извлекать изъ настоящаго все, что только можно извлечь изъ него. Что же касается будущаго или прошедшаго, то это не живые элементы, на нихъ ничего не построишь прочнаго. Къ нимъ пріятно обращаться только въ минуты Кейфа.“—

Нельзя было предположить, что изъ блестящаго офицера, какимъ былъ А. П. въ молодости, образуется впослѣдствіи историкъ, кропотливо и съ любовью разбирающій древнія рукописи. Вліяніе ли старшаго брата, Николая Платоновича [1]), съ которымъ мирно прожилъ всю свою жизнь А. П., или же прирожденное влеченіе, сдѣлали такой переворотъ въ душѣ молодого офицера—рѣшить трудно. Но во всякомъ случаѣ, съ того времени, какъ онъ усердно погрузился въ старину родной земли, можно было смѣло сказать, что и здѣсь онъ попалъ въ свое теченіе и поплылъ по нему вплоть до конца жизни.

Я не буду перечислять всѣхъ литературныхъ трудовъ А. П. Скажу нѣсколько словъ о двухъ главныхъ: „Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка“ и „Родъ Шереметевыхъ“.

Въ первомъ изъ нихъ особенно отразился живой, прекрасный языкъ покойнаго А. П., такъ мѣтко и красиво очертившій эпоху XVIII столѣтія. Другой его обширный трудъ: „Родъ Шереметевыхъ“ приближается по типу къ „Жизнь и труды М. П. Погодина“ его брата Н. П. Та же оригинальная манера изложенія, когда авторъ заставляетъ говорить про данную эпоху самихъ же дѣйствующихъ лицъ. Это не есть въ то же время сборникъ сырого матеріала, сложеннаго въ кучу, но всюду чувствуется тонкое знаніе источника, который приводится, и умѣлое расположеніе всего добытаго изъ архива.

Покойный А. П. принадлежалъ къ тому типу стариннаго покроя консерваторовъ, которые на первое мѣсто въ общественной жизни ставятъ честность. Будучи убѣжденнымъ монархистомъ, онъ всегда съ любовію высказывался, какъ помнится мнѣ, о новомъ представительномъ началѣ, входящемъ въ нашу государственную жизнь. Самъ горячо любившій родину, онъ

---

[1]) 1832—1906 гг. Авторъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина“ и др. сочиненій.

отъ души привѣтствовалъ все, что клонилось на пользу ея, независимо отъ того, съ правой или лѣвой стороны, шло первое начинаніе.

До конца дней своихъ А. П. былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ. Истинное убѣжденіе, что лишь Промыслъ Божій руководитъ всѣмъ на землѣ, составляло сущность его бытія. Онъ не былъ слѣпымъ исполнителемъ обрядовъ церкви, но не только на словахъ, но и на дѣлѣ старался приблизиться къ великой заповѣди Христа о любви къ ближнимъ. Какъ старый холостякъ, онъ, казалось бы, могъ замкнуться въ своей собственной жизни и погрязнуть въ мелочахъ ея; но и этого мы не видимъ у А. П. Имѣя очень скромный заработокъ, котораго едва хватало на научныя занятія, А. П. все-же находилъ возможнымъ отрывать отъ себя, чтобы помогать семьѣ умершаго брата И. П., и, такимъ образомъ, провелъ черезъ весь университетскій курсъ одного изъ своихъ племянниковъ.

Мнѣ особенно памятна наша предпослѣдняя встрѣча весной 1909 г. въ Петербургѣ, когда я принесъ А. П. послѣдніе листки указателя къ „Жизнь и труды М. П. Погодина“.

Онъ сидѣлъ въ гостиной, такъ называемой „каѳедральной“ за газетой. Дружески обнялъ меня и благодарилъ за помощь. Въ послѣдующей затѣмъ бесѣдѣ А. П. старался убѣдить меня, что наука и религія должны всегда идти вмѣстѣ и не должны быть другъ съ другомъ въ разладѣ, что религія облагораживаетъ человѣчество, является свѣточемъ въ исканіи истины. Затѣмъ онъ благословилъ меня на новое поприще, и мы разстались.

Къ смерти А. П. относился совершенно спокойно и скептически смотрѣлъ на медицинскія пособія. Богу угодно было, чтобы онъ умеръ почти внезапно, почти безболѣзненно. До послѣдняго времени онъ отличался прекраснымъ здоровьемъ, и никто не далъ бы ему его 75 лѣтъ. Въ ночь на 14-ое апрѣля онъ почувствовалъ недомоганіе и утромъ у него была кровавая рвота. Но все-же онъ всталъ и по обычаю занимался. Около 3-хъ часовъ дня прислуга услыхала шумъ въ его комнатѣ, и, прибѣжавъ, нашла А. П. на полу безъ сознанія; но онъ скоро пришелъ въ себя и тутъ только послалъ за докторомъ. При паденіи А. П. расшибъ голову, и, когда докторъ сдѣлалъ ему перевязку, А. П. шутя отдалъ приказаніе прислугѣ говорить всѣмъ, что онъ дрался на дуэли и раненъ.

По понедѣльникамъ у него обыкновенно собирались знакомые и играли въ бриджъ. И въ этотъ понедѣльникъ, 14-го апрѣля, пріѣхалъ къ нему С. Т. Филипповъ и былъ очень уди-

вленъ, заставъ его лежащимъ на диванѣ, съ повязкой на головѣ. На вопросъ: „Что съ Вами?“ А. П спокойно отвѣтилъ: „Пришелъ мой чередъ“. При С. Т. Филипповѣ съ нимъ сдѣлался приступъ грудной жабы, и, когда призванный докторъ сказалъ С. Т. Филиппову, что не ручается, что больной проживетъ ночь, С. Т. предложилъ А. П. причаститься, на что онъ съ радостью согласился.

Когда извѣщенная телеграммой вечеромъ пріѣхала его племянница, онъ на слова утѣшенія, съ улыбкой проговорилъ: „Нѣтъ, все кончено. Пришелъ мой чередъ. Довольно, пожилъ“. Ему давали дышать кислородомъ, дѣлали вспрыскиванія, такъ какъ обезсиленное внутреннимъ кровоизліяніемъ сердце отказывалось работать, но А. П. укоризненно отмахивался отъ всего этого рукой и говорилъ: „Зачѣмъ это? Это совсѣмъ неинтересно! Мнѣ нужно отходную“. И все время, пока читали отходную, онъ держалъ въ рукахъ свѣчку и молился, а потомъ пожелалъ со всѣми проститься. Полное сознаніе и ясное расположеніе духа не оставляло его до послѣдней минуты. Попросилъ пить и, выпивъ воды, съ улыбкой сказалъ: „Это на дорожку“. Въ 1 ч. 37 мин. ночи А. П. тихо отошелъ къ Господу.

Прожить такъ красиво, цѣльно и умереть съ улыбкой, значитъ быть спокойнымъ за свое прошедшее.

М. Барсуковъ.

Межевой.

(Повѣсть изъ жизни землеустроителей 90-хъ годовъ.

I.

Лѣтомъ въ 189··· г. я пріѣхалъ на службу въ губернскій городъ Х. Отдохнувъ послѣ дороги и осмотрѣвъ достопримѣчательности города, оказавшіяся крайне скудными, я пошелъ представляться по начальству и знакомиться съ будущими моими сослуживцами. Первый мой визитъ былъ къ „земельному генералу“, какъ звали въ городѣ и деревняхъ Ивана Павловича Бердяева, завѣдывавшаго межевыми работами въ Х—ской губерніи. Когда я позвонилъ у генеральской квартиры, выходящей на ту же лѣстницу, которая ввела и въ залу, минуты черезъ двѣ послышался изъ дальнихъ комнатъ топотъ быстро бѣгущаго человѣка. Въ зало вбѣжалъ въ сѣренькой парѣ на высокихъ каблукахъ низенькій коренастый и полный старикъ съ бритымъ лицомъ и бѣлыми волосами на головѣ.

— А мы васъ давно ждемъ, говорилъ онъ, здороваясь со мной, и потащилъ меня въ гостиную.

— Простите, ваше —ство, что я явился къ вамъ не въ мундирѣ, вещи еще мои не пришли,—оправдывался я.

— Ну это не бѣда, люди-то мы не мундирные, а вотъ почему вы опоздали?—допрашивалъ онъ меня, оглядывая своими маленькими свѣтлыми глазами, зорко смотрѣвшими изъ-подъ густыхъ желтыхъ бровей. Я привелъ обычныя оправданія. Разговоръ затѣмъ принялъ дѣловой характеръ и закончился порученіемъ для меня составлять и предъявлять владѣнныя записи крестьянамъ С—скаго уѣзда.

— А впрочемъ я самъ даже съ вами поѣду, хоть мнѣ и трудно, жена больна,—быстро сказалъ Ив. Павловичъ, но вы еще новичекъ въ этомъ дѣлѣ, и надо васъ наставлять... Я откланялся.

— Зайдите заодно къ Ѳедору Ивановичу Крючкову, начальнику съемки... онъ у насъ мудрецъ, сказалъ мнѣ генералъ, прощаясь, и быстро убѣжалъ въ дальнія комнаты.

Я поднялся этажемъ выше и вошелъ безъ всякаго звонка въ чертежную. По стѣнамъ стояли длинные столы съ гладкими досками и простыми табуретками около нихъ. Посреди комнаты спорили и кричали два маленькихъ гимназиста въ возрастѣ отъ 10 до 13 лѣтъ. Около нихъ прыгала дѣвочка-подростокъ и полненькій мальчикъ лѣтъ 6.

Я прошелъ мимо дѣтей черезъ „кабинетъ“, на порогѣ котораго стоялъ самъ хозяинъ.

— А! добро пожаловать, проговорилъ Ѳедоръ Ивановичъ послѣ обычныхъ привѣтствій, вы у насъ застали обычную сцену... семейную... не удивляйтесь, у меня вѣдь „этихъ“ шесть штукъ, прошу покорнѣйше садиться, и онъ усѣлся противъ меня, закусывая свои солдатскія усы на бритомъ лицѣ.

— Курите?—И онъ протянулъ мнѣ портсигаръ.

— Курю.

— Вѣдь вы, кажется, студентъ, насколько я знаю по вашему формулярному списку, который пришелъ уже къ намъ, а всѣхъ студентовъ я уже считаю людьми свѣтлыми, такъ-съ, говорилъ онъ, улыбаясь маленькими лучистыми глазами... Были тамъ-съ? Внизу? — И онъ выразительно показалъ пальцемъ на полъ.

— Былъ и получилъ порученіе.

— Это очень... интересно-съ, проговорилъ Ѳ. И., растягивая слова и дѣлая удареніе. Я ему разсказалъ. Ѳ. И. началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, шлепая и слегка волоча ногами, но быстро, „по молодому“.

— Мы, значитъ, поѣхали на предъявленіе, проговорилъ онъ, указывая пальцемъ на полъ, съ новымъ человѣкомъ, чтобы показать свою ревность, а то вѣдь мы не очень любимъ выѣзжать кудь-нибудь, а тутъ, несмотря на серьезную болѣзнь жены, вдругъ такой выпадъ въ губе-е-рнію... текъ-съ... политика, доложу вамъ, и онъ поднялъ палецъ къ верху.

Ѳедоръ Ивановичъ усѣлся опять на свой стулъ, крякнулъ и, закуривъ папиросу, пронзилъ меня долгимъ взглядомъ.

— Мы мыслить можемъ... мыслить? — спросилъ онъ съ удареніемъ.

— Кажется, что да, если вы говорите обо мнѣ, сказалъ я.

— А если такъ, то будемъ говорить „по-умному“, и онъ подвинулся ко мнѣ... Насъ гнетутъ-съ, и онъ опять указалъ на полъ, мы занимаемъ квартиру-съ и, вы изволили видѣть, хорошую, удобную, дешево... работы шли 25 лѣтъ, какъ по маслу, генеральство мы получили, деньгу скопили и вдругъ такой... пассажъ, извольте всю губернію кончить въ два года... хо, хо, таково распоряженіе свыше, — и онъ поднялъ палецъ кверху, — и летятъ туда-съ теперь бумажки... (онъ опустилъ палецъ книзу) самаго рѣзкаго свойства, заставляютъ двигаться, и мы... очень суетимся теперича, и онъ сдѣлалъ комически глубокомысленный видъ.

...Вѣдь я-съ сорокъ лѣтъ служу на межевой службѣ и видалъ такіе виды.., такіе-съ, какіе вамъ во снѣ не приснятся... я вѣдь при Муравьевѣ служилъ, и онъ поднялъ палецъ кверху, а онъ заставлялъ двигаться... А всю эту публику нашу... межевую,—и онъ сдѣлалъ гримасу,—я знаю какъ свои пять пальцевъ и держу-съ ихъ вотъ какъ, и онъ показалъ жилистый кулакъ.

— И вы студентъ... свѣтлый... попали теперь въ нашъ муравейникъ... очень любопытно... и поучительно.

— Но вѣдь есть же среди завѣдующихъ работами и разумные люди, опытные?

— Мало-съ, всего одинъ Костенька Фелицинъ, и вамъ надо къ нему непремѣнно сегодня же съѣздить... онъ все хватаетъ на-лету и генералъ его боится, да-съ, и всегда дѣлаетъ такъ, какъ онъ скажетъ, а почему-съ? Потому что умѣетъ мыслить. Былъ еще одинъ... душа-человѣкъ, рубаха, но тотъ, увы-съ! и Ѳедоръ Иванычъ развелъ руками.

— Уѣхалъ?

— На тотъ свѣтъ... зарѣзался бритвой, и Ѳедоръ Иванычъ забѣгалъ по комнатѣ... Дѣла-съ! Самолюбіе у человѣка было большое, дѣла и работы были аховыя, человѣкъ бился, какъ рыба объ ледъ... три выговора съ занесеніемъ въ формулярный списокъ получилъ, да вѣдь какіе-съ! И не выдержалъ... былъ онъ человѣкъ одинокій, холостой, любилъ за галстукъ полить.. сталъ задумываться и... зарѣзался моей бритвой!—и онъ показалъ на полъ.

— Я на его мѣсто назначенъ?

— Нѣтъ-съ, это было раньше. Вашъ предшественникъ вы-

шелъ въ отставку по дряхлости... Онъ ужъ ничего не понималъ и сдѣлался какъ дитя, едва могъ свою фамилію подписывать... Это ужъ намъ неудобно, мы его сплавили въ отставку... фамилія его Мокрыхъ.

— Странная фамилія, замѣтилъ я, и онъ ее оправдывалъ? Крючковъ захохоталъ, закинувъ голову и широко разѣвая ротъ съ гнилыми зубами.

— На счетъ странностей у насъ не занимать стать, да вотъ еще, я вамъ докажу, у насъ есть антикъ изъ производителей, выходящій въ чистую...

Не успѣлъ онъ докончить своей фразы, какъ въ комнату вошелъ пожилой человѣкъ съ окладистой сѣдой бородой, въ межевомъ сюртукѣ со значкомъ землеустройства на груди.

— А! какъ вы легки на поминѣ, полковникъ, вскрикнулъ Крючковъ, протягивая ему руку, а мы только о васъ вспоминали...

— Почему? Ругаль меня, о! я знай васъ, сказалъ вошедшій съ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Рекомендую... новый производитель, и Крючковъ назвалъ мою фамилію, а это нашъ полковникъ Торфъ.

— Давно пріѣхаль сюда? — спросилъ Торфъ, усаживаясь грузно на вѣнскій стулъ и доставая картузъ съ табакомъ и бумажки для „вертуна“, который онъ началъ методически приготовлять.

— Только-что, а вы, я слышалъ отъ Ѳедора Ивановича, насъ покидаете?—спросилъ я.

— О! Я усталь... ужасно усталь... служить это, это—большой трудъ! воскликнулъ Торфъ.

— А вы сегодня, полковникъ, кофе пили? — подмигивая мнѣ, спросилъ его Крючковъ.

— Што?.. Пиль...

— Полковникъ очень обожаетъ кофе и много и долго его пьетъ, обратился ко мнѣ съ лукавой улыбкой Крючковъ, соберетъ мужичковъ на сходъ, они ждутъ, ждутъ его съ восхода солнышка, а онъ проснется часовъ въ 11, да пьетъ кофе до часу, а потомъ выйдетъ къ нимъ на полчаса поговорить, когда они уже изморятся и истомятся... а то и совсѣмъ не выйдетъ, а вышлетъ межевого. Такъ, полковникъ? Ужъ прошлое дѣло... бывало вѣдь?

— О!! Ѳедоръ Ивановичъ, вы большой шутникъ и всегда насмѣхаетесь... Мужикъ... народъ грубый, глупій, можетъ всегда поджидать... никогда не надо его жалѣть... Поль-дня, день...

пустякъ для него... мужикъ... пьяницъ, разсуждалъ Торфъ, дымя толстымъ вертуномъ изъ мундштука.

— Ну, конечно, мужики... народъ—поганый, иронически въ тонъ ему замѣтилъ Крючковъ, указывая мнѣ глазами на Торфа, видите, какой у насъ полковникъ!

— А ви получиль назначеніе?—спросилъ меня Торфъ.

— Да, предъявлять записи въ С—мъ уѣздѣ.

— О!! Благодатный край! Я биль тамъ, предъявлялъ...

— И замѣтьте, добавилъ съ удареніемъ Крючковъ, полковникъ послѣ кофею болѣе 3 записей въ день не предъявлялъ, когда ихъ можно штукъ 20 предъявить.

— Зачѣмъ торопиться? — флегматично спросилъ Торфъ. Крючковъ захохоталъ.

— За что я люблю полковника, такъ это за его великое и замѣчательное хладнокровіе... его ничѣмъ никогда не удивишь и ничѣмъ не взволнуешь, какъ изъ мрамора высѣченъ нашъ полковникъ, ехидничалъ Крючковъ. Торфъ самодовольно „хохоталъ“, исчезая въ клубахъ дыма.

— А мой формуляръ готовъ? спросилъ онъ послѣ наступившей паузы.

— Готовъ-съ, полковникъ, я его уже три дня держу въ моемъ сундукѣ какъ величайшую драгоцѣнность, и Крючковъ подошелъ къ огромному сундуку, стоявшему около длиннаго стола, покрытаго тщательно уложенными стопками текущихъ бумагъ, вѣдомостей и прочаго канцелярскаго добра.

— О! Ѳедоръ Ивановичъ аккуратный человѣкъ, какъ настоящій нѣмецъ... вамъ бы надо родиться въ Германія.

— Зачѣмъ мнѣ Германія, когда я родился въ русской землѣ?.. пожалуйте, и Крючковъ вынулъ формуляръ изъ сундука, изъ котораго выглядывали сложенные пачками кредитные билеты.

— Однако, у васъ масса денегъ, замѣтилъ я, заглядывая въ сундукъ.

— Тутъ и мои и казенныя... я вѣдь начальникъ и казначей межевыхъ, у меня болѣе 30 человѣкъ получаютъ жалованье, а завтра будетъ выдача передъ работами.

— А на работахъ какже въ деревняхъ?

— Я самъ развожу-съ и никогда не довѣряю почтѣ.

— И не боитесь везти такую массу денегъ?

— Для этого у меня имѣется вотъ эта древность, и Крючковъ вытащилъ изъ-подъ деревянной кровати, покрытый краснымъ байковымъ одѣяломъ, старый засаленный чемоданъ въ

формѣ блина... ну, скажите, кто догадается, что въ этой ветоши заключаются тысячи во время моей поѣздки?!

— Русскій... совсѣмъ глюпій народъ, у него мало смѣкалка, сказалъ Торфъ, прощаясь и укладывая свой мундштукъ.

— Вотъ, видѣли, этотъ нѣмецкій фруктъ... какъ онъ отзывается о крестьянахъ... но есть ли у него у самого смѣкалки на три копѣйки? Спросилъ меня Крючковъ, когда Торфъ ушелъ.

— Да, неудивительно, что онъ выходитъ въ отставку.—И, знаете, онъ бы еще долго служилъ, но пріѣзжалъ нашъ петербургскій генералъ Вершининъ и, несмотря на плохіе глаза свои, раскусилъ его и его работу и... скушалъ его!.. О, нашъ слѣпой все видитъ!.. Потѣха, я вамъ доложу, вышла... Пріѣзжаетъ Вершининъ въ участокъ Торфа, Торфъ докладываетъ ему: „ваше—ство, у меня бунтъ!..“—Какой бунтъ? — Бунтъ... мужикъ бунтуетъ. Оказывается что же-съ!? Онъ вмѣсто предъявленія записей все кофе пилъ, три дня сходъ держалъ, земскаго начальника замучилъ и предъявилъ три записи, а въ волости-то было 50 селеній слишкомъ, земскій плюнулъ, уѣхалъ, мужики разъѣхались, а когда онъ сталъ ихъ вызывать, они не явились... Ну, ужъ и задалъ ему „бунтъ“ нашъ Вершининъ... Боже, какъ онъ ругался! Уѣхалъ въ Питеръ, а оттуда перекомендовали нашему нѣмцу закончить свое служебное поприще...

— А пенсію онъ выслужилъ?—спросилъ я.

— Еще бы... кто изъ насъ не выслужилъ здѣсь пенсіи?!. Это вы только да еще Костенька... А сколько лѣтъ, позвольте узнать, вы изволите служить?

— Десять лѣтъ.

— Да вы... младенецъ сравнительно съ нами!

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ длинный господинъ, сѣдой, какъ лунь, съ физіономіей, удивительно напоминающей портретъ кардинала Ришелье. Когда я на него взглянулъ, я такъ и ахнулъ, пораженный этимъ историческимъ сходствомъ. По злой иронiи судьбы онъ оказался однимъ изъ самыхъ старыхъ „дѣйствующихъ“ производителей и по фамиліи Егоркинымъ.

— Нѣтъ, вамъ положительно везетъ, П. И., говорилъ Ѳедоръ Ивановичъ, знакомя меня съ вновь пришедшимъ, сегодня собирается у меня весь цвѣтъ отряда... это нашъ новичекъ и студентъ... а это нашъ старый непроизводительный производитель... виноватъ, молодой человѣкъ... я говорю потому „молодой

человѣкъ“ и непроизводительный, что вы еще холостъ и потому женихъ...

— Какой я женихъ? вы всегда смѣетесь надо мной, Ѳед. Иван., сказалъ замогильнымъ голосомъ Егоркинъ, какъ-то странно кривя ротъ и разрушая при этомъ иллюзію сходства со своимъ историческимъ двойникомъ... У меня все голова болитъ, въ виски ударяетъ, и Егоркинъ, схватившись за голову, началъ охать.

— Вы мнительны очень, полковникъ (полковниками Крючковъ называлъ всѣхъ коллежскихъ совѣтниковъ), все потому, что вы живете одинъ, бремените землю... женились бы и голова прошла.

— Посмотрите на мои волосы, могу ли я жениться, заунывнымъ голосомъ говорилъ Егоркинъ.

— Ничего не значитъ, мы выкрасимъ васъ въ черную краску, и сѣдины какъ не бывало, язвилъ Ѳед. Ив.

— А! все вы вздоръ говорите, вотъ если бы вы дали мнѣ средство отъ головной боли, я бы васъ поблагодарилъ, а то что тамъ... краска!..

— Ну, какъ ваши курочки поживаютъ?— спросилъ, подмигивая мнѣ, Крючковъ.

— Благодарю васъ, живутъ, несутся, отвѣтилъ тотъ, хватаясь за голову.

— Вы знаете, проговорилъ Ѳед. Ив., обращаясь ко мнѣ, Адамъ Ѳомичъ имѣетъ громадную семью... только куриную, у него 120 великолѣпныхъ куръ самыхъ рѣдкихъ породъ.

— Много и простыхъ, вставилъ тотъ.

— Но чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ и, что еще поразительнѣе, всѣ курицы имѣютъ собственныя женскія имена, даваемыя полковникомъ въ день пріобрѣтенія новаго экземпляра и даваемыя по календарю, по святцамъ, поэтому встрѣчаются удивительныя имена... Перепетуя — курица, Агафоклея, Кассандра.

— Ну вотъ... вы раскрываете всѣ тайны моей жизни передъ новымъ человѣкомъ, онъ будетъ смѣяться надо мной, завылъ Егоркинъ.

— И среди нихъ есть любимицы хозяина, пользующіяся особыми привилегіями... Кто теперь въ наибольшей чести у васъ полковникъ? Ѳедора?

— Ахъ, Ѳедора погибла, сказалъ со вздохомъ Егоркинъ, теперь Анисья пестренькая замѣнила ее, удивительно понятливая курочка, она, какъ человѣкъ, меня понимаетъ... каждое

слово, каждый взглядъ, съ восхищеніемъ говорилъ Егоркинъ, при чемъ его маленькіе глаза засверкали отъ внутренняго удовольствія.

— Вотъ видите, развелъ руками Ѳед. Ив., обращаясь ко мнѣ, у васъ теперь новая фаворитка — Анисья пестренькая, ахъ, полковникъ, полковникъ! Завели бы вы настоящую Анисью, дѣло бы было лучше, и голова бы не болѣла.

— Куда мнѣ, на старости лѣтъ. У меня есть Марья, что за курицами ходитъ...

— Ну той въ субботу сто лѣтъ будетъ, она не годится для роли вашей утѣшительницы.

— Ахъ, перестаньте, вы все про одно и то же! И Егоркинъ отмахнулся, какъ отъ мухи. Я пришелъ къ вамъ по дѣлу, Ѳед. Ив., дайте мнѣ другого можевого... вѣдь мой Ѳединъ никуда не годится, грубитъ на каждомъ шагу...

— Чѣмъ плохъ Ѳединъ? Онъ прекрасный работникъ, но вы его замучили, нельзя же человѣка обращать въ машину, онъ вѣдь не скотина, хоть и межевой... Вы его и владѣнныя записи заставляете писать, и въ полѣ онъ долженъ съ мензулой ходить, и вѣдомости на рабочихъ составлять... все Ѳединъ, да Ѳединъ, поневолѣ человѣкъ начнетъ огрызаться; какъ еще онъ васъ не укусилъ до сихъ поръ, я удивляюсь.

— Я не могу писать, у меня голова болитъ, Ѳед. Ив., дайте мнѣ Огрызкова, онъ хорошій.

— Я ужъ тутъ ничего не могу подѣлать, и Крючковъ развелъ руками, Огрызковъ нуженъ для Фелицына, и онъ у него хорошъ, а отъ васъ онъ сбѣжитъ, проситe Фелицына.

— Ахъ, Боже мой! Что же мнѣ дѣлать, вѣдь Ѳединъ меня уморитъ...

— Но онъ для васъ незамѣнимый человѣкъ, онъ знаетъ всѣ ваши повадки, а новому человѣку придется приспосабливаться къ вамъ и онъ еще больше васъ разстроитъ.

— Ахъ, какъ это все скучно! Какъ надоѣло!—и Егоркинъ схватился за голову... Вы куда назначены? — Я сказалъ.

— И я тамъ былъ, до свиданья, и Егоркинъ, быстро пожавъ руки, удалился качающейся походкой, напоминая собой высокую старую жердь, колеблемую вѣтромъ.

Когда онъ вышелъ, я сообщилъ Крючкову свое историческое наблюденіе надъ физіономіей Егоркина, по поводу чего Ѳед. Ив. громко расхохотался.

— Кардиналъ Ришелье, живущій въ курятникѣ и воспри-

нимающій новоявленныхъ курицъ... это великолѣпно!—говорилъ онъ съ хохотомъ.

— Но, знаете, сказалъ Ѳед. Ив., переходя въ серьезный тонъ, вѣдь въ сущности по работамъ онъ человѣкъ невозможный... Конечно, можетъ быть, тутъ головныя боли виноваты, но въ уѣздѣ съ нимъ пытка, и этому Ѳедину, старому межевщику, надо заживо памятникъ поставить. Въ то время, какъ Торфъ предъявляетъ три записи, этотъ Ришелье—только одну да и то съ невѣроятными потугами. Онъ вотъ путается съ Терпигоревой волостью К—го уѣзда уже 5 лѣтъ и, Боже! что, тамъ онъ надѣлалъ! Этотъ (Ѳед. Ив. показалъ на полъ) его покрываетъ, въ силу стараго знакомства и долголѣтней дружбы, но вѣдь если строго разбирать, его бы дня не продержали на службѣ при другихъ условіяхъ, менѣе для него благопріятныхъ. Когда онъ предъявляетъ запись, Ѳединымъ же составленную, это цѣлая картина! Земскій живетъ день и два безъ дѣла... хорошо, что еще онъ напалъ на старика, которому все равно, гдѣ выслуживать свою пенсію, и все равно, въ какой деревнѣ проживать, а вѣдь другой молодой уѣхалъ бы отъ него... Мужички, измученные, чуть не на колѣняхъ просятъ отпустить ихъ по домамъ, а кардиналъ ихъ держитъ, пока его голова не прояснится... Выходъ его къ собранному сходу крестьянъ всегда бываетъ необыкновенно торжественный... Съ помощью Ѳедина надѣвается орденъ на шею, безъ котораго съ мужичками этотъ „кардиналъ“ (по вашему опредѣленію) не можетъ разговаривать, затѣмъ знакъ, и вотъ въ регаліяхъ онъ выходитъ, при чемъ его мужички величаютъ „вашимъ превосходительствомъ“, отчего полковникъ млѣетъ и начинаетъ такую чушь нести передъ сходомъ, что мухи дохнутъ и клопы съ потолка валятся, и мужички ничего не понимаютъ, что онъ имъ говоритъ, да и самъ-то онъ плохо соображаетъ, что хочетъ сказать... Онъ свое, мужички свое, и кончается тѣмъ, что онъ гонитъ ихъ къ чорту, хватается за голову и убѣгаетъ, а запись остается не предъявленной, протоколъ не написаннымъ, и все это отлагается еще дня на два до новаго проясненія мозговъ кардинала... Вотъ онъ какой!

Я началъ прощаться подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ надо сдѣлать визиты сослуживцамъ.

— И прекрасно-съ, поѣзжайте, тѣмъ болѣе, что всѣ производители въ сборѣ и производительные и непроизводительные... а главное съѣздите къ нашему умницѣ Фелицыну, побывайте у нашего Агаѳона.

— А это кто такой?

— А это—нашъ бригадиръ (статскій совѣтникъ) очень важный! онъ не только „фонъ", но Ага-ѳонъ!—и Ѳед. Ив. поднялъ палецъ кверху, улыбаясь во весь ротъ и закрывая глаза. Я, видите, раздѣляю нашихъ производителей на категоріи: одни думаютъ и мыслятъ по-настоящему, какъ Фелицынъ, въ мѣру, а другіе думаютъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, и вотъ Агаѳонъ именно къ послѣднему разряду принадлежитъ, а третьи думаютъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ, или даже вовсе ничего не думаютъ, какъ нашъ Ришелье... Съѣздите къ Никитѣ Мокрому, съ нимъ вы скоро познакомитесь, онъ рубаха—парень да и по лѣтамъ къ вамъ подходитъ... Тутъ еще есть Палкинъ... только онъ деревянный!..

— А это что? — спрашивалъ я.

— Увидите сами,—и Ѳедоръ Иван. съ громкимъ смѣхомъ провожалъ меня до двери.

Я поѣхалъ къ Агаѳону Хмурому. Тотъ меня заставилъ ждать въ гостиной гораздо дольше, чѣмъ генералъ. Очевидно, его разбудили, прервавъ послѣобѣденный сонъ. Онъ что-то ворчалъ и долго плескался въ спальнѣ, примыкавшей къ пріемнымъ комнатамъ. Вышелъ онъ ко мнѣ въ форменномъ сюртукѣ и съ Владиміромъ на шеѣ, въ темныхъ очкахъ на красномъ жилистомъ носу. При первыхъ звукахъ его баса на меня повѣяло крещенскимъ холодомъ.

— Давно пріѣхали?—тяжело опускаясь въ кресло, пробурчалъ онъ.

— Четыре дня тому назадъ.

— И глазъ къ намъ не казали... не хорошо, молодой человѣкъ.

— Надо было отдохнуть съ дороги.

— Эхъ, привередники вы, питерскіе молодчики, все бы вамъ отдыхать да порхать по цвѣтамъ удовольствій, а вотъ мы, старики-провинціалы, объ этомъ не думаемъ... взялъ, собрался, перевернулся, умылся, да и айда за дѣло...

— Вы въ уѣздъ часто ѣздите?—спросилъ я его.

— Еще бы... поѣздилъ я на своемъ вѣку такъ, какъ вамъ и во снѣ не снилось, потрудился достаточно, всю губернію исколесилъ, въ болѣе чѣмъ 10 уѣздахъ перебывалъ... гдѣ вамъ, молодымъ, до меня!—и онъ сталъ хвастаться своими служебными подвигами. Бесѣда была монотонная и неинтересная. Я чувствовалъ себя какъ на иголкахъ подъ его тяжелымъ взглядомъ изъ-подъ темныхъ очковъ. Казалось, что предо мной сидитъ

мрачный инквизиторъ, испытующій меня и ищущій во мнѣ слабую струну, за которую бы можно было схватиться и на ней поиграть. Я постарался сократить визитъ, насколько могъ.

— Ну съ Богомъ, сказалъ онъ на прощанье. Желаю вамъ успѣха при поѣздкѣ съ нашимъ путаннымъ настоятелемъ... захороводитъ онъ васъ въ дѣлахъ... Безъ меня его бы давно скушали... тамъ!—и Хмуровъ ткнулъ толстымъ пальцемъ въ пространство.

Отъ Хмурова я проѣхалъ къ Палкину, недавно попавшему въ „производители“ изъ письмоводителей генерала.

У Палкина была куча взрослыхъ дѣтей. Когда я вошелъ въ прихожую, изъ всѣхъ дверей выглянули великовозрастныя дѣвицы и дѣвочки-подростки, юноши съ розовыми щеками и мальчики, однимъ словомъ, цѣлый пансіонъ, сидѣвшій дома благодаря празднику. Всѣ они, увидавъ новое лицо, притихли и скрылись. Вышелъ папаша, имѣвшій видъ мужичка съ окладистой бородой и хитрыми маленькими глазами. Онъ немного горбился, воочію доказывая, какъ трудно быть отцомъ многочисленнаго семейства.

— У меня вѣдь десять душъ, кормить и поить надо, говорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, показывая на двери, за которыми притаилось его многочисленное потомство, глядѣвшее въ замочныя скважины. Говорилъ онъ мало и впивался глазами въ собесѣдника. А говорилъ онъ очень осторожно, словно боялся сказать лишнее слово, по пословицѣ „слово-серебро, а молчаніе золото“...

Онъ недовѣрчиво и со страхомъ на меня смотрѣлъ, видя во мнѣ нѣчто новое, какой-то чуждый опасный элементъ, врывающійся въ установившуюся сонную служебную среду.

— Скоро намъ крышка будетъ, говорятъ... можетъ быть, вы что-нибудь слышали новенькое?—спросилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, намекая на циркулировавшіе слухи о скоромъ прекращеніи межевыхъ работъ въ Х—ой губерніи.

— Столько же знаю, сколько и вы, уклончиво отвѣтилъ я.

— Ахъ, что-то будетъ!—съ новымъ вздохомъ сказалъ онъ, поглаживая свою бороду, нескладно обрамлявшую лопато-образное лицо.

— Ѳедоръ Иванычъ говорилъ мнѣ, что сверху нажимаютъ и на васъ всѣхъ шишки валятся.

— И ему вѣдь не сладко, хоть онъ и всякому чужому горю радъ,—и Палкинъ засмѣялся какъ-то не кстати дробнымъ деревяннымъ смѣхомъ.

Въ это время вошла съ поклономъ дѣвица, неся подносъ съ закусками и водкой.

— Пожалуйте, пригласилъ онъ жестомъ меня къ водкѣ, не знакомя меня съ дѣвицей, которая была его старшей дочерью. Та покраснѣла и вышла, какъ это бываетъ въ деревенскихъ семьяхъ.

Потянулись къ водкѣ и груздямъ на тарелкѣ. Пилъ онъ тоже осторожно, съ оглядкой и нерѣшительно. Ко всѣмъ жизненнымъ вопросамъ помимо службы онъ относился тупо, „деревянно“, словно все это были звуки изъ другого міра. Насколько Хмуровъ давилъ своею важностью, настолько этотъ „мужичекъ“ изводилъ своею „нудностью“ и подозрительнымъ молчаніемъ. Когда я вышелъ на улицу изъ его квартиры, напоминавшей пчелиный улей по числу обитателей, и пропитанной какой-то кислотой, мнѣ стало легко, словно, выйдя изъ подземелья, я увидѣлъ Божій свѣтъ. Не стѣсняясь тѣмъ, что уже было поздно, и рѣдкіе фонари на безлюдныхъ улицахъ тускло мигали во мракѣ, я поѣхалъ къ „Никитѣ Мокрому“.

Никита Иванычъ Ватрушинъ (по прозвищу „Мокрый“) встрѣтилъ меня не только любезно, но даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, какъ будто бы я былъ „знатнымъ иностранцемъ“.

— Очень пріятно, говорилъ онъ, напирая на „о“, познакомиться съ товарищемъ, получившимъ высшее образованіе. Мы люди простые, въ столицахъ не бывали, не обезсудьте, и посадилъ меня на диванъ въ своей маленькой гостиной. Ватрушинъ былъ ражій дѣтина, рыхлый, полный, съ глазами на выкатѣ. Онъ происходилъ изъ „духовниковъ“.

— Да, хорошо тому служить, кто этотъ жетончикъ имѣетъ, говорилъ онъ, съ завистью указывая на университетскій жетонъ (тогда еще ромбоидальныхъ знаковъ не было), болтавшійся на часовой цѣпочкѣ.

Я конфузился и увѣрялъ, что нынче университетскихъ какъ собакъ развелось, и что высшее образованіе въ сомнительномъ почетѣ и цѣнѣ. Разговоръ сначала не клеился. Мы другъ друга разсматривали. Но когда появились бутылки на столѣ съ закусками, то бесѣда приняла болѣе интимный оборотъ.

— Я вѣдь бобылемъ остался, жена въ больницѣ... болѣетъ она постоянно, ребенокъ у няньки, и я, какъ будто и женатый и какъ будто холостой, и онъ со вздохомъ проглотилъ объемистую рюмку, закусивъ микроскопическимъ грибкомъ.

Черезъ часъ Ватрушинъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ

на брудершафтъ и, держа меня за пуговицу одной рукой, ударялъ себя въ грудь другою. Его глаза слезились.

— Не могу, братъ... выносить этой политики, а въ здѣшнемъ отрядѣ все основано на политикѣ... всѣ говорятъ да оглядываются... А я не привыкъ къ этому... Никита Мокрый не можетъ хитрить, братъ! Что у меня на сердцѣ, то и на языкѣ... Не могу я скрывать своихъ мыслей, дай-ка мнѣ образованіе такое, какъ у тебя, Никита бы показалъ имъ, этимъ политикамъ... Взять хоть бы Агаѳона... развѣ это человѣкъ? а съ нимъ у меня языкъ деревенѣетъ, боюсь я его, даже генерала нашего боюсь, даромъ, что онъ старикъ обходительный... Прости, братъ, что я передъ тобой душу свою изливаю, а только вижу, что ты человѣкъ хорошій, настоящій человѣкъ...

Къ полночи ужъ онъ повѣствовалъ за опорожненными бутылками пива и водки исторію своей жизни и женитьбы.

— Безъ меня—меня женили, я на мельницѣ сидѣлъ, вскрикнулъ онъ нѣсколько заплетающимся языкомъ.

— Какъ такъ?—спросилъ я его.

— Да очень просто вышло дѣло... Былъ я холостымъ парнемъ, жилъ во всю, служилъ я секретаремъ К—вой управы и попалъ я къ своему пріятелю на свадьбу. Кутили и пили мы безъ просыпу дня четыре такъ, что небу жарко было. На четвертый день голова у меня, какъ котелъ чугунный, стала... Проснулся я, лежу въ постели, а очухаться не могу, а въ головахъ у меня сидитъ тетушка попадья, изъ села пріѣхавшая, и грустно на меня глядитъ. Увидѣла, что я проснулся, и начала причитывать: „совсѣмъ съ панталыку сбился, Никитушка, видно, погибать приходится твоей забубенной головушкѣ“.— Полѣчи, тетенька, голова, говорю, трещитъ, какъ пивной котелъ.—„Женить тебя надо, хочешь?“ А я съ пьяныхъ глазъ да и бухни: валяй, тетенька—„Вотъ что, Никитушка, надѣвай сюртукъ, а сначала вымойся хорошенько... и поѣдемъ“.—Куда? спрашиваю. А вотъ увидишь: зла тебѣ я не пожелаю, ты мнѣ не чужой. Я умылся, причесался и, надѣвъ сюртученко, поѣхалъ съ тетенькой невѣсту смотрѣть къ теперешнему моему тестю.

Онъ мѣсто хорошее въ городѣ занималъ, домъ свой имѣлъ. Принялъ меня ласково, даромъ, что у меня зенки, какъ у кролика, были... Всего не помню, что было, и тамъ было выпито, а только запомнились мнѣ косы моей невѣсты, а теперешней моей жены... Какъ увидѣлъ я огромныя двѣ косы, черныя, какъ вороново крыло, съ блескомъ, такъ и забылъ все.

Лицо-то я какъ-то плохо разсмотрѣлъ, щедушненькая она была и такою осталась... Шепчу тетенькѣ самъ не свой: „сватай скорѣй, кончай дѣло“.

А той только этого слова отъ меня и надо было.

Сейчасъ она переговорила съ родителями, а къ вечеру ужъ зажгли лампаду передъ образами въ гостиной, и я полупьяный стоялъ ужъ со своей нарѣченной невѣстой и молился. Прости Господи мое согрѣшенье! молитва-то была плоха, все на косы ея смотрѣлъ... А потомъ черезъ недѣлю и подъ вѣнецъ поѣхали, и вотъ ужъ восемь лѣтъ, какъ я эту обузу на себя надѣлъ... Послѣ родовъ она захворала, и нѣсколько лѣтъ я не женатъ, ни холостъ, а такъ... середка на половинѣ, эхъ!—и онъ, замолкнувъ, махнулъ рукой и потянулся къ полной бутылкѣ... Не поѣхать ли намъ кой-куда... провѣтриться?..

Какъ-то такъ случилось, что черезъ полчаса ужъ мы тряслись на мѣстномъ Ванькѣ по какому-то глухому переулку въ „трущобы“, и Ватрушинъ, ударяя въ грудь себя, вскрикивалъ: —Не могу, братъ, терпѣть я этой политики!.. душа моя болитъ!.. Никитѣ Мокрому воздуху надо! Не могу кончать вечера дома, коли гость пріѣхалъ... Въ сердцѣ свербитъ!

II.

На другой день я явился въ чертежную „по дѣламъ службы“. Она представляла изъ себя пчелиный улей. Всѣ столы были завалены планами, чертежами. Надъ ними, согнувшись, сидѣли на деревянныхъ табуретахъ межевые старые и молодые. На полу также были развернуты планшеты, и по нимъ ползали два топографа. Два молодыхъ межевщика въ углу спорили изъза мензулы, каждый хотѣлъ получить поновѣе инструментъ. Въ другомъ углу молодой межевщикъ азартно доказывалъ старому топографу негодность инструмента.

— Не могу же я, Иванъ Семеновичъ, работать съ такимъ штативомъ, онъ весь расползается, и ватерпасъ согнутъ.

— Что же я могу подѣлать, обратитесь къ Ѳедору Ивановичу, отбояривался тотъ.

Появился Ѳедоръ Ивановичъ, и все стихло. Спорившіе сейчасъ же прекратили споръ, а межевщикъ, доказывавшій старому топографу негодность инструмента, робкимъ голосомъ сталъ докладывать Крючкову, указывая на развалившійся штативъ и ватерпасъ.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, вамъ бы все новенькое да свѣтленькое давай, а вы старенькимъ поработайте... Здѣсь вотъ свяжите, а тутъ подвинтите, гдѣ же намъ набраться новыхъ инструментовъ, когда все хламъ у насъ въ отрядѣ остался... а ватерпасъ, ватерпасъ?.. гм... гм... мы выправимъ, и, схвативъ ватерпасъ, онъ убѣжалъ. Въ комнатѣ, гдѣ занимался Крючковъ, я водворился со своими записями и планами, которые предо мной развертывалъ Остапенко, низенькій пожилой хохолъ съ кудрявой шевелюрой, окружающей небольшую плѣшь, и съ маленькими хитрыми бѣгающими глазами.

Около Крючкова за столомъ сидѣлъ старый и весь покрытый мохомъ межевой съ острымъ огромнымъ носомъ и съ жиденькими сѣдыми бакенбардами.

— Рекомендую, сказалъ мнѣ Ѳед. Ив., нашъ патріархъ Ѳедулъ Емельянычъ Заправицкій,— не смотрите, что ему 70 лѣтъ... еще дѣти у него родятся...

— Что вы, что вы, Ѳедоръ Ив., я и забылъ про это дѣло, говорилъ старецъ, шамкая губами и опуская свой носъ въ вѣдомости.

— А вы ужъ молчите и не путайте, опять ошибетесь... по молодости лѣтъ, говорилъ Крючковъ, тыкая пальцемъ въ вѣдомость. Онъ у насъ архиваріусъ и временно исполняетъ секретарскія обязанности у меня... Старецъ прошамкалъ что-то, сконфуженно улыбаясь.

— А, вотъ видите, я снаряжаю публику въ уѣздъ, и васъ скоро будемъ отправлять, и онъ принялся щелкать на счетахъ.

Въ комнатахъ чертежной стояла пыль отъ развернутыхъ плановъ. Извлеченные на свѣтъ Божій, они напоминали о „натурѣ“, въ которую засидѣвшіеся за зиму межевые собирались выѣзжать. Какъ застоявшіяся въ конюшнѣ лошади бьютъ копытами отъ нетерпѣнія, такъ и люди, привыкшіе проводить лѣто на воздухѣ, среди деревенской обстановки, рвутся на траву въ поле, хотя бы ихъ тамъ ожидала тяжелая изнурительная работа. Во всѣхъ комнатахъ стояло въ воздухѣ, довольно спертомъ, гудѣнье отъ массы людей, разговаривавшихъ въ полголоса, а иногда и громко, когда дѣло доходило до спора. Изрѣдка возвышался рѣзкій голосъ появлявшагося въ боевомъ мѣстѣ Крючкова съ окрикомъ: „чего вы кричите, какъ дикій! Здѣсь не кабакъ, а чертежная... мыслить-то вы можете?.. Или мозги у васъ за зиму всѣ высохли“?

И послѣ окрика наступала на нѣсколько мгновеній тишина до новаго взрыва.

Крючковъ зорко слѣдилъ за работой межевыхъ и чутьемъ схватывалъ невѣрности и ошибки, намѣчая болѣе слабыхъ. Къ „отмѣченному“ имъ онъ быстро подбѣгалъ и, увидавъ изъ-за спины его ошибку въ какой-нибудь невѣрно проводимой линіи, тыкалъ пальцемъ въ злополучное мѣсто на планѣ и молча впивался глазами въ чертившаго. Тотъ краснѣлъ и вставалъ, сконфуженный...

— Это что-съ?—послѣ минуты молчанія, спрашивалъ Крючковъ. Тотъ молчалъ. Палецъ Крючкова указывалъ направленіе.

— Поняли?.. Дурака валять нечего-съ, и удалялся.

Внизу, въ канцеляріи „генерала“, занимавшей небольшую комнатку около залы, была тоже спѣшка. Бердяевъ сидѣлъ въ халатѣ, весьма потасканномъ, и считалъ деньги, при чемъ сѣдые волосы на его головѣ стояли дыбомъ. Два письмоводителя“, изъ которыхъ одинъ былъ „вѣчный помощникъ производителя“, а другой межевой, строчили бумаги. „Вѣчный помощникъ“, уже очень пожилой человѣкъ, съ большими очками на носу, съ длинной сѣдѣющей бородой, меланхолически водилъ перомъ по бумагѣ; иногда онъ опускалъ перо въ чернильницу, а затѣмъ поднималъ его и долго-долго смотрѣлъ на это полуопущенное перо, словно на кончикѣ его скрывались міровыя неразгаданныя тайны.

— Ну, вотъ, кстати пришли,—обратился ко мнѣ генералъ, здороваясь, а я вамъ деньги приготовилъ, ваше жалованье... Я терпѣть не могу хранить чужія деньги, и онъ повернулся ко мнѣ спиной, вскочивъ со стула. На его сѣромъ халатѣ, съ красной вылинявшей оторочкой, обрисовалась огромная заплата изъ болѣе темной матеріи.

— Написали предписаніе о выѣздѣ на работу?—быстро спросилъ онъ, повернувшись къ „вѣчному помощнику“ и взглядывая изъ-подъ очковъ, сидѣвшихъ у него на кончикѣ носа.

— Пишу, проговорилъ апатично и нараспѣвъ тотъ, оторвавшись мыслями отъ кончика пера, которое онъ держалъ навѣсу, и какъ бы просыпаясь отъ сладкаго сна.

— Не копайтесь, ради Бога, Иванъ Сысоичъ, видите, всѣ спѣшатъ, а вы... дремлете.

Тотъ началъ усиленно выписывать буквы предписанія подъ взглядомъ генерала.

— Готовьтесь въ путь, обратился генералъ ко мнѣ, черезъ два дня выѣзжаемъ на пароходѣ.

— Я готовъ...

Когда о нашемъ выѣздѣ узналъ Крючковъ, онъ поднялъ палецъ кверху и, закативъ глаза, воскликнулъ: „чудеса въ рѣшетѣ“!

III.

Черезъ два дня ужъ мы съ Бердяевымъ плыли на пароходѣ по широкой рѣкѣ. Несмотря на красоту окружающихъ береговъ, утопавшихъ въ зелени стройныхъ пихтъ... не обращая вниманія на мелькавшую передъ нами природу, мы сидѣли, закупорившись въ рубкѣ, и кушали, кушали съ наслажденіемъ, какъ могутъ ѣсть люди, дорвавшіеся до стерлядей, зернистой свѣжей икры, окуней, налимовъ и прочихъ прелестей, которыми чревата многоводная широкая рѣка. Послѣ обѣда Бердяевъ началъ разбираться въ своихъ вещахъ... Пріѣхалъ онъ на пароходъ, весь обложенный коробочками, корзиночками, ящичками, что заняло цѣлый диванъ въ рубкѣ. Каждое такое вмѣстилище онъ открывалъ, вынималъ содержимое, клалъ на столъ и любовался.

— Вы, кажется, ужъ дремлете? Манитъ на боковую?—сказалъ онъ, замѣтивъ, что я едва удерживаюсь отъ одолѣвавшей меня зѣвоты.

— Могу еще терпѣть...

— Ну, сложимся и всхраннемъ... И онъ сталъ „складываться“, что продолжалось добрыхъ полчаса. Затѣмъ мы спустились внизъ, и тамъ черезъ пять минутъ раздался богатырскій храпъ генерала на всѣ лады и интонаціи...

За чаемъ я старался навести его на разговоръ о дѣлахъ, но онъ кряхтѣлъ, хмурился и дулъ усиленно на блюдечко съ горячимъ чаемъ, складывая губы въ трубу.

Когда же мои вопросы становились очень назойливыми, онъ отмахивался отъ меня, какъ отъ мухи, и говорилъ: „чего тамъ труднаго?.. само дѣло покажетъ... пустяки... только поменьше съ мужиками разговоры разводите“.

— А если они споры заведутъ при предъявленіи?

— А вы ихъ переспорьте... главное, чтобы поменьше заявленій было, и, отдѣлавшись отъ моихъ дѣловыхъ вопросовъ этими общими указаніями, онъ или дремалъ, клюя носомъ, или разсказывалъ какой-нибудь анекдотъ изъ жизни, или же смотрѣлъ своими безцвѣтными глазами въ окно рубки.

По палубѣ 3-го класса маршировалъ Остапенко, въ черномъ короткомъ полушубкѣ и въ сѣрой барашковой шапкѣ со смушками, пряча руки въ рукава отъ весенняго холода на рѣкѣ.

— Вы вѣдь замерзнете ночью на палубѣ, Филиппъ Панкратьевичъ, обратился я къ нему.

— Ничего-съ... около трубы очень тепло будетъ... достатки не позволяютъ въ каютѣ ѣхать... семья-съ... четверо дѣтей, изъ нихъ двѣ невѣсты-съ, говорилъ онъ, весь поджимаясь.

Между тѣмъ у Остапенки былъ сколоченъ хорошенькій домикъ въ К., съ флигелемъ, приносившій ему порядочный доходъ.

Въ селѣ Темномъ, гдѣ мы остановились на земской квартирѣ, насъ встрѣтилъ пожилой земскій начальникъ Ефименко, недавно назначенный... Встрѣтилъ онъ хотя очень любезно, но съ грустнымъ видомъ. Грустенъ онъ былъ, во-первыхъ, потому, что былъ очень тугъ на ухо, а во-вторыхъ, отъ того, что, какъ это выяснилось потомъ, когда-то въ дни молодости онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца сто тысячъ, которые онъ ухитрился спустить въ три года своей бурной гусарской жизни. Хотя теперь Ефименко со своей семьей, состоящей изъ бойкой жены и маленькаго сына, жилъ вовсе не бѣдно, даже держалъ недурного повара, но тѣмъ не менѣе онъ постоянно „конфузился“ за отсутствіе былой роскоши...

Во время предъявленія владѣнныхъ записей, начавшагося послѣ обмѣна обычныхъ этикетныхъ визитовъ, Ефименко сначала слушалъ очень внимательно всѣ разговоры мои и генерала съ мужиками, заглядывалъ въ законы и даже пробовалъ кипятиться „по-военному“ въ тѣхъ случаяхъ, когда мужики упорствовали въ своихъ требованіяхъ о прибавкѣ земли, но потомъ махнулъ рукой, предоставивъ это дѣло мнѣ всецѣло, и только „присутствовалъ“, снимая съ себя цѣпь во время куренья папиросы въ волостномъ правленіи, гдѣ производилось предъявленіе за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ съ зерцаломъ. Чтобы послѣднее не препятствовало куренію, Ефименко снималъ орелъ съ верхушки, кладя его къ подножію зерцала.

Въ антрактѣ между предъявленіемъ онъ угостилъ насъ „скромнымъ“ обѣдомъ съ обильнымъ количествомъ винъ и яствъ, послѣ котораго предъявленіе шло довольно вяло и генералъ незамѣтно ушелъ на квартиру всхрапнуть.

Я боролся съ дремотой и держался бодро на своемъ посту, Ефименко смотрѣлъ на меня мутными глазами и отъ времени до времени предлагалъ „кончить на сегодня“. Я же, какъ новичекъ, неутомимо бесѣдовалъ съ мужиками до хрипоты и до сухости въ горлѣ.

Болѣе всего пугался Ефименко споровъ между сосѣдними деревнями, которые по закону въ случаѣ неокончанія ихъ при самомъ предъявленіи, передавались на его разрѣшеніе. Кромѣ того, его поражали названія деревень, оканчивающіяся въ этой волости на „яты“: Березяты, Васяты, Шуляты, Мокряты...

— Что я буду дѣлать съ этими Мокрятами и Васятами когда вы уѣдете? Au nom de Dieu нельзя ли здѣсь ихъ сейчасъ же примирить?—умолялъ онъ меня.

Но, несмотря на сбивчивыя и довольно голословныя убѣжденія, Мокряты и Васяты не поддавались и стояли на своемъ, грызясь между собой за какой-нибудь клочекъ земли, казавшійся для насъ совершенно незначительнымъ, а для нихъ представлявшій огромный интересъ.

— Ужасно! — восклицалъ онъ уныло, воздѣвая руки къ небу, не можетъ ли рѣшить генералъ?

— Нѣтъ, такъ какъ онъ по закону не входитъ въ разбирательство крестьянскихъ споровъ помимо Губернскаго Присутствія, куда поступитъ можетъ аппелляція на ваше рѣшеніе.

— Аппелляція! C'est horrible! Нельзя ли безъ аппелляціи?.. я просто передамъ это волостному старшинѣ, пусть онъ ихъ разсудитъ.

— И этого нельзя, это не входитъ въ полномочія волостного правленія.

— Послушайте, вы меня ставите въ какіе-то невозможные тиски и просто отдаете меня на съѣденіе этихъ Васятъ и Мокрятъ, — это не любезно съ вашей стороны, стоналъ Ефименко съ интонаціей бывшаго гусара.

— Какія же любезности могутъ быть въ данномъ случаѣ?

— Вы неумолимы! Parole d'honneur, эти Мокряты меня изсушатъ и ускорятъ мою кончину.

Послѣ предъявленія 20—30 мелкихъ записей (вся волость состояла изъ небольшихъ селеній числомъ до 100) генералъ, успокоившись и удовлетворившись „ходомъ дѣла“, сказавъ мнѣ, что „вы насобачились порядкомъ въ дѣлѣ и можете обойтись безъ няньки“ (подразумѣвая себя подъ „нянькой“), уѣхалъ въ городъ, оставивъ насъ „управляться съ мужиками“. Волость одна была кончена въ смыслѣ предъявленія и скрѣпленія всѣхъ актовъ, надо было ѣхать въ сосѣднюю.

— Послушайте, mon jeune ami, говорилъ мнѣ Ефименко за ужиномъ, нельзя ли послать вашего межевого... какъ его Домкрата что-ли?

— Филиппа Панкратьевича Остапенку?

— Ну, все равно Панкратьевича, говорилъ Ефименко, приставляя ко мнѣ свое ухо... предъявлять записи?.. вѣдь онъ не хуже насъ съ вами предъявитъ, а вы бы у меня отдохнули.

— Это невозможно, межевые не могутъ предъявлять записей.

— Ахъ, какой вы формалистъ! Къ чему это? не все ли равно, какъ раздѣлаться съ этими Мосятами?

— Нѣтъ, такъ нельзя...

— Придется и мнѣ тащиться туда... въ Суслово?

— Обязательно, безъ васъ не можетъ идти предъявленіе.

— Да вѣдь я же ничего не смыслю въ вашемъ поземельномъ устройствѣ, у меня пропасть дѣла по участку,—передано моимъ предшественникомъ масса неисполненныхъ входящихъ бумагъ, а сколько уголовныхъ дѣлъ!—и онъ трагическимъ жестомъ показалъ на ворохи бумагъ и на груды дѣлъ въ красныхъ и синихъ обложкахъ, лежавшихъ на полу кабинета, и такъ ужъ меня губернаторъ допекаетъ.

— Ничего не подѣлаешь, а ѣхать вамъ со мной надо...

— Тогда я возьму съ собой повара... Mon cher, не могу же я ѣсть тамъ всякую дрянь съ плавающими въ супѣ перьями и съ зажареными тараканами и клопами... наконецъ, моя дражайшая половина будетъ скучать и сыпъ... я и ихъ возьму...

Его „половина“, дама очень энергичная, была его главнымъ совѣтникомъ по дѣламъ, и даже губернаторъ въ одинъ изъ объѣздовъ своей губерніи, обревизовавъ на первыхъ порахъ участокъ Ефименко и распекши его за медленность, смягчился и уступилъ ея энергіи и такту.

— Съ удовольствіемъ бы назначилъ васъ земскимъ начальникомъ, сударыня, вмѣсто вашего мужа, вы, кажется, болѣе его освѣдомлены въ дѣлахъ сказалъ, администраторъ.

— А куда его дѣвать?

— Гм... въ сосѣдній участокъ кандидатомъ, послѣ нѣкотораго раздумья, проговорилъ онъ.

Въ сосѣднее село Суслово мы отправились цѣлымъ обозомъ. Впереди скакала наша тройка съ тарантасомъ, гдѣ сидѣли Ефименко и я. За нею летѣла тройка съ кухней и прислугой. За ними ѣхала, не торопясь, семья Ефименко и повозка съ Остапенко, обложеннаго межевыми инструментами, оказавшимися совершенно лишними, такъ какъ ему ни разу не пришлось въ обѣихъ волостяхъ выходить „въ натуру“. Къ счастью Ефименко, въ Сусловской волости оказались весьма сговорчивые мужики, и дѣло обошлось безъ непріятныхъ

осложненій. Всѣ они получили отъ 3 — 4 десятинъ на ревизскую душу и, благодаря тому, что не было по сосѣдству казенныхъ дачъ и неоткуда было получать прирѣзовъ, смирились со своей плачевной долей. Ѣли мы прекрасно, жена Ефименко была предупредительнѣйшей хозяйкой, и пребываніе въ Сусловѣ ничѣмъ не отличалось отъ городского по „комфорту“, тщательно соблюдаемому моимъ компаньономъ. Только „Домкратъ“ (Остапенко), котораго фамилію упорно забывалъ Ефименко, отказывался отъ приглашеній „къ столу“ и ѣлъ свою кислую капусту на отведенной ему квартирѣ.

— Какой онъ странный, нелюдимый, ворчалъ Ефименко.

— Хохолъ, объяснилъ я. М-me Ефименко приручила его и угостила раза два чаемъ съ малиновымъ вареньемъ. Когда кончилось „все“ и настала минута разставанья, Ефименко долго жалъ мнѣ руку.

— Mercі, mercі, mon bon ami, простите за мой „скромный“ пріемъ... надѣюсь, что вы меня не подвели...

Я его успокоилъ, какъ могъ. Его преслѣдовала неотвязная мысль, что „всѣ и повсюду“ его подводятъ, навлекая гнѣвъ губернатора.

П. И. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жрица чистаго искусства.

Е. М. Бемъ.

25-го іюля, текущаго года, скончалась въ Петербургѣ (гдѣ и родилась 12-го февраля 1843 года) наша извѣстная художница Елизавета Меркурьевна Бемъ. Извѣстность ея не ограничивалась Россіей; но, знакомая повсюду въ Европѣ, перелетѣла и за океанъ.

Въ майской книжкѣ „Русской Старины“ 1911 года былъ помѣщенъ мной біографическій очеркъ нынѣ скончавшейся художницы, подъ заглавіемъ: „Другъ дѣтей Е. М. Бемъ“. И точно: кто изъ дѣтей, разсматривая дѣтскія головки, вылившіяся изъ-подъ ея артистической кисти, въ безконечномъ разнообразіи родного, русскаго эпоса, — не угадывалъ той нѣжной любви, которая водила кистью художницы? Для біографическаго очерка Е. М. я пользовалась подробностями, переданными мнѣ самой художницей, добавляя ихъ моими личными наблюденіями, въ продолженіе многихъ лѣтъ нашихъ дружескихъ съ нею сношеній, о чемъ я и упоминала въ моемъ очеркѣ, а потому теперь, въ этомъ короткомъ наброскѣ, не буду о нихъ и упоминать, какъ уже извѣстныхъ читателямъ „Русской Старины“, остановясь только на одной фразѣ, которой Е. М. заключила передаваемыя мнѣ подробности объ ея жизни: „Въ заключеніе скажу, что благодарю Бога за то наслажденіе, которое имѣла въ своей жизни, ради своего призванія“. Да, и эта фраза не была только фразой! Е. М. именно любила „искусство для искусства“. Она не гналась ни за славой, ни за деньгами, хотя заработокъ составлялъ ея жизненный рессурсъ; при жизни мужа (профессора С.-Петербургской консерваторіи, скрипичной игры)—соединявшійся съ его заработкомъ, а послѣ его смерти исключительно предоставленный ей одной, поддер-

живая еще кое-кого изъ близкихъ. Поразительно скромная, врагъ всякихъ рекламъ, Е. М. единственно силою своего прелестнаго таланта, избравшаго исключительную спеціальность въ изображеніи дѣтей, сначала силуэтами (одной кистью, безъ пера)—а затѣмъ акварель,—пріобрѣла ту извѣстность, которая распространилась далеко за предѣлы нашего отечества, познакомивъ иностранцевъ съ русскими дѣтскими типами и разнообразными, чисто-русскими атрибутами, къ которымъ она еще прибавляла замѣчательно легко ею подбираемыя пословицы.

Работая съ особенной любовью къ искусству, Е. М. была поразительно скромна въ отношеніи платы за свои прелестныя произведенія, не исключая лицъ, не стѣсняемыхъ платой; и, всегда заваленная заказами, доводила свою цѣну до минимума. Ей казалось такимъ грубымъ проявленіемъ плата за то, что ей доставляло наслажденіе!

— Я ничего не знаю мучительнѣй того момента, когда я должна назначить цѣну покупаемой у меня вещи или дѣлаемому мнѣ заказу! — говорила она мнѣ; и подобные моменты порождали даже анекдоты, въ родѣ слѣдующаго.

Пріѣзжаетъ къ Е. М. заказчикъ сложнаго рисунка, на большой альбомъ, для поднесенія кому-то изъ Высочайшихъ Особъ; и работы спѣшной, такъ что предвидѣлась работа и вечеромъ.

Наступаетъ драматичный для Е. М. вопросъ о платѣ.

Она обычно волнуется и, почти дрожащимъ голосомъ, спрашиваетъ, по ея мнѣнію, много: 100 рублей. Заказчикъ обомлѣлъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, Е. М.,—проговорилъ онъ, съ обиженнымъ видомъ: я не могу дать вамъ менѣе 150 руб.!

Фактъ весьма знаменательный и рѣдко практикуемый, какъ съ той, такъ и съ другой стороны!..

Жрица чистаго искусства, она понимала, что искусство должно быть свободно; что на него нельзя накладывать цѣпей, хотя бы и золотыхъ, — и рѣшительно отказала блестящимъ условіямъ одного иностраннаго издателя—работать только для него.

Къ тому жѣ она была слишкомъ русская, чтобы отказаться отъ радости и гордости работать для своей страны, для радости русскихъ дѣтей!

Возложимъ же вѣнокъ нашей сердечной признательности на свѣжую могилу „Жрицы чистаго искусства“!

С. Лаврентьева.

Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ [1]).

Изъ всѣхъ ревизій и посѣщеній наибольшій интересъ и значеніе для гимназіи имѣла *ревизія* *министромъ народнаго просвѣщенія*. Во время обозрѣнія учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, графъ Деляновъ посѣтилъ Радомскую гимназію 9 октября 1891 года. Графъ Деляновъ прибылъ въ Радомъ въ сопровожденіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа т. с. А. Л. Апухтина, члена Совѣта министра народнаго просвѣщенія д. с. с. Хрущова, и окружныхъ инспекторовъ — Петербургскаго округа д. с. с. А. С. Муромцева и Московскаго округа д. с. с. В. Д. Исаенкова. Министръ съ сопровождавшими его лицами прибылъ въ гимназію въ 9 часовъ утра и оставался въ ней до истеченія перваго часа дня. Въ библіотечной залѣ директоромъ гимназіи были представлена графу свободные отъ уроковъ преподаватели, затѣмъ министръ разсматривалъ работы по рисованію учениковъ Радомской гимназіи, бывшія на послѣднемъ конкурсѣ по рисованію и удостоенныя медалей и похвальныхъ отзывовъ Императорской Академіи Художествъ. По выходѣ изъ библіотечной залы, министръ поднялся во второй этажъ и прежде всего посѣтилъ помѣщающуюся въ зданіи гимназіи временную соборную Свято-Николаевскую церковь, гдѣ былъ встрѣченъ настоятелемъ собора протоіереемъ Н. В. Татаровымъ, привѣтствовавшимъ его рѣчью, въ которой ораторъ въ краткихъ словахъ изобразилъ заслуги министра народнаго просвѣщенія въ дѣлѣ нравственно-религіознаго воспитанія и физическаго развитія юношества, именно коснулся состоявшихся въ управленіе министерствомъ

[1]) См. „Русск. Стар.“, августъ 1914 г.

народнаго просвѣщенія графа Делянова постановленій — объ устройствѣ церквей при гимназіяхъ, о новой, подобающей важности предмета, постановкѣ преподаванія Закона Божія, съ назначеніемъ отдѣльныхъ, независимыхъ отъ приходовъ, законоучителей, открытія общежитій и пансіоновъ при гимназіяхъ и введенія преподаванія музыки и гимнастики. Приложившись къ кресту и обозрѣвши церковь и великолѣпныя иконы, сооруженныя служащими въ мужской и женской гимназіи въ память событія 17 октября 1888 г., министръ выразилъ мысль о необходимости сохранить эту прекрасную церковь и по возведеніи новаго собора.

Изъ церкви Министръ, въ сопровожденіи попечителя округа Апухтина, д. с. с. Хрущова и Исаенкова, отправился въ 8 классъ на урокъ латинскаго языка, затѣмъ присутствовалъ на урокѣ латинскаго и русскаго языка въ 7 классѣ, на урокѣ исторіи въ 5 и 4 классахъ и на урокѣ математики въ 1 классѣ. Въ 7 и 8 классахъ ученики переводили печитанныя мѣста изъ „Энеиды“ Виргилія и изъ Ливія. Отвѣты учениковъ въ 7 и 8 классахъ по латинскому языку и въ 7 классѣ по русской словесности удостоились похвалы графа. Особенно интересенъ былъ урокъ латинскаго языка въ 8 классѣ: преподаватель Ѳ. Э. Здѣховскій велъ урокъ глубоко обдуманно, симпатично и спокойно; ставленные имъ вопросы, касающіеся грамматики, стилистики и историко-литературнаго комментарія, исчерпывали собою все содержаніе разбираемаго отрывка; урокъ походилъ на разыгрываемую сцену; пріятно было наблюдать методъ учителя и слушать отвѣты учениковъ; убѣдившись въ познаніяхъ какого-либо ученика, графъ останавливалъ отвѣты ученика замѣчаніемъ: „Довольно съ него; видна птица по полету“ и предлагалъ спросить другого избраннаго имъ ученика. Столичные инспектора посѣтили остальные классы, каждый по предмету своей спеціальности, при чемъ назначали учащимся классныя письменныя работы, которыя и забирали съ собой. Во время перемѣнъ графъ осматривалъ вновь строившійся гимнастическій залъ, посѣтилъ учительскую и обошелъ всѣ классы. Трогательная сцена произошла при посѣщеніи министромъ приготовительнаго класса въ одну изъ перемѣнъ. Когда, по предложенію директора гимназіи, не угодно ли будетъ его сіятельству прослушать, какъ ученики декламируютъ, въ лицахъ, басни, графъ далъ благосклонное согласіе, ученики этого класса обступили министра и, наперерывъ другъ передъ другомъ, съ сіящими отъ радости лицами, начали просить его сіятельство

дозволить отвѣчать имъ: поднялась вверхъ масса рукъ и раздались восклицанія: „Ваше Сіятельство! Я—Демьяна, я—Мартышку, а онъ Соловья, спросите меня“... и графъ съ свойственною ему ласковостію и добротою, устанавливалъ группы чтецовъ и урезонивалъ одного малютку, что не можетъ спросить и его, потому что въ „Любопытномъ“ только два лица, и онъ уже таковыхъ выбралъ. Ученики бойко и смѣло произносили басни: „Демьянова уха“, „Квартетъ“, „Любопытный“, и, по окончаніи этой импровизированной декламаціи, радостно и искренне благодарили его сіятельство за оказанную имъ честь [1]).

Во время большой перемѣны министръ смотрѣлъ гимнастическія упражненія учениковъ, выстроенныхъ на гимназической площади въ строевомъ порядкѣ, при гимназическомъ духовомъ оркестрѣ. При появленіи министра, оркестръ игралъ встрѣчный маршъ, его сіятельство прошелъ по фронту воспитанниковъ. По окончаніи обхода воспитанники были построены въ три роты и молодцовато прошли предъ его сіятельствомъ церемоніальнымъ маршемъ и заслужили похвальный отзывъ его. По окончаніи гимнастическихъ упражненій, министръ слушалъ въ залѣ гимназіи пѣніе православнаго гимназическаго хора и свѣтское пѣніе общаго хора и музыку. Гимназическимъ хоромъ и оркестромъ было исполнено: Финалъ изъ оперы „Жизнь за Царя“, попури изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и „народный гимнъ“. Музыка и пѣніе удостоились тоже похвалы графа.

При отъѣздѣ министра народнаго просвѣщенія изъ Радома, ученики гимназіи проводили его сіятельство на вокзалъ. Выстроенные въ строевомъ порядкѣ, при духовомъ гимназическомъ оркестрѣ, воспитанники встрѣтили графа, при появленіи на перронѣ желѣзной дороги, маршемъ и возгласами „ура“, перешедшими въ энтузіазмъ при обходѣ имъ выстроенныхъ въ ряды воспитанниковъ и при прощаніи съ ними. Едва-ли когда-либо радомскій вокзалъ видѣлъ такое стеченіе народа, какъ при отъѣздѣ графа Делянова; не только вокзалъ, перронъ, но и вся примыкающая къ вокзалу мѣстность на далекое пространство была запружена народомъ такъ, что, при отходѣ, поѣздъ проходилъ самымъ медленнымъ движеніемъ; возгласы воспитанниковъ слились съ возгласами многотысяч-

[1]) Отчетъ о состояніи Радомской мужской гимназіи за $189^1/_2$ учебн. годъ, стр. 43.

ной толпы. Такъ въ короткое время своего пребыванія въ Радомѣ графъ Деляновъ своимъ отеческимъ отношеніемъ къ учащимся, своею доступностію и ласковымъ и внимательнымъ обращеніемъ со всѣми снискалъ себѣ расположеніе. Воспитанники были освобождены графомъ отъ ученія на два дня.

О впечатлѣніи, вынесенномъ министромъ народнаго просвѣщенія изъ посѣщенія Радомской мужской гимназіи, напечатана въ 225 номерѣ „Правительственнаго Вѣстника“ за 1891 г. слѣдующая замѣтка одного изъ лицъ его свиты, помѣщавшаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ таковыя замѣтки. „Познанія учениковъ Радомской гимназіи по древнимъ языкамъ, математикѣ и русскому языку произвели на графа отрадное впечатлѣніе. Успѣхи по искусствамъ тоже заслужили одобренія. Рисунки учениковъ гимназіи удостоены наградъ на конкурсѣ Императорской Академіи Художествъ. Хоръ и оркестръ изъ гимназистовъ исполнялъ стройно и музыкально довольно трудныя вещи и не уступаетъ хору и оркестру Кѣлецкой гимназіи“.

Въ бытность въ Петербургѣ въ 1892 году директоръ гимназіи счелъ долгомъ представиться Министру Народнаго Просвѣщенія. Графъ встрѣтилъ директора любезно и просто, принялъ отъ него „Отчетъ о состояніи Радомской мужской гимназіи за 1891—92 уч. годъ“, въ которомъ, между прочимъ, описано посѣщеніе его сіятельствомъ Радомской гимназіи; графъ вспоминалъ нѣкоторыя обстоятельства ревизіи. Директора поразило одно обстоятельство: когда швейцаръ доложилъ графу о прибытіи директора и тотъ вошелъ въ кабинетъ, графъ, здороваясь съ нимъ, назвалъ его по имени и отчеству. Не знаю, было ли это результатомъ его феноменальной памяти или графъ схитрилъ и передъ входомъ директора заглянулъ въ книгу со спискомъ служащихъ по среднимъ учебнымъ заведеніямъ.

Графъ жилъ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ армянской церкви; залъ и кабинетъ квартиры графа были обширны и меблированы просто, старомодною, казеннаго типа мебелью; въ кабинетѣ, не только письменный столъ, но и окна были завалены книгами и дѣлами, при чемъ, надобно полагать, графъ не очень любилъ, чтобы въ его кабинетѣ прислуга тщательно стирала пыль, вѣроятно, въ видахъ ограниченія любопытства прислуги, безъ сомнѣнія грамотной и любознательной.

Заодно уже, изъ большого числа ревизій начальствующихъ лицъ упомяну *о ревизіи Радомской гимназіи, произведенной помощ-*

никомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, д. с. с. В. А. Поповымъ въ теченіе трехъ дней, 22, 23 и 24 ноября 1890 года. Вслѣдствіе произведенной помощникомъ попечителя ревизіи гимназіи, имъ сдѣланы были въ засѣданіи педагогическаго совѣта соотвѣтственныя указанія, и въ заключеніе д. с. с. Поповъ, выразивъ свое удовольствіе начальству гимназіи „за хорошее въ общемъ состояніе и порядокъ въ оной, а такъ же и за хорошее поведеніе учениковъ въ заведеніи и внѣ онаго, за точное исполненіе ими правилъ дисциплины, за ихъ вполнѣ пристойный, бодрый видъ и довѣрчивое, открытое отношеніе къ начальству и преподавателямъ, онъ высказалъ свое пожеланіе, чтобы служащіе въ гимназіи и впредь также относились къ ученикамъ, чтобы послѣдніе смѣло и довѣрчиво шли къ нимъ со всякими своими „радостями и горями“, ибо поселеніе въ юныхъ душахъ недовѣрія, скрытности и фальши можетъ въ зрѣломъ ихъ возрастѣ дать самые печальные и гибельные результаты“.

Въ заключеніе настоящаго отдѣла разскажу еще о *посѣщеніи Радомской гимназіи варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Имеретинскимъ.*

Князь Имеретинскій посѣтилъ Радомскую гимназію, въ сопровожденіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа В. Н. Лигина, 28 мая 1897 года. Генералъ-губернаторъ прежде всего отправился въ помѣщающуюся въ зданіи соборную Свято-Николаевскую церковь, гдѣ было отслужено краткое молебствіе. По выходѣ изъ церкви генералъ-губернаторъ осматривалъ нѣкоторые классы и нашелъ ихъ просторными и свѣтлыми; затѣмъ директоромъ былъ показанъ генералъ-губернатору рисовальный классъ, въ которомъ размѣщены были по стѣнамъ пособія по рисованію—картины и гипсовыя модели, а также выставлены были работы по рисованію учениковъ Радомской гимназіи, бывшія на Нижегородской художественно-промышленной выставкѣ, и работы, удостоенныя раньше наградъ похвальнымъ отзывомъ, дипломами и медалями на конкурсѣ 1890 года Императорской Академіи Художествъ. Работы по рисованію генералъ-губернатору очень понравились и онъ, обращаясь къ свитѣ, сказалъ: „Хотя я ничего не понимаю въ рисованіи, но посмотрите, какъ это прелестно“. Здѣсь же директоромъ гимназіи былъ поднесенъ князю альбомъ видовъ Радомской мужской гимназіи и составленные имъ „Историческая записка о состояніи Радомской гимназіи въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія“ и „Отчетъ“ о состояніи гимна-

зіи за 1895—6 уч. годъ. Затѣмъ были показаны генералъ-губернатору—столовая общежитія и чайная, при чемъ было объявлено, что лѣтомъ ученики общежитія ходятъ на завтракъ, во время большой перемѣны, въ общежитіе, а зимою завтракаютъ въ гимназіи, куда мясная пища приносится имъ изъ общежитія въ котлахъ, имѣющихъ двойныя стѣнки, въ которыя наливается кипятокъ, вслѣдствіе чего пища приносится горячею; сообщено было также, что въ чайной всѣ ученики гимназіи, по желанію, получаютъ стаканъ чаю съ платою по двѣ копѣйки. Это князю очень понравилось. Послѣ этого генералъ-губернаторъ отправился въ актовый залъ, гдѣ были собраны всѣ ученики и служащія въ гимназіи лица. При входѣ въ залъ генералъ-губернаторъ былъ встрѣченъ маршемъ, послѣ котораго здоровался съ учениками, и директоромъ представлены были его свѣтлости служащія въ гимназіи лица. Затѣмъ князь изъ представленной ему программы музыкальныхъ произведеній, разученныхъ учениками въ 1896—7 уч. году, выслушалъ исполненіе ученикомъ 7 кл. Кранковскимъ соло на корнетѣ, съ аккомпаниментомъ оркестра (арію Сусанина изъ „Жизни за Царя“) и народный гимнъ, исполненный хоромъ и оркестромъ. Князь вошелъ въ средину оркестра, разговаривалъ съ учениками, спрашивалъ, собственные ли у нихъ инструменты или казенные, при чемъ директоромъ было доложено, что концертныя скрипки ученики имѣютъ собственныя, а учебныя скрипки и всѣ духовые инструменты казенные. Увидѣвши на одномъ музыкантѣ синій шелковый кушакъ, генералъ-губернаторъ спросилъ, что это значитъ? Директоромъ было доложено, что этотъ ученикъ состоитъ взводнымъ на урокахъ военной гимнастики и, воспользовавшись этимъ случаемъ, онъ просилъ генералъ-губернатора удостоить учениковъ пройти предъ его свѣтлостію церемоніальнымъ маршемъ. Генералъ-губернаторъ изъявилъ на это свое согласіе. Послѣ этого генералъ-губернаторъ отправился въ библіотечный залъ гимназіи, гдѣ были собраны чины всѣхъ вѣдомствъ, помѣщики Радомской губерніи и депутаціи. Здѣсь послѣдовало представленіе радомскимъ губернаторомъ И. Г. Подгородниковымъ чиновъ и депутацій, а во время представленія ученики вышли изъ залы и построились, предъ гимназіей, въ двѣ строевыхъ роты и одну нестроевую, при собственномъ духовомъ оркестрѣ, который игралъ при выходѣ князя „встрѣчу“. Генералъ-губернаторъ прошелъ по фронту, затѣмъ пропустилъ воспитанниковъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ и удостоилъ похвалы три взвода.

Былъ генералъ-губернаторъ и въ общежитіи, которое ему очень понравилось. Прощаясь съ директоромъ Смородиновымъ въ общежитіи, князь сказалъ ему слѣдующія слова: „Все, что вы мнѣ показали, великолѣпно. Очень вамъ благодаренъ. За одно, развѣ, развѣ, могъ бы сдѣлать вамъ упрекъ“. На вопросъ директора: „за что, ваша свѣтлость?“ князь прибавилъ: „за то, что вы для гимназіи выстроили такой прекрасный залъ, отъ котораго не откажется любой университетъ и на который истратили такія деньги, на какія можно было бы выстроить общежитіе“. Въ отвѣтъ на это директоромъ было объявлено князю, что залъ былъ выстроенъ въ то время, когда вопросъ объ общежитіяхъ при гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа еще не возбуждался, и что залъ стоитъ всего 17.000 р., а на постройку зданія, равнаго занимаемому общежитіемъ, за которое гимназія платитъ ежегодной арендной платы 5.500 р., необходимо свыше 75.000 р.

Гимназія, во время посѣщенія ея генералъ-губернаторомъ, была изящно убрана: нижній коридоръ вдоль арокъ былъ убранъ гирляндами изъ зелени и флагами, а въ актовой и библіотечной залѣ портреты Государя Императора были убраны живыми цвѣтами; библіотечный залъ, кромѣ того, былъ убранъ зеленью и флагами, а въ физическомъ кабинетѣ среди зелени и тропическихъ растеній установлены были бюсты изъ числа моделей по рисованію и помѣщены были сложные и цѣнные физическіе приборы; нижній коридоръ, актовый залъ и парадная лѣстница были устланы коврами и дорожками. Гимназія произвела на князя впечатлѣніе; уже при самомъ входѣ въ гимназію, поднимаясь по лѣстницѣ въ церковь, генералъ-губернаторъ, обращаясь къ свитѣ, сказалъ: „Для начала не дурно“.

Общежитіе было показано генералъ-губернатору въ его ежедневномъ, будничномъ видѣ.

IV.

Пятидесятилѣтіе Радомской мужской гимназіи и происшедшіе во время празднованія юбилея инциденты.

Съ началомъ $188^{3}/_{4}$ учебнаго года директоръ Радомской мужской гимназіи д. с. с. Василій Ѳомичъ Маркіановичъ былъ назначенъ начальникомъ Лодзинской учебной дирекціи, и съ 15 сентября 1883 года на его мѣсто директоромъ былъ назначенъ инспекторъ Радомской гимназіи Владиміръ Григорьевичъ

Смородиновъ. Вступленіе его въ должность директора гимназіи совпало съ годомъ пятидесятилѣтія существованія Радомской мужской гимназіи, и по его иниціативѣ былъ возбужденъ вопросъ о празднованіи гимназіей ея полувѣкового юбилея.

Радомская гимназія открыта 19 октября 1833 года. До 1831 года общественное образованіе въ Царствѣ Польскомъ находилось въ рукахъ ордена піаровъ. Въ 1831 году, вслѣдствіе начавшихся политическихъ безпорядковъ, по распоряженію правительства, были закрыты всѣ піарскія училища, и въ 1831 г. оканчивается участіе піаровъ въ общественномъ образованіи. Въ 1833 году всѣ училища въ Царствѣ Польскомъ преобразовываются, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава гимназій и училищъ обводовыхъ и первоначальныхъ, а въ числѣ прочихъ училищъ преобразовывается и Радомская воеводская школа въ гимназію. Сначала Радомская гимназія называлась воеводскою, а съ 1836 года губернскою гимназіей. До 1833 года русскій языкъ въ школахъ Царства Польскаго не преподавался и только съ этого времени, постепенно, съ различными колебаніями, русскій языкъ дѣлается органомъ науки въ школѣ, какъ языкъ государственный. Въ Радомской мужской гимназіи впервые раздалось русское слово въ школѣ на урокѣ учителя Маркова, 14 іюня 1834 года. Такимъ образомъ система народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ съ 1833 года принимаетъ государственный характеръ. Такъ какъ пятидесятилѣтіе существованія Радомской гимназіи совпало съ пятидесятилѣтіемъ русскаго просвѣщенія въ Привислинскомъ краѣ, то исторія Радомской мужской гимназіи неразрывна съ исторіей русскаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ за истекшее 50 лѣтіе, ибо только съ введеніемъ въ 1833 году въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго Устава гимназій и училищъ обводовыхъ и первоначальныхъ или приходскихъ общественное образованіе въ Царствѣ Польскомъ вводится въ систему общегосударственнаго образованія и переходитъ изъ рукъ піаровъ въ руки правительства, которое смотритъ на образованіе, какъ на могучую силу для утвержденія въ краѣ общегосударственныхъ началъ.

Въ виду того, что 50-лѣтіе существованія Радомской мужской гимназіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и пятидесятилѣтіе система русскаго просвѣщенія и русскаго слова въ школахъ Привислинскаго края, директоръ гимназіи желалъ отличить это важное въ жизни учебнаго заведенія событіе торжествомъ, и онъ предложилъ вопросъ о празднованіи 50-лѣтняго юбилея гимна-

зіи на обсужденіе педагогическаго совѣта. Педагогическій совѣтъ очень сочувственно отнесся къ этой мысли, и въ засѣданіи 25 ноября 1883 года опредѣлилъ: отпраздновить пятидесятилѣтіе существованія Радомской мужской гимназіи благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ и торжественнымъ актомъ въ залѣ гимназіи, при чемъ празднованіе юбилея отнести на конецъ учебнаго года и соединить его съ годичнымъ актомъ гимназіи. На этомъ же засѣданіи выработана была и самая программа празднованія юбилея: предположено было, что въ день празднованія юбилея, всѣ ученики будутъ присутствовать на благодарственномъ Господу Богу молебствіи въ храмахъ своихъ исповѣданій. На благослуженіи въ православной Свято-Николаевской церкви, на которомъ будутъ присутствовать всѣ служащія въ гимназіи лица, послѣ благодарственнаго молебствія будутъ провозглашены многолѣтія Государю Императору Александру Александровичу и всему царствующему Дому, вѣчная память императору Николаю Павловичу, въ царствованіе котораго гимназія была основана, и императору Александру Николаевичу, даровавшему ей дѣйствующій въ ней уставъ, а въ заключеніе многолѣтіе начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Такое же благодарственное молебствіе постановлено было совершить въ римско-католическомъ каѳедральномъ костелѣ и лютеранской кирхѣ, съ пѣніемъ: „Тебе, Бога, хвалимъ“ (Te Deum laudamus) и народнаго гимна: „Боже, Царя храни“. По окончаніи богослуженія въ актовой залѣ долженъ былъ состояться торжественный актъ юбилея гимназіи и окончанія учебнаго года. Юбилейное торжество должно было начаться пѣніемъ гимназическимъ хоромъ „Тебе, Бога, хвалимъ“, послѣ чего предположено было прочесть историческую записку о состояніи Радомской мужской гимназіи въ первое десятилѣтіе ея существованія, составленіе которой принялъ на себя директоръ гимназіи и окончиться должно было торжество народнымъ гимномъ. Такія предположенія относительно празднованія юбилея представлены были на утвержденіе попечителя Варшавскаго учебнаго округа. 30 января 1884 года получено было сообщеніе попечителя округа, что и Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13 день января 1884 года всемилостивѣйше соизволилъ „на празднованіе 50-лѣтняго юбилея Радомской мужской гимназіи, по составленной для сего торжества программѣ, въ концѣ учебнаго года, въ день годичнаго акта гимназіи“.

Въ виду воспослѣдовавшаго Высочайшаго соизволенія на

празднованіе гимназіей юбилея, этому празднованію, предполагавшемуся сначала въ довольно скромныхъ размѣрахъ, приданъ былъ болѣе торжественный характеръ: опредѣлено было дать гимназіи соотвѣтственное убранство, пригласить, особымъ адресомъ, на юбилей попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Торжество состоялось въ день годичнаго акта, 14 іюня 1884 года, во всемъ согласно опредѣленію педагогическаго совѣта. На богослуженіи въ православной церкви законоучителемъ гимназіи и настоятелемъ прихода протоіереемъ Ивановскимъ произнесено было глубокосодержательное и соотвѣтствующее торжеству слово. Въ часъ дня въ актовой залѣ гимназіи состоялся торжественный актъ юбилея и окончанія учебнаго года. На торжество были приглашены начальники отдѣльныхъ частей, бывшіе воспитанники гимназіи, проживающіе въ городѣ Радомѣ, и родители и опекуны учениковъ гимназіи, всего 250 душъ. По прибытіи начальника губерніи и помощника попечителя Варшавскаго учебнаго округа Н. П. Воронцова-Вильяминова, пріѣхавшаго на юбилей по порученію попечителя округа А. Л. Апухтина, немогшаго быть на юбилеѣ по случаю болѣзни, гимназическимъ хоромъ была пропѣта молитва: „Царю, Небесный“, вслѣдъ за тѣмъ помощникъ попечителя, взошедши на каѳедру, прочелъ сообщеніе о всемилостивѣйшемъ соизволеніи Государя Императора „на празднованіе Радомскою мужскою гимназіей пятидесятилѣтняго юбилея существованія ея“; послѣ этого гимназическимъ хоромъ, подъ управленіемъ преподавателя пѣнія О. Ф. Расбацкаго, пропѣтъ былъ благодарственно-хвалебный гимнъ: „Тебе, Бога, хвалимъ“, въ композиціи Бортнянскаго (№ 2). По окончаніи гимна, прослушаннаго всѣми стоя, исправляющимъ должность инспектора Я. И. Мейснеромъ была прочитана составленная директоромъ В. Г. Смиродиновымъ „Историческая записка о состояніи Радомской мужской гимназіи въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія“; послѣ заключительныхъ словъ записки пропѣтъ былъ народный гимнъ: „Боже, Царя храни“, покрытый воодушевленнымъ „ура“ воспитанниковъ и присутствовавшей публики. Заключительныя слова „Записки“ были слѣдующія: „Задача учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, наравнѣ съ научно-педагогическими цѣлями, стремиться къ тому, чтобы развивать въ польскомъ юношествѣ чувства живѣйшей вѣрноподданнической преданности Престолу, безграничной самоотверженной любви къ Россіи, слава, счастіе и благоденствіе которой есть счастіе и благоденствіе каждаго гражданина, разви-

вать любовь къ русскому языку, какъ языку государственному, богатѣйшему и могущественнѣйшему между всѣми славянскими языками. Съ такими чувствами и задачами, умудренная полувѣковымъ опытомъ, вступаетъ въ новый періодъ своего существованія Радомская мужская гимназія. И да растетъ, крѣпнетъ и усиливается это чувство въ нѣдрахъ семьи, въ сердцахъ воспитателей и воспитанниковъ и да будетъ завѣтною мечтою каждаго—стремленіе къ истинѣ, законности, сердечное желаніе благоденствія и славы нашему дорогому отечеству—Россіи и ея Могущественнѣйшему и Великодушнѣйшему монарху. Да процвѣтаетъ вѣчно Россія и да здравствуетъ на многія лѣта нашъ Государь, Императоръ Всероссійскій Александръ Александровичъ". Когда въ отвѣтъ на эти слова раздалось могучее и воодушевленное „ура" присутствовавшихъ и воспитанниковъ гимназіи, директоръ взошелъ на каѳедру и, обращаясь къ воспитанникамъ, сказалъ слѣдующія слова: „Да будетъ это задушевное восклицаніе Ваше, вырвавшееся изъ Вашихъ устъ, выраженіемъ чувства нарождающагося новаго поколѣнія, поколѣнія второго пятидесятилѣтія русской школы, воспитывающагося для благотворной дѣятельности не только привислинскихъ губерній, не и цѣлаго русскаго государства, и пусть это искреннее восклицаніе Ваше пронесется чрезъ все предстоящее пятидесятилѣтіе и раздается съ новою силою на столѣтнемъ юбилеѣ гимназіи, когда Вы будете присутствовать здѣсь, убѣленные сѣдинами, въ качествѣ питомцевъ гимназіи, прославившихъ свою „alma mater" честнымъ и полезнымъ служеніемъ отечеству и возлюбленному Монарху Нашему, Всемилостивѣйшему Государю Императору Александру Александровичу, драгоцѣнную жизнь котораго да продлитъ Господь Богъ для блага Россіи на многія лѣта, и да хранитъ Его, Царя Православнаго, Сильнаго, Державнаго на славу Россіи"! Послѣ этихъ словъ гимназическій хоръ пропѣлъ: „Славься, славься, нашъ русскій Царь" и народный гимнъ. Когда окончилось пѣніе, всѣ служащіе въ гимназіи, во главѣ съ директоромъ гимназіи, обратились къ помощнику попечителя Варшавскаго учебнаго округа съ просьбою повергнуть, узаконеннымъ порядкомъ, къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженіе вѣрноподданнической преданности отъ имени всѣхъ служащихъ въ гимназіи.

Въ день юбилея гимназія имѣла торжественный и праздничный видъ: особеннымъ убранствомъ отличался актовый залъ и фронтонъ зданія гимназіи. Находящійся въ актовой залѣ

портретъ Государя Императора, декорированный красной матеріей и флагами, былъ украшенъ гирляндами зелени, цвѣтами и уставленъ пальмами и другими растеніями. Снаружи все зданіе гимназіи было расцвѣчено по окнамъ флагами. Фронтонъ зданія былъ украшенъ флагами и зеленью: поддерживающія его колонны обвиты были сверху донизу зеленью, въ видѣ спирали; между двумя средними колоннами красовался транспарантъ съ иниціалами Августѣйшаго Имени Государя Императора и Государыни Императрицы, а вверху, надъ нимъ блистали среди зелени начертанныя большими буквами слова: „Боже, Царя храни“! по сторонамъ крайнихъ колоннъ находились украшенные флагами и гирляндами щиты съ надписью годовъ основанія и пятидесятилѣтія гимназіи; щитами же изъ зелени и флаговъ были украшены транспарантъ съ Императорскимъ Именемъ и находящійся надъ фронтономъ зданія государственный гербъ. Юбилейное торжество произвело на воспитанниковъ и всѣхъ принимавшихъ въ немъ участіе неизгладимое впечатлѣніе.

Все торжество носило не только русскій, но и патріотическій характеръ. Это было празднованіе пятидесятилѣтія существованія не только Радомской мужской гимназіи, но и полувѣковой юбилей господства въ ней государственной системы образованія и преподаванія русскаго языка, какъ языка государственнаго, ибо еще въ 1840 году Государемъ Императоромъ Николаемъ Первымъ выражено было желаніе, чтобы „устройство учебныхъ заведеній Царства Польскаго во всемъ согласовано было съ порядкомъ имперскимъ“, и въ теченіе всего истекшаго пятидесятилѣтія происходить, съ различными колебаніями, утвержденіе общегосударственныхъ началъ въ школахъ Царства Польскаго. И юбилей гимназіи былъ задуманъ и отпразднованъ, какъ пятидесятилѣтіе существованія Радомской гимназіи и утвержденія въ ней общегосударственныхъ началъ образованія и воспитанія, а не какъ пятидесятилѣтіе существованія ея, какъ польской школы.

Это, конечно, не понравилось польскому обществу, и это общество, безсильное придать юбилею другой характеръ, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ его, проявило себя только нѣсколькими неудавшимися шпиньками, пущенными по адресу директора, какъ устроителя торжества, и нѣсколькими выходками. По случаю юбилея были заказаны директоромъ мѣстной типографіи, всегда исполнявшей заказы гимназіи, юбилейныя программы. Когда принесли корректуру программы, съ виньеткою

на ней, то, на первый взглядъ, виньетка показалась директору довольно красивой; но, всмотрѣвшись въ нее ближе, онъ замѣтилъ, что виньетка состоитъ изъ рядя цѣпей, перевитыхъ терніемъ. Смыслъ виньетки былъ понятъ директоромъ сразу: все истекшее пятидесятилѣтіе польской школы было—цѣпи и терновый вѣнецъ для польскаго общества и польскихъ дѣтей. Директоръ распорядился сказать типографіи, что виньетка ему не нравится, и просить дать другую, не показывая даже вида, что онъ разгадалъ смыслъ аллегоріи типографскаго глубокомыслія. Сатирическое остроуміе обнаружилъ также мѣстный фотографъ, снимавшій виды и группы гимназіи въ день юбилея. Вотъ какъ проявилъ свою аллегорію и остроуміе фотографъ. У параднаго подъѣзда гимназіи стоялъ приготовленный для помощника попечителя экипажъ, запряженный парою лошадей. Снимая наружное убранство гимназіи, фотографъ сдѣлалъ снимокъ такъ, что стоявшія предъ гимназіей лошади оказались безъ головы и кучеръ, сидя на козлахъ, правилъ безголовыми лошадьми. Хотя для такого фокуса пришлось снять только часть фронтона гимназіи, вслѣдствіе чего зданіе очутилось обрѣзаннымъ, но фотографъ не смутился этимъ безобразіемъ. А смыслъ этой аллегоріи такой: экипажъ везутъ двѣ безголовыя лошади, подъ которыми польское остроуміе, безъ сомнѣнія, подразумѣвало директора и инспектора гимназіи, какъ лицъ, ведущихъ дѣло воспитанія въ гимназіи. Директоръ выразилъ фотографу свое удивленіе, какъ онъ могъ допустить при снимкѣ фотографіи такую ошибку и такое безвкусіе и не принялъ работы, опять не подавая вида, что онъ понялъ смыслъ его выходки, настоящее значеніе которой онъ разъяснилъ только инспектору, и они оба посмѣялись надъ польскимъ остроуміемъ.

Настроеніе польскаго общества противъ характера празднованія юбилея гимназіи раздѣляли и нѣкоторые учителя польскаго происхожденія. Нѣкоторые преподаватели польскаго происхожденія къ празднованію юбилея отнеслись если не вполнѣ сочувственно, то, по крайней мѣрѣ, корректно; нѣкоторые не обнаружили своихъ чувствъ, но болѣе молодые изъ нихъ, питомцы Варшавскаго университета и послѣдователи настроеній послѣднихъ формацій, явно обнаружили свои польскія тенденціи; къ этимъ послѣднимъ принадлежали: преподаватель древнихъ языковъ Г. и преподаватель математики В., оба люди развитые и интеллигентные. Согласно постановленію педагогическаго совѣта Радомской гимназіи въ день юбилея ученики

должны были присутствовать съ своими наставниками на богослуженіи и благодарственномъ молебствіи по принадлежности исповѣданій, на благодарственномъ же молебствіи въ православной церкви, происходившемъ по окончаніи богослуженія въ инославныхъ храмахъ, должны были присутствовать, какъ лица оффиціальныя, всѣ служащіе въ гимназіи, въ парадной формѣ. На благодарственномъ молебствіи въ костелѣ вмѣстѣ съ учениками присутствовалъ директоръ гимназіи. Въ церковь явились всѣ служащія въ гимназіи лица, за исключеніемъ упомянутыхъ выше преподавателей Г. и В. Когда директоръ, послѣ юбилея, спросилъ преподавателей Г. и В., почему они не были въ церкви на благодарственномъ молебствіи въ день юбилея, то В. отвѣтилъ ему, что католическая религія воспрещаетъ католикамъ присутствовать на богослуженіи въ храмахъ другихъ исповѣданій, при этомъ указалъ на буллу какого-то папы, изданную въ средніе вѣка. Подобный отвѣтъ учителя В. директоръ назвалъ неосновательнымъ и крайне наивнымъ, присовокупивъ, что онъ не думаетъ, чтобы настолько былъ проникнутъ клерикальными тенденціями, чтобы раздѣлять фанатическія воззрѣнія среднихъ вѣковъ и руководствоваться буллами, которыхъ нынѣ никто не исполняетъ; что существованіе буллы не воспрепятствовало, однако же, папскому нунцію присутствовать въ храмѣ на православномъ богослуженіи, въ Успенскомъ соборѣ, въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, равно существованіе той же буллы не препятствуетъ посламъ католическихъ державъ присутствовать на православномъ богослуженіи, въ высокоторжественные дни, въ православныхъ храмахъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею. Наконецъ, пользуясь тѣмъ, что осенью 1883 г. Государь Императоръ, въ бытность Его Величества въ Скерневицахъ, посѣтилъ римско-католическій костелъ и, встрѣченный ксендзомъ, приложился къ кресту и выслушалъ установленное молебствіе, директоръ напомнилъ учителямъ В. и Г., что примѣръ уваженія къ христіанской религіи инославнаго исповѣданія подаетъ самъ Государь и что присутствовать на благодарственномъ молебствіи въ день юбилея гимназіи они должны были, между прочимъ, и согласно опредѣленію педагогическаго совѣта, протоколъ котораго подписанъ ими безъ всякихъ объясненій и возраженій. Въ заключеніе директоръ сказалъ преподавателямъ В. и Г., что ихъ поступокъ былъ просто выраженіемъ съ ихъ стороны протеста противъ характера празднованія юбилея и что подтвержденіемъ такого мнѣнія его объ ихъ

поступкѣ служитъ и то обстоятельство, что въ день празднованія юбилея они надѣли шпильки въ галстухи съ изображеніемъ одноглаваго орла, при этомъ напомнилъ имъ, чтобы они не забывали, что они находятся подъ сѣнію не одноглаваго, а двуглаваго орла, съ которымъ неразрывно связана вѣрность каждаго престолу и отечеству, безъ которыхъ не мыслима служба русскому правительству. Вообще поляки въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія русскихъ властей не соотвѣтствуютъ ихъ тенденціямъ и когда они не могутъ воспрепятствовать осуществленію этихъ дѣйствій, склонны извратить или омрачить ихъ смыслъ, посредствомъ какого-нибудь неожиданнаго пассажа и такимъ образомъ выразить свое неудовольствіе противъ этихъ дѣйствій. Необходимо сказать, что это неудовольствіе поляковъ противъ характера празднованія юбилея гимназіи не имѣло никакого основанія и не было зрѣло и безпристрастно обдумано. Вѣдь для каждаго изъ поляковъ было несомнѣнно, что съ 1833 года образованіе юношества въ Царствѣ Польскомъ принимаетъ общегосударственный характеръ и русскій языкъ становится органомъ преподаванія, несмотря на различныя колебанія и непослѣдовательность при осуществленіи этихъ задачъ правительствомъ; слѣдовательно, юбилей гимназіи былъ юбилеемъ 50-лѣтія господства общегосударственной системы въ школѣ Привислинскаго края. Не могла же прійти въ голову самому ярому польскому націоналисту мысль, чтобы русское правительственное учрежденіе, при празднованіи 50-лѣтняго юбилея господства въ школѣ русской системы образованія, оттѣняло живучесть польскаго націонализма и тѣ усилія поляковъ, которыми они парализировали стремленія русскаго правительства.

Не было также поводовъ выразить неудовольствіе и на то, что при празднованіи юбилея не было оказано надлежащаго вниманія лицамъ, обучавшимся въ этомъ учебномъ заведеніи. Радомская гимназія не ознаменовала своего существованія никакими особыми заслугами ея питомцевъ и не играла никакой выдающейся роли даже въ жизни мѣстнаго края. Изъ питомцевъ гимназіи за истекшее пятидесятилѣтіе ея существованія выдвинулись: ученый славистъ, профессоръ Александръ Аѳанасьевичъ Потеббя, профессоръ Варшавскаго университета, извѣстный докторъ Халубинскій и кардиналъ Мечеславъ Ледоховскій, изъ коихъ послѣдній извѣстенъ своею враждебностію къ Россіи. Хотя эти знаменитости были живы во время празднованія юбилея, но гимназія не дѣлала никакихъ публикацій о

празднованіи юбилея, и никто изъ иногородныхъ лицъ, за исключеніемъ попечителя округа и его помощника, приглашенъ не былъ; бывшіе же воспитанники Радомской гимназіи, проживавшіе въ Радомѣ, были приглашены на юбилей и для нихъ были отведены въ актовой залѣ особыя мѣста. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи для поляковъ не было повода выражать свое неудовольствіе противъ характера празднованія юбилея.

V.

Тревога по поводу застольной рѣчи.

По случаю перемѣщенія законоучителя православнаго исповѣданія Радомской мужской гимназіи священника Ивановскаго въ Люблинѣ въ честь его былъ устроенъ ему прощальный обѣдъ въ мѣстномъ клубѣ. Выше было подробно изложено, какимъ всеобщимъ уваженіемъ пользовался протоіерей Михаилъ Іоакимовичъ Ивановскій и какъ онъ умѣлъ держать себя корректно и съ достоинствомъ, какъ по отношенію къ русскому, такъ и польскому обществу, поэтому въ обѣдѣ въ честь его приняли участіе не только православное русское общество, всѣ сослуживцы его по гимназіи, но и нѣкоторые представители польскаго общества. Обѣдъ прошелъ съ большимъ и искреннимъ воодушевленіемъ по отношенію къ виновнику его. На обѣдѣ директоромъ гимназіи въ честь Ивановскаго произнесена была рѣчь, изъ-за которой совершенно неожиданно возникъ инцидентъ. Не прошло еще и двухъ дней послѣ обѣда, какъ къ директору гимназіи явился радомскій жандармскій начальникъ полковникъ Н. Н. Янишъ съ заявленіемъ, что онъ получилъ отъ начальника Варшавскаго жандармскаго округа требованіе представить свѣдѣнія о произнесенной имъ, директоромъ, на обѣдѣ Ивановскому рѣчи, поэтому онъ пришелъ просить сообщить ему текстъ сказанной рѣчи; нѣсколько часовъ спустя получилась телеграмма отъ попечителя округа съ такимъ же требованіемъ, и въ довершеніе всего пришло подобное же требованіе и отъ начальника Радомской губерніи, хотя и губернаторъ и жандармскій полковникъ присутствовали на обѣдѣ и слышали произнесенную директоромъ Смородиновымъ рѣчь. Къ счастію, произнесенная директоромъ рѣчь была написана предварительно и послѣ произнесенія передана въ канцелярію гимназіи для храненія при дѣлахъ, на память о чествованіи законоучителя Ивановскаго. Копіи рѣчи, конечно, были сообщены по принадлежности, но всѣ недоумѣвали, изъ-за чего загорѣлся

сыръ-боръ. Дѣло разъяснилось, когда полученъ былъ „Варшавскій Дневникъ“, съ корреспонденціей изъ Радома, въ которой сказано было, что на обѣдѣ произнесена была директоромъ гимназіи обращенная къ Ивановскому рѣчь, нѣкоторыя выраженія которой не могли быть пріятны для присутствующихъ на обѣдѣ поляковъ. Такъ какъ корреспонденція носила, видимо, тенденціозный характеръ, ибо самый крайній польскій шовинистъ не могъ бы найти въ рѣчи что-либо обидное для поляковъ или непріятное для ихъ національнаго или религіознаго чувства, то директоръ рѣшилъ просить редакцію „Варшавскаго Дневника“ какимъ-нибудь способомъ опровергнуть невѣрность сообщенныхъ въ корреспонденціи свѣдѣній о содержаніи и характерѣ его рѣчи и для ускоренія дѣла поѣхалъ самъ въ Варшаву къ редактору Щебальскому. Прочитавъ рѣчь, Щебальскій заявилъ директору, что въ ней онъ не находитъ рѣшительно ничего, что́ могло бы быть непріятно для поляковъ и охотно подписался бы подъ рѣчью самъ, но печатать опроверженіе или помѣстить самую рѣчь, въ дополненіе къ корреспонденціи, находитъ излишнимъ на томъ основаніи, что прошло уже болѣе недѣли со времени напечатанія корреспонденціи и было бы нѣсколько поздно возвращаться къ забытой статьѣ, которая прошла многими незамѣченной. Директору не хотѣлось пререкаться съ Щебальскимъ, и онъ напомнилъ ему о существованіи извѣстнаго и ему параграфа цензурнаго устава, касающагося сообщенія въ газетахъ невѣрныхъ свѣдѣній.

Чтобы показать, что въ рѣчи директора не было рѣшительно даже и тѣни чего-либо, что́ могло бы оскорбить поляковъ, а равно указать, главнымъ образомъ, какъ иногда изъ-за пустяковъ подымалась тревога, приведу дословно произнесенную директоромъ рѣчь.

„Глубокоуважаемый отецъ Михаилъ. Здѣсь собрались представители администраціи, Ваши прихожане, отцы бывшихъ Вашихъ воспитанниковъ и въ полномъ составѣ Ваши сослуживцы и товарищи по Радомской мужской гимназіи, чтобы выразить чувства глубокаго къ Вамъ уваженія и симпатіи при разставаніи съ Вами. Я позволяю сказать Вамъ нѣсколько словъ отъ имени Радомской мужской гимназіи, въ которой Вы съ честью и великою пользою трудились въ теченіе девяти лѣтъ, и отъ имени всѣхъ Вашихъ сослуживцевъ, среди которыхъ Вы пріобрѣли истинное уваженіе и сердечную привязанность.

Въ теченіе всего служенія Вашего въ Радомѣ Вы занимали въ Радомской мужской гимназіи важнѣйшій въ учебномъ отношеніи постъ законоучителя православнаго исповѣданія. Между всѣми предметами, преподаваемыми въ гимназіи, первенствующее значеніе имѣетъ Законъ Божій, ибо религія составляетъ основу воспитанія и обученія. Отличаясь отъ прочихъ предметовъ своимъ значеніемъ, Законъ Божій, какъ предметъ преподаванія, отличается отъ нихъ и методомъ изложенія: религіозно-нравственныя истины познаются и воспринимаются не только умомъ, но главнымъ образомъ сердцемъ, а на сердце можно дѣйствовать не логическими доводами холоднаго разсудка, а доводами, вытекающими изъ сердца: глубокою вѣрою, задушевною искренностію, примѣрами и дѣйствіями, согласованными съ словомъ ученія и назиданія. Эти особенности и трудности преподаванія Закона Божія увеличиваются еще тѣмъ, что изложеніе истинъ о Богѣ и нравственности начинается съ самаго ранняго возраста, съ того возраста, когда умъ воспитанника не въ состояніи еще понять глубокихъ истинъ христіанскихъ, а можетъ воспринять ихъ только сердцемъ и вѣрою. Вся задача законоучителя въ томъ и состоитъ, чтобы на этой невоздѣланной почвѣ посѣять сѣмена вѣры въ Бога и любви къ ближнему, чтобы возжечь въ душѣ воспитанника свѣточъ религіи, который озарялъ бы ему на жизненномъ поприщѣ его путь къ добру и правдѣ, къ благу ближняго и родины, къ преданности Государю и Отечеству. Отсюда видна возможность дѣятельности законоучителя въ дѣлѣ образованія и воспитанія и заслуга его передъ учебнымъ заведеніемъ и обществомъ, если онъ сумѣетъ выполнить свою высокую миссію. Досточтимый отецъ Михаилъ! Какъ ближайшій свидѣтель Вашихъ девятилѣтнихъ трудовъ на педагогическомъ поприщѣ въ Радомской мужской гимназіи, могу, съ полною увѣренностью въ правдивости моихъ словъ, съ гордостію и глубокою благодарностію отъ имени учебнаго заведенія, передъ настоящимъ собраніемъ почитателей Вашихъ засвидѣтельствовать о томъ, что Вы во все время служенія Вашего въ Радомской мужской гимназіи исполняли миссію законоучителя съ благотворною пользою для воспитывающагося въ ней юношества, съ рѣдкою опытностію и талантомъ и съ образцовою аккуратностію и усердіемъ; умѣли быть истиннымъ пастыремъ юныхъ душъ; Вы умѣли развить въ своихъ питомцахъ любовь къ изученію Слова Божія и добрыя наклонности, поддерживая религіозное чувство возбужденіемъ усердія къ церковному богослуженію,

выражавшагося въ участіи ихъ въ пѣніи, чтеніи и прислуживаніи при богослуженіяхъ. Свидѣтельствомъ благотворнаго вліянія Вашего на воспитывающееся юношество можетъ служить рѣдкая любовь къ Вамъ вашихъ питомцевъ. Эта любовь къ Вамъ дѣтей, не умѣющихъ еще измѣрять своихъ чувствъ къ людямъ условіями личныхъ и общественныхъ отношеній—есть лучшая награда Вашей дѣятельности, эта награда „изъ устъ младенцевъ", не лицепріятное значеніе которой засвидѣтельствовано Словомъ Божіемъ. Исполать Вамъ, добрый пастырь юныхъ душъ, 35 лѣтъ съ пользою и честію трудящійся на учебно-воспитательномъ поприщѣ!

Развивая въ воспитанникахъ православнаго исповѣданія религіозное чувство и утверждая ихъ въ догматахъ православнаго исповѣданія, Вы высказывали всегда большую заботливость о поддержаніи и укрѣпленіи въ нихъ народныхъ чертъ жизни которыя присущи коренному русскому человѣку и которыя подъ вліяніемъ мѣстной среды нерѣдко ослабляются въ воспитанникахъ. Русское Вамъ спасибо за это отъ русскихъ православныхъ людей, отъ отцовъ и матерей, судьбою занесенныхъ сюда на служеніе нашему дорогому Отечеству. Будучи образцовымъ пастыремъ для юношества, Вы были и образцовымъ товарищемъ. Стоя на высотѣ, подобающей служителю господствующей въ государствѣ религіи, Вы всегда проявляли къ своимъ товарищамъ и сослуживцамъ по гимназіи чувства христіанскаго отношенія къ ближнему, а своею простотою, обходительностію, ласковымъ обращеніемъ, справедливостію, безпристрастіемъ и искренностію Вы покоряли себѣ сердца всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданія и служебнаго положенія.

Несмотря на то, что Вы достаточно потрудились на своемъ вѣку, Вы были всегда примѣромъ аккуратности, образцомъ заботливости о чести, пользѣ и нуждахъ заведенія. Образцовый педагогъ и труженикъ, примѣрный товарищъ и сослуживецъ, Вы вносили миръ, согласіе и добрыя отношенія въ среду учебнаго персонала.

Разставаясь съ Вами съ чувствомъ глубокаго почтенія къ Вамъ и съ сердечнымъ пожеланіемъ Вамъ здоровья и силъ на продолженіе Вашей многоплодной педагогической и пастырской дѣятельности, провозглашаю Вамъ, досточтимый отецъ Михаилъ, отъ имени Радомской мужской гимназіи и большое многолѣтіе!"

Изъ этой рѣчи явственно видно, какъ тенденціозна была корреспонденція „Варшавскаго Дневника" и какъ неосновательно была поднята изъ-за нея тревога мѣстною администраціей.

VI.

Губернскій городъ безъ церкви и устройство временной Соборной церкви въ зданіи гимназіи.

Радомская Соборная Свято-Николаевская церковь помѣщалась въ зданіи бывшаго побенедиктинскаго женскаго монастыря. Этотъ монастырь былъ закрытъ въ 1809 году, по распоряженію австрійскаго правительства, владѣвшаго въ то время краемъ, при чемъ зданіе монастыря было передѣлано подъ тюрьму, которая и по настоящее время въ немъ помѣщается; зданіе же костела оставалось безъ всякаго назначенія. По ходатайству высокопреосвященнаго Антонія, перваго архіепископа Варшавскаго, и при содѣйствіи Намѣстника Царства Польскаго, князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго, костелъ бенедиктинокъ былъ приспособленъ подъ православный храмъ во имя святителя Николая, который и былъ освященъ архіепископомъ Антоніемъ 10 октября 1837 года. Внѣшній видъ церкви и ея положеніе между зданіями тюрьмы не соотвѣтствовали величію православнаго храма; кромѣ того, церковь, примыкая къ тюрьмѣ, на столько имѣла тѣсную связь съ тюремными помѣщеніями, что алтарная часть ея входила внутрь тюремныхъ строеній, церковное зданіе съ двухъ сторонъ окружено было арестантскими камерами, и возникавшій иногда шумъ въ камерахъ былъ слышенъ въ алтарѣ. Хотя еще въ 1873 году бывшимъ настоятелемъ Радомской церкви священникомъ Николаемъ Адріановичемъ Сосняковымъ былъ поднятъ вопросъ о необходимости построенія въ г. Радомѣ православнаго храма, но дѣло тянулось по канцеляріямъ до конца восьмидесятымъ годовъ, и, несмотря на образовавшіяся въ храмѣ, въ сводахъ, трещины, отправленіе богослуженія продолжалось до той поры, пока въ ночь на 10 декабря 1887 года не обрушилась часть карнизовъ въ куполѣ. Вслѣдствіе обвала карнизовъ и ветхости церкви, она была закрыта. Закрытый соборный Свято-Николаевскій храмъ былъ единственною приходскою церковью въ Радомѣ для православнаго населенія его, превышавшаго тысячу душъ Правда, существовала еще церковь 26 пѣхотнаго Могилевскаго полка, помѣщавшаяся въ зданіи казармъ; но она была тѣсна и для мѣстныхъ войскъ. Можно себѣ представить тяжелое нравственное состояніе радомскаго православнаго населенія, лишившагося возможности молиться въ храмѣ своего исповѣданія и слушать церковныя молитвы и пѣснопѣнія на родномъ славянскомъ языкѣ.

Съ цѣлію пріисканія въ городѣ подходящаго помѣщенія для устройства временной церкви, губернаторомъ Толочановымъ была образована комиссія, въ составъ которой вошли: настоятель церкви протоіерей Сафроновъ и его помощникъ священникъ Раевскій, начальникъ 7 артиллерійской бригады генералъ-маіоръ К. И. Поставскій, жандармскій подполковникъ Н. Н. Де-Лазари и директоръ гимназіи В. Г. Смородиновъ. Комиссія обошла всѣ болѣе или менѣе обширныя помѣщенія въ г. Радомѣ, но не нашла ни одного, которое было бы подходящимъ для устройства въ немъ временной церкви. Единственнымъ возможнымъ помѣщеніемъ для устройства церкви были казармы мѣстныхъ войскъ, по своей сравнительной обширности; но это помѣщеніе представляло много неудобствъ: казармы находились за городомъ, онѣ представляли изъ себя обширныя деревянныя зданія, расположенныя покоемъ; дворъ казармъ былъ застроенъ различными хозяйственными постройками. Крыло казармъ, которое предполагалось, съ благосклоннаго согласія военнаго начальства, занять подъ церковь, примыкало бы къ кухнямъ и алтарь храма выходилъ бы на черный дворъ хозяйственныхъ построекъ казармъ. Внутренній видъ казармъ, подобно тому, какъ и внѣшній, производилъ удручающее впечатлѣніе; казармы были довольно низки, вдоль всего помѣщенія казармъ шли ряды подпиравшихъ потолки столбовъ, вслѣдствіе чего изъ-за столбовъ не только мѣстныя иконы, но и алтарь были бы видны немногимъ молящимся. Когда комиссія остановилась на мысли устроить временную церковь въ помѣщеніи казармъ мѣстныхъ войскъ, члены комиссіи усѣлись на солдатскихъ нарахъ и начали обсуждать детали устройства церкви. Послѣ обсужденія этихъ деталей еще болѣе выяснилась непригодность казарменныхъ помѣщеній для церкви, но роковая необходимость заставляла примириться съ этими неудобствами и несоотвѣтствіемъ для церкви казармъ. Послѣ рѣшенія вопроса объ устройствѣ церкви въ зданіи казармъ всѣ члены комиссіи словно замерли; всѣ продолжали сидѣть нѣсколько минутъ молча, въ крайне угнетенномъ состояніи; но вдругъ подполковникъ Де-Лазари, словно его осѣнила какая-то мысль, обратился къ директору гимназіи со словами: „Уступите актовый залъ гимназіи для устройства церкви“. Директоръ отвѣтилъ Де-Лазари, что актовый залъ гимназіи былъ бы самымъ подходящимъ и соотвѣтственнымъ помѣщеніемъ для устройства церкви, тѣмъ болѣе, что онъ передѣланъ изъ зданія, въ которомъ уже помѣщался прежде христіанскій храмъ, закрытый попіарскій

монастырь, но залъ примыкаетъ къ классамъ, вслѣдствіе этого въ учебные дни въ церкви возможно будетъ отправлять богослуженіе только до начала уроковъ. Священникъ Сафроновъ, въ отвѣтъ на заявленіе директора гимназіи, высказалъ мысль, что причтъ церкви согласенъ въ будни совершать богослуженіе до начала уроковъ и нѣкоторыя требы, какъ, напримѣръ, похороны, совершать въ полковой церкви. Директоръ изъявилъ полную готовность ходатайствовать предъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа о разрѣшеніи устроить временную церковь въ актовой залѣ гимназіи. А. Л. Апухтинъ отнесся съ глубокою отзывчивостію истинно русскаго человѣка и полною готовностію прійти на помощь православному русскому населенію г. Радома въ дѣлѣ устройства временной церкви въ актовой залѣ мужской гимназіи. Благодаря теплому участію въ дѣлѣ устройства временной церкви въ актовой залѣ гимназіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа А. Л. Апухтина, предоставившаго гимназіи средства для ремонта и приспособленія актовой залы гимназіи подъ церковь, и Варшавскаго генералъ-губернатора Гурко, отпустившаго, по ходатайству радомскаго губернатора Толочанова, средства на перенесеніе радомской соборной церкви въ актовый залъ гимназіи, работы по устройству церкви шли довольно быстро, и 2 марта 1888 года, въ высокоторжественный день восшествія на престолъ Императора Александра III, состоялось, по благословенію высокопреосвященнаго архіепископа Леонтія, освященіе временной церкви, совершенное настоятелемъ собора протоіереемъ Сафроновымъ, при участіи его помощника священника Раевскаго и священника 26 пѣхотнаго Могилевскаго полка Тучанскаго. Въ церковной процессіи православные воспитанники гимназіи пѣли положенные по чину освященія церкви тропари, несли крестъ, хоругви и св. иконы. На пути слѣдованія процессіи, по распоряженію военнаго начальства, были расположены шпалерами войска, при двухъ оркестрахъ военной музыки, которые играли „Коль славенъ“ при выходѣ процессіи изъ освященнаго храма, во время шествія по св. антиминсъ и приближеніи процессіи къ старому храму. Временная церковь освящена во имя святителя Николая и, мало уступая, по своей вмѣстительности, старой церкви, во всемъ ее напоминала, такъ какъ залъ реставрированъ въ стилѣ старой церкви и иконостасъ и иконы полностію перенесены во временную церковь и расположены въ прежнемъ порядкѣ.

Послѣ освященія церкви состоялась трапеза, во время ко-

торой послѣ тоста за здоровье Государя Императора, послѣдовалъ цѣлый рядъ тостовъ за лицъ, содѣйствовавшихъ устройству временной церкви, и произнесена была директоромъ гимназіи рѣчь о религіозномъ значеніи храма въ жизни православнаго человѣка и объ исконной любви русскаго народа къ церковному благолѣпію, ведущей свое начало отъ первыхъ временъ принятія русскимъ народомъ христіанства, когда послѣ Владиміра святого, пораженные красотою храма св. Софіи и величіемъ и торжественностію богослуженія, воскликнули: „Вѣра греческая краше всѣхъ вѣръ“.

Съ устройствомъ временной церкви въ зданіи мужской гимназіи нѣсколько успокоено было взволнованное религіозное чувство православнаго населенія города Радома, тѣмъ болѣе, что это населеніе было увѣрено, что съ закрытіемъ стараго собора вопросъ о построеніи новаго собора будетъ разрѣшенъ въ самомъ скоромъ времени; но этой надеждѣ не суждено было осуществиться, и временная соборная церковь просуществовала ровно тринадцать лѣтъ, до 27 января 1902 года, когда былъ освященъ вновь построенный величественный пятиглавый соборъ, съ золочеными куполами, обошедшійся въ 128 тысячъ. Временная церковь была обращена въ гимназическую.

VII.

Похищеніе темъ испытаній зрѣлости.

Самый важный моментъ въ жизни каждой гимназіи—наступленіе испытаній зрѣлости и результаты ихъ. По результатамъ испытаній зрѣлости судятъ о постановкѣ учебнаго дѣла въ заведеніи и о цѣнности самаго заведенія, поэтому нельзя сказать, чтобы и учительскій персоналъ и начальство гимназій не были заинтересованы исходомъ испытаній и не были бы рады достиженію учащимися удовлетворительныхъ успѣховъ въ испытаніяхъ, главнымъ образомъ письменныхъ. Молва даже называла гимназіи, въ которыхъ во время письменныхъ испытаній можно было пошептаться съ сосѣдомъ, хорошимъ ученикомъ, сказать, почти въ слухъ, конечный результатъ математической задачи, исполнять работу въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, какое установлено правилами и даже при выходѣ на дворъ, несмотря на сопровожденіе выходящаго помощникомъ классныхъ наставниковъ, почерпнуть у товарищей старшаго класса, услужливо ожидающихъ выходящаго, необхо-

димыя для письменной работы свѣдѣнія. Но учебный округъ строго слѣдилъ за неправильностями производства письменныхъ испытаній зрѣлости и замѣченныя профессорами, разсматривавшими работы зрѣлости, неправильности докладывались въ Попечительскомъ Совѣтѣ. Какъ замѣченныя неправильности при производствѣ письменныхъ работъ, такъ и снисходительность оцѣнки ихъ поставлялись на видъ начальству учебныхъ заведеній и подлежащимъ преподавателямъ. Отчеты профессоровъ съ подробнымъ разборомъ замѣченныхъ въ экзаменаціонныхъ работахъ учениковъ ошибокъ и замѣчанія какъ преподавателямъ, такъ и начальству гимназіи печатались въ „Циркулярѣ по Варшавскому Учебному Округу“. Замѣчанія профессоровъ и внушенія директорамъ отъ окружнаго начальства, часто рѣшительныя и ѣдкія, не могли быть пріятны тѣмъ, къ кому они были адресованы, поэтому большинство гимназій скорѣе относились къ экзаменующимся съ драконовскою строгостію, нежели дѣлали поблажки. Для гимназій результаты испытаній были дѣломъ чести, для учащихся же они имѣли жизненный вопросъ—получить или не получить аттестатъ зрѣлости; поэтому учащіеся и ихъ родители, какъ заинтересованныя лица, и при томъ часто не всегда разборчивыя въ средствахъ, напрягали всѣ усилія, чтобы достигнуть благопріятныхъ результатовъ испытаній зрѣлости, какъ во время производства испытанія употребленіемъ различныхъ пособій, подсказываніе товарищей и проч., такъ и предъ испытаніями, посредствомъ пріобрѣтенія темъ испытаній зрѣлости. Хотя при производствѣ испытаній зрѣлости устанавливался строгій надзоръ: при каждыхъ десяти экзаменующихся дежурили непрерывно по два избранныхъ педагогическимъ совѣтомъ наблюдателя, которые находились при экзаменующихся неотлучно, и вели протоколъ всему происходящему на испытаніи; но изворотливость и ухищренія учениковъ бывали часто выше усердія преподавателей: на испытаніе, напримѣръ, по русскому языку, ученики приходили съ карманами, наполненными вырванными изъ книгъ листками, которые по содержанію своему могли пригодиться для литературной темы. Во время испытанія ученикъ глубокомысленно погружается въ работу, сидитъ смирно, но въ удобный моментъ, незамѣтно для наблюдателя, вытаскиваетъ изъ кармана нужный листокъ и дословно или съ сокращеніями переписываетъ содержимое его въ свое сочиненіе. Нѣкоторые поступали еще хитрѣе: выучивали слово въ слово цѣлыя тирады изъ книгъ, которыя, по ихъ соображеніямъ, могли пригодиться для

сочиненія, и пользовались ими для своихъ работъ, не въ качествѣ цитатъ, а въ видѣ текста.

Изобрѣтательность учениковъ во время испытаній зрѣлости полна множества оттѣнковъ, которые иногда трудно предусмотрѣть. Вотъ нѣсколько примѣровъ: во время испытанія у экзаменующагося портится ручка отъ пера; ученикъ проситъ дозволить ему воспользоваться запасною ручкою товарища; преподаватель даетъ разрѣшеніе (безъ разрѣшенія наблюдателя ученикъ не имѣетъ права встать съ мѣста). Въ данномъ случаѣ хитрость заключается въ томъ, что въ отверстіе ручки вкладывалось мелко написанное рѣшеніе математической задачи, конечный результатъ ея или особенно затруднительный періодъ латинскаго или греческаго текста. Понятно, что въ такомъ случаѣ у двухъ учениковъ окажется одинаковое рѣшеніе работы, что для профессора, разсматривающаго работы, будетъ служить явнымъ доказательствомъ списыванія работы и, слѣдовательно, недостатка надзора, и, въ свою очередь, повлечетъ за собою замѣчаніе окружнаго начальства. Вотъ еще случай. Во время перемѣны, экзаменующемуся ученику присылаютъ завтракъ: бутерброды, завернутые въ бумагу. Одинъ изъ дежурныхъ наблюдателей вынимаетъ завтракъ изъ бумаги и передаетъ ученику, но во время этой процедуры двѣ половинки булки, густо намазанныя масломъ, раскрываются, и изъ середины одной изъ нихъ высовывается вложенная въ булку бумажка, съ тщательно, мелкимъ почеркомъ, исполненной математической задачей. Этотъ ученикъ, послѣ полный генералъ, часто вспоминаетъ предательскіе бутерброды, хотя и не имѣвшіе для него непріятныхъ послѣдствій, но достаточно сконфузившіе его. Похожденіе злополучныхъ бутербродовъ было слѣдующее: одинъ изъ учениковъ 8 класса отправился на дворъ, въ строгомъ сопровожденіи помощника классныхъ наставниковъ, и по дорогѣ, незамѣтно для надзирателя, уронилъ маленькій кусочекъ бумажки, съ текстомъ задачи; услужливые товарищи 7 класса подхватили находку, общими усиліями одолѣли задачу и препроводили ее экзаменующемуся въ бутербродѣ. Во многихъ гимназіяхъ, въ томъ числѣ и Радомской, для экзаменующихся воспитанниковъ 8 класса, на время испытаній, во избѣжаніе соблазна, установлены завтраки на казенный счетъ, состоящіе изъ чая и однихъ съѣдобныхъ предметовъ, безъ контрабандныхъ вложеній. Интересенъ еще случай экзаменной контрабанды, происшедшій, впрочемъ, въ Радомской женской гимназіи: въ день испытанія по русскому языку въ 7 классѣ женской гимназіи, въ мужской

гимназіи отсутствовало на урокѣ столь значительное число учениковъ 6 и 7 класса, что это обратило вниманіе начальства гимназіи, хотя и были записки отъ родителей отсутствовавшихъ учениковъ о причинѣ отсутствія ихъ. Были командированы на квартиры отсутствовавшихъ учениковъ классные наставники и ихъ помощники; но обнаружилось, что больныхъ учениковъ нѣтъ дома, всѣ чудодѣйственно выздоровѣли и куда-то исчезли изъ дому.

Дальнѣйшими наблюденіями было установлено, что отсутствующіе ученики скрываются въ сосѣдней съ Радомскою женскою гимназіей „Саксонской гостиницѣ", вслѣдствіе чего сдѣланы были нелестныя для нравственности учениковъ предположенія; но оказалось, что эти предположенія не оправдались: ученики, запершись въ отдѣльныхъ номерахъ, усердно писали для ученицъ женской гимназіи экзаменныя сочиненія. Каждый изъ учениковъ избралъ себѣ даму сердца и, призвавши все свое искусство и краснорѣчіе, писалъ для нея сочиненія.

Но всѣ эти ухищренія и незаконныя средства были частными случаями, которые могли удаться и могли быть обнаружены зоркимъ окомъ начальства. Важнѣе было запастись вѣрнымъ средствомъ—знать напередъ темы испытаній зрѣлости, обдуманно подготовиться къ письменной работѣ дома, и въ гимназіи, во время испытанія, продѣлать работу по готовому трафарету и быть вполнѣ увѣреннымъ, что работа исполнена удовлетворительно. Такимъ средствомъ было пріобрѣтеніе темъ испытаній зрѣлости посредствомъ подкупа и воровства ихъ. Воровство темъ практиковалось во многихъ учебныхъ округахъ, въ однихъ больше, въ другихъ меньше. Не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія и Варшавскій учебный округъ. Злоупотребленіе съ темами началось еще при попечителѣ Витте, и молва указывала, какъ на виновника въ этомъ отношеніи, на канцелярію попечителя, которая разсылала по гимназіямъ пакеты съ темами. Подозрѣніе падало также на почтовое вѣдомство, которое на почтѣ вскрывало пакеты съ темами.

Были приняты мѣры предосторожностей: темы начали разсылать не въ особыхъ конвертахъ и не одновременно по всѣмъ гимназіямъ, а въ разное время и въ конвертахъ съ общими дѣлами. Но и эти предосторожности не помогали. При Апухтинѣ это дѣло было еще болѣе упорядочено: часто назначалась по русскому языку не одна тема для всѣхъ гимназій, а для каждой гимназіи отдѣльная. Темы отбивались на машинѣ, въ присутствіи попечителя Апухтина, и для отбивки темъ изби-

рался самый глупый писецъ канцеляріи, который не только не могъ передать своими словами содержаніе темы, но не могъ понять и смысла ея. Темы не разсылались гимназіямъ, а директора вызывались въ Варшаву, и попечитель вручалъ имъ запечатанные конверты съ темами лично. И, несмотря на всѣ эти мѣры предосторожностей, шли слухи, что темы испытаній бываютъ извѣстны ученикамъ и тайна ихъ пріобрѣтается дорогою цѣною.

Въ Радомской гимназіи одинъ случай воровства тамъ былъ обнаруженъ во время испытаніи зрѣлости въ 1889—1890 году. Это обнаруженіе произошло совершенно случайно, благодаря бдительному надзору за учащимися и ихъ занятіями. Директоръ гимназіи имѣлъ обыкновеніе во время подготовленія учащихся къ испытаніямъ зрѣлости обходить общія ученическія квартиры для наблюденія за учебными занятіями воспитанниковъ и для преподанія имъ необходимыхъ указаній и наставленій. Такія посѣщенія квартиръ были произведены директоромъ и въ 1889/90 уч. г. Зашедши на одну ученическую квартиру, гдѣ находилось три ученика 8 класса, директоръ замѣтилъ, что ученики читали по учебнымъ пособіямъ статьи о Грибоѣдовѣ и на столѣ лежалъ разработанный планъ сочиненія на тему: „Старое и молодое поколѣніе въ комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Директоръ одобрилъ такой совмѣстный способъ разработки темъ и одновременнаго повторенія курса по разнымъ учебнымъ пособіямъ, которое даетъ ученикамъ возможность пополнять свѣдѣнія другъ друга. Затѣмъ директоръ отправился на другую квартиру, гдѣ жили два ученика 8 класса; и здѣсь оба ученика читали по учебнымъ пособіямъ статьи о Грибоѣдовѣ. Такое вниманіе къ Грибоѣдову нѣсколько удивило директора. Возвращаясь домой, директоръ по дорогѣ встрѣтилъ ученика 8 класса, который быстро шелъ, неся въ рукахъ двѣ книги. На вопросъ директора, гдѣ онъ былъ, ученикъ отвѣтилъ, что былъ у товарища, одолжилъ на нѣсколько часовъ двѣ книги, чтобы прочесть статьи о Грибоѣдовѣ. Это заявленіе привело директора уже въ совершенное недоумѣніе. Директоръ пригласилъ инспектора и высказалъ ему свое предположеніе, что, должно быть, завтрашная тема по русскому языку ученикамъ извѣстна и что тема будетъ о Грибоѣдовѣ. Инспекторъ сообщилъ ему, что среди учениковъ идетъ слухъ о пріобрѣтеніи темы по русскому языку. Когда на слѣдующій день обнаружилось, что тема дѣйствительно была о Грибоѣдовѣ и, слѣдовательно, была извѣстна ученикамъ, директоръ командировалъ

въ Варшаву инспектора Мейспера доложить попечителю округа объ этомъ обстоятельствѣ.

Попечитель сказалъ, что и въ Варшавѣ въ двухъ гимназіяхъ директора обнаружили, что тема по русскому, языку была ученикамъ извѣстна. Попечитель много волновался по этому поводу, высказывалъ различныя предположенія, какимъ образомъ тема могла сдѣлаться извѣстной ученикамъ. Циркуляромъ по округу попечитель призналъ испытаніе на общую тему о Грибоѣдовѣ недѣйствительнымъ, назначилъ новое испытаніе, по другой темѣ, и сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ слѣдствія о способѣ пріобрѣтенія темъ учениками Варшавскихъ и Радомской гимназій. Для производства слѣдствія въ Радомѣ попечитель командировалъ правителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа А. Ѳ. Ненадкевича. По прибытіи въ Радомъ Ненадкевича было приступлено къ слѣдствію.

Въ виду несомнѣнныхъ уликъ въ томъ, что тема по русскому языку была извѣстна ученикамъ Радомской гимназіи, они не отрицали этого и о способѣ пріобрѣтенія тема разсказали слѣдующее. Такъ какъ письменныя испытанія имѣютъ окончательное значеніе при рѣшеніи вопроса о допущеніи къ устнымъ испытаніямъ и устныя испытанія не такъ страшны, какъ письменныя, ибо на устномъ испытаніи преподаватели наводятъ ученика, останавливаютъ его, въ случаѣ ошибки въ отвѣтѣ, и даже, если ученикъ заслуживаетъ снисхожденія, предлагаютъ ему рядъ постороннихъ вопросовъ, не относящихся къ ихъ темѣ, пока не убѣдятся въ степени познанія и развитія ученика, то, по установившемуся обычаю, ученики всѣхъ гимназій, при концѣ учебнаго года, обыкновенно обсуждаютъ всѣ комбинаціи возможности пріобрѣтенія тѣмъ испытаній зрѣлости путемъ подкупа, и съ этою цѣлію, по раскладкѣ, собираютъ извѣстную сумму денегъ, отъ 200 до 400 р. на гимназію. И въ текущемъ году, собравши деньги, ученики ждали прибытія агента съ темами, хотя такія ожиданія не всегда осуществлялись и не по всѣмъ предметамъ удавалось пріобрѣсть темы. И въ текущемъ учебномъ году ученики 8 класса собрали 400 р. денегъ и ждали прибытія агента. За три дня до начала испытаній зрѣлости прибылъ изъ Варшавы агентъ, еврей, явился къ первому ученику 8 класса, кандидату на золотую медаль—Краузу и предложилъ ему купить у него тему по русскому языку за 400 р. и обѣщалъ за 200 рублей продать и задачи по математикѣ. Ученики согласились на сдѣланное имъ предложеніе, купили тему по русскому языку, обѣщали ку-

пить и задачи по математикѣ. О способѣ пріобрѣтѣнія темъ агентомъ они ничего сказать не могутъ, равно какъ не знаютъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей, касающихся доставки темъ въ Радомъ. Всѣ допрошенные ученики такъ однообразно устанавливали обстоятельства пріобрѣтенія темъ и съ такою простотою и, казалось, искренностію давали показанія, что не было повода не вѣрить ихъ словамъ. Признавъ указанный учениками способъ пріобрѣтенія темъ правдоподобнымъ, слѣдователи составили въ соотвѣтствующемъ смыслѣ протоколъ и Ненадкевичъ повезъ слѣдственное дѣло въ Варшаву, попечителю округа. Окончились письменныя испытанія, прошла уже половина устныхъ экзаменовъ; впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ пріобрѣтеніемъ за деньги темъ испытаній зрѣлости, начало сглаживаться, какъ отъ попечителя учебнаго округа было получено директоромъ Радомской гимназіи сообщеніе, что произведенное имъ, директоромъ, и командированнымъ въ Радомъ правителемъ канцеляріи округа Ненадкевичемъ слѣдствіе, какъ обнаружилось изъ разслѣдованія директора Люблинской гимназіи, основано на невѣрныхъ данныхъ: тема похищена въ Петроковской гимназіи бывшимъ ученикомъ Радомской гимназіи, Адамомъ М—имъ она привезена въ Радомъ, а въ Люблинъ доставлена ученикомъ Радомской гимназіи С. Дѣло становилось до крайности интереснымъ, и директоръ Радомской гимназіи рѣшилъ добыть всѣ данныя, касающіяся похищенія темы и доставки ея въ Радомъ. Изъ собранныхъ директоромъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ похищенія и развозки темы выяснилась слѣдующая Одиссея.

Въ $188^{7}/_{8}$ учебномъ году изъ 6 класса Радомской гимназіи выбылъ ученикъ М., поступившій въ началѣ означеннаго учебнаго года въ этотъ классъ; по познаніямъ его онъ не былъ допущеннымъ къ переводнымъ испытаніямъ изъ 6 класса въ 7-й, по прошенію выбылъ изъ гимназіи и поступилъ въ тотъ же классъ Петроковской гимназіи, считая эту гимназію болѣе легкою сравнительно съ Радомской. Но предположеніямъ его, видимо, не суждено было осуществиться, и въ Петроковской гимназіи у него было мало шансовъ на полученіе аттестата. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ пріобрѣсть темы испытаній зрѣлости путемъ подкупа и воровства, и принялъ на себя въ этомъ дѣлѣ роль атамана. Квартира директора Петроковской гимназіи расположена была въ нижнемъ этажѣ трехъэтажнаго зданія гимназіи. Направо отъ входа въ коридоръ нижняго этажа было расположено нѣсколько классовъ и канцеляріи гимназіи, налѣво квар-

тира директора, къ квартирѣ директора примыкалъ такъ называемый конференцъ-залъ или небольшой актовый залъ, который служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и кабинетомъ директора гимназіи. Комнаты квартиры директора были расположены слѣдующимъ образомъ: къ актовой залѣ примыкалъ залъ квартиры директора, далѣе слѣдовали: столовая, спальни. Такъ какъ въ зданіи гимназіи никто не жилъ, кромѣ директора (письмоводитель и сторожа жили въ подвальномъ этажѣ) и кабинетъ директора со входомъ съ коридора въ залъ расположенъ довольно далеко отъ спаленъ, то похитители темъ очень основательно избрали Петроковскую гимназію ареною похищенія темъ. Планъ похищенія темъ былъ таковъ. Ученикъ М—ъ подкупилъ швейцара, который глубокой ночью долженъ былъ отпереть актовый залъ; М. съ однимъ изъ товарищей по классу долженъ былъ войти въ актовый залъ вмѣстѣ съ слесаремъ и посредствомъ подобраннаго ключа отпереть письменный столъ, въ которомъ хранился пакетъ съ темами. Предварительно были заготовлены конверты, въ которые вкладываются темы, той же бумаги и такого же формата, какъ и попечительскіе конверты; заготовлена была и сургучная печать. Похитители благополучно вошли въ залъ, благополучно открыли ящикъ въ письменномъ столѣ директора и уже хотѣли было вскрывать конвертъ, но, пристальнѣе вглядѣвшись въ него, къ ужасу своему замѣтили, что на конвертахъ была печать съ подписью: „Канцелярія Попечителя Варшавскаго учебнаго округа“ вмѣсто употреблявшейся въ предыдущіе годы печати: „Попечитель Варшавскаго учебнаго округа“, которую они предусмотрительно заготовили. Это обстоятельство повергло похитителей въ великое смущеніе; они не рѣшились запечатать заготовленные ими конверты другою печатью и рѣшили сдѣлать новую печать и отложить процедуру похищенія темъ до слѣдующей ночи. Заперши письменный столъ и кабинетъ директора, ученикъ М. опрометью бросился къ рѣзчику, и сказалъ ему, во что бы то ни стало, къ слѣдующей полуночи заготовить печать съ надписью: „Канцелярія Попечителя Варшавскаго учебнаго округа“. День и ночь неустанно работалъ рѣзчикъ и блистательно воспроизвелъ точную копію попечительской печати. Запасшись всѣми необходимыми принадлежностями для замѣны вскрытыхъ попечительскихъ конвертовъ другими, подложными, М. вмѣстѣ съ компаніономъ и слесаремъ благополучно пробрался въ кабинетъ директора гимназіи, открылъ письменный столъ, вскрылъ конвертъ съ темами, скоро и легко списалъ тему по русскому

языку и задачи по математики, но списываніе темъ по латинскому и греческому языку, довольно обширныхъ, съ значительнымъ числомъ латинскихъ и греческихъ словъ, шло медленно и, въ виду невыразительно литографированнаго письма и слабаго освѣщенія залы, это списываніе текста темы было такъ затруднительно, что похитители отказались отъ списыванія текста латинской и греческой темы и удовольствовались только темою по русскому языку и задачами по математикѣ, и затѣмъ, запечатавши заготовленною имп. печатью принесенные съ собою конверты, они благополучно возвратились домой, унося съ собою талисманъ съ аттестатомъ зрѣлости.

Теперь забота состояла въ томъ, чтобы благополучно и вовремя распространить темы по гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа. М. рѣшилъ лично ѣхать въ Радомъ, чтобы передать тамъ тему. Побудительною причиною къ этому для М. было желаніе получить отъ ученика Крауза написанное для него Краузомъ сочиненіе по русскому языку, ибо, не будучи увѣреннымъ, что онъ хорошо самъ напишетъ сочиненіе, М. предпочелъ имѣть лучше сочиненіе, написанное Краузомъ, которое безусловно будетъ удовлетворительное, такъ какъ Краузъ большой мастеръ складно писать. Не успѣвъ отдохнуть послѣ безсонной ночи и треволненій, М. рѣшилъ выѣхать изъ Петрокова почнымъ поѣздомъ, а чтобы не быть узнаннымъ по дорогѣ, переодѣлся телеграфистомъ. По пути М. вручилъ тему вышедшему на вокзалъ въ Кѣльцахъ условленному лицу, получилъ вознагражденіе для оплаты расходовъ по экспропріаціи темъ и поѣхалъ дальше въ Радомъ. По прибытіи въ Радомъ, М. явился къ Краузу, передалъ ему тему и поручилъ переслать таковую въ Люблинъ, а изъ Люблина въ Холмъ и Сѣдлецъ; въ Варшаву темы доставило другое лицо, а изъ Варшавы онѣ были распространены дальше, по составленной предварительно дислокаціи. Предупредительные варшавскіе товарищи прислали ученикамъ Радомской гимназіи, еще раньше прибытія М., иносказательную телеграмму: „къ Вамъ ѣдетъ Чацкій“. Для доставленія темы ученикамъ Люблинской гимназіи радомскій конклавъ избралъ бывшаго ученика Люблинской гимназіи С., который, чтобы не быть узнаннымъ, переодѣлся въ штатское платье, съ пенснэ и приставными усами. По прибытіи въ Люблинъ, С. отправился въ назначенный предварительно сборный пунктъ на ученической квартирѣ, помѣщавшейся въ довольно глухой мѣстности, почти на окраинѣ города. Сюда прибылъ и сынъ одного изъ членовъ педагогиче-

скаго совѣта мѣстной гимназіи, ученикъ 8 класса, N., переодѣтый ксендзомъ; здѣсь маскарадный совѣтъ избралъ лицъ для дальнѣйшаго распространенія темъ и опредѣленія причитающейся отъ каждой гимназіи контрибуціи. Участіе въ дѣлѣ полученія и распространенія темъ сына одного изъ мѣстныхъ педагоговъ вывело, безъ сомнѣнія, все дѣло наружу и опровергло данныя, добытыя довѣрчивыми радомскими слѣдователями.

Пока въ Люблинѣ распространяли тему и взимали гонораръ, въ Радомѣ съ М.—чуть не разыгралась трагедія. Проведши двѣ безсонныя ночи во время добыванія темъ, и перенесши довольно продолжительный переѣздъ изъ Петрокова въ Радомъ, испытавши волненія и нравственныя потрясенія, М., по прибытіи въ Радомъ, почувствовалъ себя настолько дурно, что не могъ отправиться въ тотъ же день въ обратный путь въ Петроковъ по крайней мѣрѣ за сутки до начала испытаній, такъ какъ въ противномъ случаѣ могла обнаружиться самовольная отлучка его изъ города, что грозило ему дисциплинарнымъ взысканіемъ и даже раскрытіемъ плана похищенія темъ. Необходимо было, во что бы то ни стало, отправить М. въ Петроковъ, чтобы онъ могъ прибыть туда за сутки до начала испытаній, ибо директоръ велѣлъ ученикамъ 8 класса наканунѣ испытанія собраться въ гимназіи для чтенія и объясненія имъ установленныхъ правилъ испытаній зрѣлости. Судили да рядили и рѣшили отправить М. въ Петроковъ въ сопровожденіи врача, снабженнаго возбудительными каплями и соотвѣтственными медикаментами, согласившагося совершить эту экскурсію за 75 р. На испытаніи М. успѣшно переписалъ заготовленное для него Краузомъ сочиненіе. Петроковцы находились въ блаженномъ спокойствіи, что обстоятельства похищенія темъ никому не извѣстны, пока отъ попечителя не были получены разоблаченія, обнаруженныя въ Люблинской гимназіи.

Небезъинтересенъ, конечно, вопросъ, какъ отнеслось къ провинившимся ученикамъ окружное начальство. Попечитель Апухтинъ обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ большую гуманность и правильную снисходительность по отношенію къ ученикамъ. Ознакомившись обстоятельно со всею махинаціей похищенія темъ, попечитель не могъ не убѣдиться, что для учениковъ былъ слишкомъ большой соблазнъ пріобрѣсти темы и хотя ученики совершили слишкомъ безнравственный проступокъ, но для нихъ это былъ шкурный вопросъ и главная вина въ этомъ падала не на учениковъ, а на тѣхъ, кто своею небрежностію и непредусмотрительностію далъ имъ возможность осуществить ихъ

планъ, поэтому попечитель не только никого изъ учениковъ не лишилъ права экзаменоваться, но и предложилъ педагогическимъ совѣтамъ за вину учениковъ въ похищеніи темъ не уменьшать отмѣтки по поведенію въ аттестатѣ, далъ только отеческій совѣтъ начальству гимназіи внушить учащимся, чтобы „во всю свою предстоящую жизнь они старались жить не ложью, а правдою“, и предписалъ всѣхъ учениковъ 8 класса, по мѣрѣ виновности каждаго, подвергнуть дисциплинарнымъ взысканіямъ, аресту на хлѣбѣ и водѣ отъ 24 до 48 часовъ, а педагогическій совѣтъ Радомской гимназіи лишилъ учениковъ 8 класса, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, всѣхъ отличій, какъ-то: золотыхъ и серебряныхъ медалей, и аттестаты зрѣлости были розданы учащимся не на торжественномъ актѣ, а въ засѣданіи педагогическаго совѣта, послѣ внушительной рѣчи директора гимназіи, заключавшей въ себѣ порицаніе и разъясненіе ихъ проступка и наставленіе „всю дальнѣйшую жизнь жить не ложью, а правдою“.

Къ сожалѣнію, обнаруженіе похищенія учениками темы не имѣло для нихъ отрезвляющаго значенія, и вторая, назначенная попечителемъ тема по русскому языку, вмѣсто отмѣненной первой, искусно похищена была у того же директора Петроковской гимназіи тѣмъ же ученикомъ М.

Нельзя не сказать на этотъ разъ, что такъ какъ директору Петроковской гимназіи было извѣстно, что первая тема похищена была у него учениками, то ему слѣдовало предпринимать особыя мѣры предосторожностей при храненіи второй темы. Вмѣсто отмѣненной темы: „Старое и новое поколѣніе въ комедіи Грибоѣдова—Горе отъ ума“, была назначена вторичная тема: „Подъ какими вліяніями развивалась поэтическая дѣятельность Пушкина?“. Тема эта не трудная и была исполнена учениками Радомской гимназіи вообще удовлетворительно, но шаблонно, и при этомъ обращало на себя вниманіе то обстоятельство, что учениками-католиками сочиненія были разработаны обстоятельнѣе и они были содержательнѣе, нежели сочиненія русскихъ учениковъ. Когда, уже по окончаніи испытаній зрѣлости и раздачи аттестатовъ, директоръ Радомской гимназіи, бесѣдуя съ окончившими курсъ учениками православнаго исповѣданія, сдѣлалъ имъ упрекъ, что поляки написали русское сочиненіе содержательнѣе, нежели русскіе, то одинъ изъ нихъ прямо сказалъ, что, если бы русскіе ученики напередъ знали тему, то они тоже написали бы обстоятельныя и содержательныя сочиненія.

На сдѣланный директоромъ вопросъ: „Развѣ и вторая тема по русскому языку была извѣстна ученикамъ?“, они отвѣтили, что и вторая тема была доставлена въ Радомъ ученикамъ тѣмъ же М., но ученики-католики на этотъ разъ не сообщили темы своимъ русскимъ товарищамъ.

Впослѣдствіи директоръ Радомской гимназіи узналъ всѣ обстоятельства похищенія второй темы по русскому языку. На этотъ разъ тема была уворована уже не ночью, а днемъ. За нѣсколько дней до вторичнаго испытанія зрѣлости по русскому языку мѣстныя войска въ Петроковѣ справляли полковой праздникъ, на который былъ приглашенъ и директоръ Петроковской гимназіи съ женою. Директоръ былъ бездѣтный и, по уходѣ его съ женою изъ дому, въ квартирѣ никого не оставалось, а директоръ, вѣроятно, думалъ, что затворъ квартиры на ключъ предохраняетъ ее отъ всякаго посягательства. Было извѣстно, что директоръ приглашенъ на полковой завтракъ, который, во всякомъ случаѣ, не могъ продлиться менѣе двухъ-трехъ часовъ, а если считать устраиваемые послѣ завтрака танцы, то и болѣе продолжительное время, чтобы спокойно продѣлать всю процедуру похищенія темы испытаннымъ уже имъ способомъ, и при содѣйствіи того же предупредительнаго швейцара, щедро одареннаго за двукратную услугу изрядною суммою денегъ. Въ виду краткости времени, которымъ располагали петроковскіе похитители до начала испытанія, вторая тема по русскому языку была распространена только между немногими, ближайшими къ Петрокову гимназіями и при томъ, изъ предосторожности и недовѣрія къ ученикамъ другихъ исповѣданій, кромѣ католическаго, была сообщена только ученикамъ польскаго происхожденія.

VIII.

Инцидентъ на испытаніи зрѣлости.

Инцидентъ на устномъ испытаніи зрѣлости въ Радомской мужской гимназіи произошелъ въ 1892—3 учебн. году. При рѣшеніи вопроса о допущеніи учениковъ къ испытаніямъ зрѣлости педагогическій совѣтъ Радомской гимназіи всегда старался соразмѣрять нормальныя требованія отъ абутуріентовъ 8 класса съ индувидуальными качествами каждаго изъ нихъ, съ ихъ способностями, степенью прилежанія, съ развитіемъ и нравственнымъ направленіемъ и, при благопріятныхъ для учениковъ обстоятельствахъ, оказывалъ имъ возможное снисхо-

жденіе при окончательномъ рѣшеніи вопроса о допущеніи къ испытанію и при удостоеніи аттестата зрѣлости. Выпускъ 1892—3 уч. г. былъ не блестящій, и педагогическій совѣтъ оказалъ значительное снисхожденіе для учащихся при допущеніи къ испытаніямъ зрѣлости, желая дать имъ возможность обнаружить свои познанія на этомъ испытаніи; но, несмотря на всю свою снисходительность, совѣтъ, по разсмотрѣніи результатовъ письменныхъ испытаній, не нашелъ возможнымъ допустить къ устнымъ испытаніямъ нѣсколько учениковъ 8 класса, въ томъ числѣ ученика И..., сына вліятельнаго въ городѣ Радомѣ чиновника. Въ виду посредственныхъ способностей въ наукахъ ученика И... и для него и для родителей его не было неожиданностію недопущеніе его къ устному испытанію зрѣлости, и это обстоятельство предвидѣлось ими еще до рѣшенія вопроса о немъ, поэтому родителями ученика И... были пущены въ ходъ всѣ ходатайства и воздѣйствія на преподавателей, но всѣ старанія ихъ были тщетны. Когда родителямъ И... сдѣлалось извѣстно недопущеніе ихъ сына къ устнымъ испытаніямъ зрѣлости, они весьма необдуманно рѣшили добиться допущенія его къ испытанію крайне оригинальнымъ и рискованнымъ путемъ—застращиваніемъ и насиліемъ, или, какъ теперь выражаются, „захватнымъ правомъ“. Въ ночь предъ началомъ устныхъ испытаній зрѣлости, мать ученика И..., женщина очень энергичная и рѣшительная, пригласила къ себѣ нѣсколькихъ товарищей своего сына по восьмому классу и просила ихъ заступиться за ея сына; отъ имени восьмого класса просить директора гимназіи допустить ея сына къ устному испытанію зрѣлости; если же директоръ не исполнитъ просьбы класса, всѣмъ классомъ отказаться отъ экзамена, при чемъ прибавила, что такимъ путемъ цѣль навѣрное будетъ достигнута, ибо директоръ побоится скандала и допуститъ ея сына къ испытанію. Легкомысленная и впечатлительная молодежь признала предложенный госпожею И... способъ воздѣйствія на гимназическое начальство могущимъ имѣть благопріятный исходъ, поэтому присутствовавшіе на совѣщаніи ученики дали слово поступить согласно предложенію госпожи И... и обѣщали оказать воздѣйствіе на другихъ своихъ товарищей, не присутствовавшихъ на совѣщаніи.

Въ день испытанія ученики 8 класса собрались въ гимназію въ надлежащемъ порядкѣ, и ничто не предвѣщало бури. Процедура начала производства устныхъ испытаній зрѣлости обыкновенно состояла въ слѣдующемъ: предъ началомъ испы-

таній директоръ гимназіи читалъ фамиліи учениковъ допущенныхъ и недопущенныхъ къ испытанію зрѣлости, на основаніи опредѣленія педагогическаго совѣта, и относительно каждаго изъ недопущенныхъ къ испытанію зрѣлости учениковъ директоръ указывалъ мотивы такого недопущенія. По окончаніи чтенія списка недопущенныхъ къ испытанію зрѣлости учениковъ директоръ обращался къ учащимся съ соотвѣтствующими обстоятельствамъ словами, указывалъ допущеннымъ къ испытаніямъ необходимость серьезной подготовки къ устнымъ испытаніямъ, а недопущенныхъ утѣшалъ въ постигшей ихъ неудачѣ и высказывалъ надежду на благополучное окончаніе ими курса въ слѣдующемъ учебномъ году, послѣ пополненія обнаруженныхъ ими дефектовъ въ ихъ познаніяхъ. Такой порядокъ былъ примѣненъ и въ настоящемъ случаѣ.

Но едва директоръ прочелъ фамиліи недопущенныхъ къ испытанію учениковъ, какъ одинъ изъ воспитанниковъ 8 класса громко сказалъ: „Господинъ директоръ! Мы просимъ Васъ допустить къ испытанію И.....“ Въ отвѣтъ на эту просьбу директоръ разъяснилъ ученикамъ, что вопросъ о допущеніи учениковъ 8 класса, какъ это имъ извѣстно, рѣшается не единолично директоромъ гимназіи, а педагогическимъ совѣтомъ, и что рѣшеніе вопроса относительно недопущенія ихъ товарища И..., какъ и другихъ учениковъ 8 класса, состоялось на основаніи опредѣленія педагогическаго совѣта, послѣ тщательно обсужденія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и этотъ вопросъ перерѣшенію не подлежитъ. Едва директоръ сказалъ эти слова, какъ среди учениковъ: раздалось: „А, если такъ...“ и затѣмъ нѣсколько человѣкъ стремительно вышли изъ класса. Обыкновенно по прочтеніи фамилій недопущенныхъ къ испытаніямъ учениковъ, эти послѣдніе оставляли залъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто желалъ послушать отвѣты своихъ товарищей или ознакомиться съ требованіями на испытаніяхъ зрѣлости, поэтому и въ настоящемъ случаѣ, когда первые пять человѣкъ вышли изъ залы, директоръ думалъ, что удаляются ученики недопущенные къ испытанію; но, замѣтивъ среди уходящихъ нѣсколько воспитанниковъ изъ числа допущенныхъ къ испытаніямъ и обративъ вниманіе на возбужденныя лица уходящихъ, директоръ сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло, и громко крикнулъ: „что вы дѣлаете, остановитесь!“, и затѣмъ приказалъ швейцару запереть дверь и никого не выпускать изъ зала безъ его разрѣшенія. Послѣ этого директоръ обратился къ учащимся съ увѣщаніемъ, разъяснилъ имъ неосновательность,

необдуманность и гибельныя послѣдствія ихъ поступка и послѣ надлежащаго и продолжительнаго увѣщанія, приказалъ читать молитву предъ ученіемъ и приступилъ къ производству испытанія. По счастію, первые по алфавиту ученики, вызванные къ отвѣту, спокойно приступили къ испытанію; возбужденіе учащихся вскорѣ улеглось, и испытаніе прошло спокойно и безъ инцидентовъ. Когда нѣсколько учениковъ, изъ числа проэкзаменовавшихся, уходили домой, директоръ просилъ ихъ отправиться на квартиры отказавшихся отъ испытанія и сообщить имъ, что онъ совѣтуетъ имъ серьезно обдумать неосновательность ихъ поступка,—совершеннаго ими подъ вліяніемъ постороннихъ возбужденій, раскаяться своемъ проступкѣ и приступить къ испытаніямъ. Но ни совѣты товарищей, ни бесѣда директора съ этими учениками по окончаніи испытанія не имѣли успѣха, и отказавшіеся отъ испытанія ученики заявили директору, что они не могутъ нарушать даннаго ими И... слова, что они не будутъ экзаменоваться, если не будетъ допущенъ къ испытанію и онъ.

Вслѣдствіе этого инцидента 5 учениковъ 8 класса, демонстративно отказавшихся отъ испытанія, были исключены изъ гимназіи по § 11 п. 18 правилъ о взысканіяхъ, т. е. съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія. Особенно было жаль въ числѣ исключенныхъ ученика 8 класса Владислава Горчака, сына недостаточныхъ родителей, считавшихъ дни и часы, когда онъ окончитъ курсъ гимназіи,—юношу отличнаго поведенія, спокойнаго характера и при томъ одинъ разъ въ жизни уже испытавшаго несчастіе и горе. Въ бытность ученикомъ Люблинской гимназіи, Горчакъ, вопреки строгихъ правилъ, воспрещающихъ учащимся имѣть доступъ къ огнестрѣльному оружію, отправился съ своимъ товарищемъ на охоту. Юные нимвроды, поохотившись, какъ настоящіе охотники, устроили привалъ, во время котораго Горчакъ, держа въ рукахъ ружье, неосторожно задѣлъ курокъ, вслѣдствіе чего послѣдовалъ выстрѣлъ, угодившій прямо въ товарища его и положившій его на мѣстѣ. Подобныя несчастія случаются и съ заправскими охотниками, и вина Горчака состояла не въ томъ только, что своею неосторожностію въ обращеніи съ оружіемъ онъ причинилъ смерть товарищу, но и въ нарушеніи имъ ученическихъ правилъ. По нѣсколько разъ въ годъ министерство народнаго просвѣщенія разсылало по гимназіямъ свѣдѣнія о происшедшихъ съ воспитанниками несчастіяхъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и стро-

жайшія предписанія начальству учебныхъ заведеній о воспрещеніи воспитанникамъ доступа къ огнестрѣльному оружію. Вина Горчака состояла въ грубомъ нарушеніи гимназическихъ правилъ, и за эту вину, слѣдствіемъ которой была смерть его товарища, онъ подлежалъ наказанію и былъ исключенъ изъ Люблинской гимназіи по § 11 п. 18 правилъ о взысканіяхъ. Въ виду отличнаго поведенія Горчака, въ бытность его ученикомъ Люблинской гимназіи, и страшнаго нравственнаго потрясенія, произведеннаго на него смертію его товарища, и начальство Люблинской гимназіи и чуткій къ чужому горю попечитель округа Апухтинъ приняли въ немъ участіе и попечитель предложилъ директору Радомской гимназіи принять Горчака въ 8 классъ Радомской гимназіи.

Въ Радомской гимназіи и учебный персоналъ и товарищи любили кроткаго Горчака; учился онъ удовлетворительно и безпрепятственно былъ допущенъ къ письменнымъ и устнымъ испытаніямъ, но эгоистичные люди не дали ему возможности окончить курсъ гимназіи. Когда госпожа И... устроила въ своей квартирѣ тайное собраніе учениковъ 8 класса, на которомъ товарищи по классу сына ея Витольда обѣщали отказаться отъ экзамена, если онъ не будетъ допущенъ къ испытаніямъ, по ея замыслу былъ привлеченъ на это собраніе и къ дачѣ клятвы и Горчакъ, при чемъ госпожа И..., безъ сомнѣнія, руководствовалась тѣмъ соображеніемъ, что педагогическій совѣтъ для спасенія пользующагося симпатіями Горчака уступитъ требованіямъ учениковъ 8 класса о допущеніи къ испытаніямъ ея сына, а гимназическое начальство, изъ боязни скомпрометтировать недавно только открытое общежитіе, не умѣвшее уберечь отданнаго родителями ученика Горчака подъ его надзоръ и попеченіе, будетъ уступчиво. Горчакъ пострадалъ наравнѣ съ другими демонстрантами, хотя гимназіей были приняты всѣ усилія спасти его, какъ и другихъ его товарищей: была вызвана мать Горчака, и ему и его товарищамъ дѣлались увѣщанія одуматься, приступить къ испытаніямъ; но всѣ усилія были тщетны. Несмотря на слезы матери, Горчакъ твердо стоялъ на одномъ: „я далъ обѣщаніе товарищамъ, я не могу измѣнить своему слову“. Такова сила постороннихъ воздѣйствій и товарищескихъ вліяній на впечатлительныя юношескія натуры. Съ подобными вліяніями товарищей, еще въ болѣе рѣзкой формѣ, мы встрѣтимся при обозрѣніи массовыхъ волненій въ учебныхъ заведеніяхъ, въ періодъ націоналистическихъ движеній въ Привислинскомъ краѣ.

IX.

Инцидентъ, въ духѣ польскаго шовинизма, на благотворительномъ балу въ клубѣ и наростаніе отчуждаемости польскаго общества отъ всего русскаго.

Инцидентъ на почвѣ шовинистскихъ польскихъ тенденцій произошелъ въ радомскомъ клубѣ въ 1886 году на благотворительномъ балу въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ Радомской мужской гимназіи. Населеніе Радомской губерніи не отличается особенною зажиточностію, и контингентъ учащихся въ гимназіи состоялъ, преимущественно, изъ малодостаточной среды,—мелкопомѣстной шляхты, небогатыхъ землевладѣльцевъ, торговаго и ремесленнаго сословія, чиновничества и крестьянскаго міра, поэтому задачею гимназіи всегда было изысканіе средствъ для оказанія матеріальной помощи недостаточнымъ учащимся при взносѣ ими платы за ученіе. Съ означенною цѣлью гимназіей, по иниціативѣ начальника губерніи и комитета старшинъ мѣстнаго клуба, устраивался ежегодный традиціонный балъ въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ гимназіи. Обыкновенно губернаторъ разсылалъ билеты на балъ начальникамъ уѣздовъ для распространенія ихъ среди лицъ, сочувствующихъ дѣлу благотворенія, комитетъ старшинъ безвозмездно давалъ залъ, а гимназія прилагала все стараніе, чтобы балъ былъ эффектный и доставилъ всѣмъ удовольствіе: особенное вниманіе было обращено на убранство залы и устройство танцевъ. Благодаря художественному вкусу и таланту учителя рисованія Радомской гимназіи Шинко, танцевальный залъ принималъ эффектный видъ, особенно для такой провинціи, какъ Радомъ. Гимназическіе балы охотно посѣщались публикою, сначала преимущественно польскою, а затѣмъ, когда въ губерніи началъ усиливаться составъ русскаго чиновничьяго міра, русскій элементъ началъ даже преобладать надъ польскимъ, по крайней мѣрѣ по числу танцующихъ дамъ; а между тѣмъ, по традиціи, дирижерство танцами шло только на одномъ польскомъ языкѣ, и общепринятый на балахъ французскій языкъ былъ совершенно устраненъ дирижерами изъ обихода. Въ виду того, что гимназическій балъ носилъ нѣкоторымъ образомъ оффиціозный характеръ, такъ какъ балы устраивались по иниціативѣ губернатора, распространявшаго билеты по губерніи, на балу присутствовала вся мѣстная администрація, во главѣ съ начальникомъ губерніи, являвшимся всегда какъ бы оффиціально,

при звѣздѣ, и большинство танцующихъ дамъ было русскаго происхожденія, со стороны старшинъ клуба и дирижеровъ танцами было нѣсколько не деликатно предъ русскими дамами, употребляя въ дирижерствѣ и обращеніи къ нимъ, вмѣсто общепринятаго французскаго, исключительно польскую рѣчь, которая многимъ русскимъ дамамъ была недоступна, поэтому, вслѣдствіе постоянныхъ просьбъ русскихъ дамъ, въ день гимназическаго бала 1 февраля 1886 года, директоръ обратился къ постоянному клубному дирижеру, чиновнику губернскаго правленія, съ просьбою дирижировать на французскомъ языкѣ, но дирижеръ, на этотъ разъ, почувствовалъ внезапное наступленіе старости и особенной трудности для него дирижировать большою массою танцующихъ, въ 100 паръ, и просилъ освободить его совершенно отъ дирижированія. Вслѣдствіе этого съ такою же просьбою директоръ обратился къ другому клубному дирижеру, учителю гимназіи, но онъ, согласившись принять на себя дирижерство мазуркою на польскомъ языкѣ, отказался отъ дирежерства кадрилью и котильономъ на французскомъ языкѣ, въ виду, будто бы, недостаточно основательнаго знанія имъ французскаго языка; тогда директоръ просилъ одного изъ постоянныхъ дирижеровъ военнаго собранія, офицера мѣстныхъ войскъ, принять участіе въ дирижерствѣ на гимназическомъ балу. Не желая поручить управленіе всѣми танцами одному русскому дирижеру, въ виду того, что на балу присутствовала почти половина польскихъ дамъ, изъ числа танцующихъ, директоръ просилъ дирижировать танцами и учителя гимназіи. Дирижеры условились относительно порядка управленія танцами: офицеръ принялъ на себя дирижированіе кадрилью и котильономъ на французскомъ языкѣ, а учитель гимназіи мазуркою на польскомъ языкѣ. Въ началѣ дѣло какъ-то не клеилось. Несмотря на съѣздъ публики, балъ долго не начинался; шло перешептываніе польскаго дирижера съ своими дамами, и только около 12 часовъ начались танцы; но во время первой кадрили обнаружилось странное новшество: залъ оказался передѣленнымъ на двѣ половины, на одной половинѣ были исключительно польскія, а на другой преимущественно русскія дамы, и дирижировали учитель гимназіи на польскомъ, а офицеръ на французскомъ языкѣ. Выходило не красиво: два дирижера выкрикивали командныя слова на двухъ половинахъ залы, на двухъ языкахъ, и, кромѣ того, раздѣленіе залы на двѣ половины, съ двумя большими группами танцующихъ, стѣсняло движенія и было очень не эффектно. Директоръ высказалъ

дирижерамъ свое мнѣніе относительно неудобствъ раздѣленія зала на двѣ половины съ двумя отдѣльными дирижерами и просилъ въ слѣдующихъ танцахъ не раздѣлять зала на двѣ половины; но, къ удивленію своему, предъ началомъ второй кадрили директоръ замѣтилъ приготовленія къ подобному же раздѣленію залы между двумя дирижерами, и поэтому просилъ офицера, который по условію между обоими дирижерами долженъ былъ управлять кадрилью, принять на себя дирижированіе всей группой танцующихъ, безъ раздѣленія залы. Вторая кадриль состоялась подъ дирижерствомъ офицера и прошла ровно и безъ видимыхъ недоразумѣній, но едва кончались танцы, какъ сорокъ польскихъ дамъ, словно по уговору или чьей-либо командѣ, гуськомъ вышли изъ залы. Смыслъ этой демонстраціи былъ весьма понятенъ, поэтому директоръ вмѣстѣ съ инспекторомъ гимназіи оставилъ клубъ и на другой день сдѣлалъ въ клубной книгѣ заявленіе о выходѣ изъ состава членовъ Радомскаго клуба, и съ этого времени пересталъ принимать участіе въ устройствѣ какихъ-либо увеселеній въ пользу воспитанниковъ гимназіи, пересталъ принимать участіе въ устройствѣ баловъ и губернаторъ, и они утратили оффиціозный характеръ и всеобщій интересъ, особенно въ русскомъ обществѣ, и въ матеріальномъ отношеніи сильно упали; уже въ слѣдующемъ году устроенный комитетомъ старшинъ танцевальный вечеръ далъ сбора только 207 р. 65 к., противъ крупныхъ сборовъ предыдущихъ годовъ.

Выходка польскихъ дамъ на балу была нѣкоторымъ образомъ предвѣстіемъ наступившихъ новыхъ вѣяній въ польскомъ обществѣ. Какъ свидѣтельствуетъ въ своемъ сочиненіи: „Народная демократія“ (Demokratya Narodowa) Эдуардъ Польцъ, около 1886 года въ польскомъ обществѣ началась тайная агитація въ польско-національномъ духѣ, и выходка польскихъ дамъ на балу въ Радомѣ была первою ласточкою, хотя и не дѣлавшею весны, но указывавшею наступленіе новаго курса въ польско-русскихъ отношеніяхъ.

Обостренныя отношенія между польскимъ и русскимъ обществомъ продолжали усиливаться; вскорѣ они возникли между двумя клубами—польскимъ и военнымъ артиллерійскимъ собраніемъ, помѣщавшимися въ одной усадьбѣ, принадлежащей мѣстной больницѣ св. Казиміра. Эта усадьба состояла изъ средняго зданія, въ которомъ находится огромный залъ, и соединенныхъ съ нимъ двухъ боковыхъ крыльевъ, составлявшихъ отдѣльные флигеля. Въ правомъ флигелѣ помѣщался радомскій

обывательскій клубъ (Resarsa obywatelska), въ лѣвомъ военное собраніе 7 артиллерійской бригады. Во время баловъ залъ открывался и члены обоихъ собраній и гости, имѣющіе входные билеты, пользовались правомъ входа въ помѣщеніе обоихъ клубовъ, кромѣ особыхъ комнатъ, предназначенныхъ для карточной игры. Много лѣтъ оба собранія уживались мирно и не испытывали тѣсноты и неудобствъ, но въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ обывательскій клубъ почувствовалъ особую тѣсноту и неудобства помѣщенія двухъ собраній въ одномъ зданіи, поэтому совѣтъ старшинъ обывательскаго клуба поднялъ вопросъ о необходимости очистить помѣщеніе одному изъ собраній въ пользу другого и нашелъ справедливымъ оставить все помѣщеніе за тѣмъ собраніемъ, которое согласится платить за наемъ помѣщенія наивысшую плату, какую назначитъ администрація больницы св. Казиміра. Такъ какъ больница назначила высокую плату за все помѣщеніе подъ клубъ, то военное собраніе, не имѣвшее средствъ для оплаты всего огромнаго помѣщенія, принуждено было очистить занимаемую имъ часть зданія. Вся эта процедура могла быть объяснена назрѣвшими нуждами обывательскаго клуба, если бы радомскій общественный клубъ использовалъ очищенное для него помѣщеніе для своихъ нуждъ; но въ дѣйствительности оказалось, что обывательскій клубъ, выживши военное собраніе изъ занимаемаго имъ помѣщенія, не воспользовался имъ для своего расширенія, а, непосредственно по уходѣ военнаго собранія, отдалъ это помѣщеніе въ наймы подъ ресторанъ, съ уличною вывѣскою, которымъ пользовались не члены обывательскаго клуба, имѣвшіе собственный буфетъ, но всѣ жители Радома. Нельзя не признать, что военное собраніе было болѣе соотвѣтствующимъ для обывательскаго клуба сосѣдомъ, нежели ресторанъ, посѣщаемый всякою публикою, среди которой могли быть и элементы, способные нарушить въ ресторанѣ спокойствіе и благопристойность; но вытѣсненіемъ военнаго собранія обывательскій клубъ изолировалъ себя отъ русской среды, такъ какъ съ годами число русскихъ членовъ обывательскаго клуба начало значительно увеличиваться, а съ вытѣсненіемъ военнаго собранія изъ сосѣдняго съ обывательскимъ клубомъ помѣщенія, особенно послѣ того, когда однимъ предпринимателемъ было выстроено прекрасное помѣщеніе для военнаго собранія, русскіе члены обывательскаго клуба начали перекочевывать въ военное собраніе, русскія дамы начали появляться на балахъ только въ военномъ собраніи, гдѣ начали происходить и всѣ оффиціальныя

торжества, какъ встрѣча новаго года, парадные обѣды и проч. Такимъ образомъ рознь между радомскимъ польскимъ и русскимъ обществомъ начала расти все шире и шире. Въ прежнее время польскіе спектакли, концерты, благотворительные балы усердно и охотно посѣщались русскимъ обществомъ. Со времени возникновенія рѣзни между польскимъ и русскимъ обществомъ, русскіе люди начали платить полякамъ тѣмъ же равнодушіемъ, съ которымъ поляки почти всегда относились къ русскому искусству и благотворительнымъ увеселеніямъ, возникавшимъ по иниціативѣ русскаго общества и на цѣли русскихъ учрежденій. Къ чести русскаго общества надобно сказать, что даже и послѣ происшедшаго между польскимъ и русскимъ обществомъ охлажденія на почвѣ истиннаго искусства и выдающіяся артистическія силы польскаго театра, и представители искусствъ не встрѣчали равнодушія и отрицательнаго отношенія къ нимъ: русскіе не отказывались посѣщать представителей выдающихся артистовъ польскаго театра и искусствъ; но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о полякахъ—они вводили политику и въ литературное дѣло, и въ чистое искусство. Они не только игнорировали русское искусство, но какъ бы не признавали его, считая все, созданное русскими людьми, не заслуживающимъ ихъ вниманія; спектакли русскихъ труппъ, даже гастроли Императорской С.-Петербургской труппы, группы артистовъ Ге, Дальскаго, концерты всемірно извѣстной капеллы Славянскаго, Долиной и другихъ извѣстныхъ русскихъ артистовъ никогда, за самыми малыми исключеніями, не посѣщались польскою интеллигенціей.

Кстати скажу нѣсколько словъ о гастроляхъ Д. А. Славянскаго въ Радомѣ. Славянскій посѣтилъ Радомъ съ своею капеллою два раза; оба посѣщенія его, особенно первое, были въ періодъ расцвѣта его артистической дѣятельности. Въ послѣдній свой пріѣздъ Славянскій далъ два концерта, хоръ его пѣлъ въ гимназической церкви литургію; затѣмъ Славянскій былъ приглашенъ директоромъ гимназіи на завтракъ, и во время завтрака нашъ русскій бардъ много разсказывалъ о своихъ поѣздкахъ и преимущественно о судьбѣ задуманной имъ постройки въ Кіевѣ русскаго концертнаго дома и объ устройствѣ въ немъ русской консерваторіи. На устройство громаднаго концертнаго дома съ концертными залами, сценами и помѣщеніями для консерваторіи Славянскій истратилъ все свое состояніе и для окончанія постройки началъ нуждаться въ деньгахъ. Съ цѣлію изысканія денежныхъ средствъ Славянскій предпринималъ усиленныя турнэ по Россіи и за границею, но необходимыхъ для

окончанія дома рессурсовъ не хватало, предпріятію Славянскаго грозилъ крахъ; но въ это время, неожиданно для него самого, блеснула надежда на полученіе имъ средствъ изъ всемилостивѣйше жалуемой ему суммы. Въ январѣ 1894 года при Высочайшемъ дворѣ былъ грандіозный костюмированный балъ: присутствовавшія на балу лица были въ русскихъ національныхъ костюмахъ, великіе князья были въ царскихъ одѣяніяхъ временъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, во время бала былъ концертъ, пѣла капелла Славянскаго въ богатыхъ русскихъ костюмахъ. Капелла пѣла въ Николаевской залѣ не на хорахъ, а внизу. Во время одного изъ антрактовъ къ Славянскому приблизился Императоръ Александръ III, хвалилъ пѣніе, благодарилъ Славянскаго за его заслуги въ дѣлѣ развитія русской народной пѣсни и ознакомленія русскихъ людей и иностранцевъ съ русскою народною пѣснею, и при этомъ чуткій русскою душою ко всему русскому, Императоръ сказалъ Славянскому слѣдующія высокомилостивыя слова: „Я вашу полезную дѣятельность и ваше служеніе русскому искусству приравниваю къ службѣ государственной и за вашу дѣятельность полагаю назначить вамъ пенсію. Но я желалъ бы наградить васъ еще болѣе, не нуждаетесь ли вы въ чемъ-нибудь". Пользуясь случаемъ, Славянскій изложилъ Его Величеству краткую исторію о постройкѣ имъ въ Кіевѣ концертнаго дома и о недостачѣ у него средствъ на окончаніе его, и при этомъ выразилъ просьбу о всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи ему изъ государственныхъ средствъ получить заимообразно необходимую для окончанія дома ссуду, размѣръ которой онъ можетъ опредѣлить только по полученіи разсчета архитектора. Его Величество весьма одобрительно отнесся къ предпріятію Славянскаго и милостиво соизволилъ на отпускъ ему денегъ на окончаніе концертнаго дома и устройство консерваторіи и повелѣлъ подать объ этомъ записку министру императорскаго двора. Пока была подана записка и дѣло ходило по инстанціямъ, начали обнаруживаться тревожные симптомы состоянія здоровья Государя, затѣмъ Его Величество уѣхалъ въ Крымъ. Въ это время всѣмъ было не до Славянскаго.

Славянскій не терялъ надежды на полученіе ссуды и съ этою надеждою уѣхалъ въ продолжительное заграничное турнэ, между тѣмъ наступили сроки платежей по обязательствамъ, и въ бытность Славянскаго въ Испаніи домъ былъ проданъ съ публичныхъ торговъ и достался еврею Биску. Новымъ владѣльцемъ домъ достроенъ былъ по новому сокращенному плану:

вмѣсто грандіозныхъ залъ устроены залы со сценами въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, и въ настоящее время въ домѣ Славянскаго помѣщаются два клуба, кинематографъ и ресторанъ и жилыя квартиры. Извиняюсь предъ читателемъ, что отвлекся въ сторону и продолжаю разсказъ объ отчужденности поляковъ отъ всего русскаго.

Вообще въ отношеніи ко всему русскому поляки обнаруживаютъ мало понятную для интеллигентныхъ людей не только отчужденность, но какъ бы боязнь прикоснуться къ русской средѣ и участіемъ въ ней поколебать свой высокій патріотизмъ, требующій ненависти ко всему русскому, носящему національный характеръ, а тѣмъ болѣе боязнь усвоенія чего-либо специфическаго русскаго и даже пользованія несомнѣнно полезными русскими установленіями и обычаями. Когда при гимназіяхъ были открыты интернаты, изъ коихъ многіе, какъ, напримѣръ, радомскій, были великолѣпно обставлены, какъ въ отношеніи гигіеническомъ и удобствъ помѣщенія и обстановки, такъ и въ отношеніи содержанія учащихся и надзора за ними, то эти интернаты возбудили въ польскомъ обществѣ страшную боязнь, чтобы польскія дѣти, живя вмѣстѣ съ православными учениками, не усвоили русскихъ обычаевъ и не обрусѣли бы; интернаты поляки называли казармами и другими не особенно лестными эпитетами.

Такая боязнь руссификаціи проявлялась иногда въ ничтожныхъ мелочахъ, часто вопреки здравому смыслу. Населеніе Царства Польскаго не отличается чистоплотностью, такъ какъ о баняхъ населеніе не имѣетъ понятія. Только въ немногихъ городахъ, и то въ недавнее время, начали появляться общественныя русскія бани. Русское населеніе въ тѣхъ городахъ, гдѣ стояли войска, пользовалось обыкновенно офицерскими банями войсковыхъ частей, польское же населеніе въ городахъ пользовалось ваннами, доступными только болѣе зажиточному классу; въ немногихъ городахъ, преимущественно губернскихъ, простонародье пользовалось иногда народными банями, общими для мужчинъ и женщинъ. Такія патріархальныя бани были еще въ семидесятыхъ годахъ; я засталъ ихъ въ Петроковѣ и въ Радомѣ. До девятидесятыхъ годовъ въ Радомѣ не существовало приличныхъ общественныхъ бань. Въ виду того, что очень немногіе города стоятъ при рѣкахъ, да и населеніе польское не такъ любитъ купанье, какъ русскіе люди, не будетъ большимъ преувеличеніемъ сказать, что многіе поляки омываются водою въ нѣсколько лѣтъ разъ, *при святомъ крещеніи, да*

и то не вполнѣ. Въ правдоподобіи такого предположенія гимназія получила возможность убѣдиться съ открытіемъ интерната. Учениковъ общежитія начали водить въ ванны, но въ виду незначительнаго числа ваннъ очередное омовеніе совершалось медленно, вслѣдствіе этого, по совѣщанію съ гимназическимъ врачомъ, начали водить учениковъ общежитія, въ особые часы, въ баню, а затѣмъ, по рѣшенію педагогическаго совѣта, эта мѣра была распространена и на учениковъ, живущихъ на частныхъ ученическихъ квартирахъ и у родителей.

Выработаны были особыя правила: посѣщеніе бани было разрѣшено ученикамъ не иначе, какъ по осмотрѣ каждаго гимназическимъ врачомъ, учениковъ водили въ баню по-классно, въ особые дни и часы, когда въ баню посторонняя публика не допускалась; учениковъ сопровождали въ баню помощники классныхъ наставниковъ. Бани многимъ ученикамъ очень нравились. Но интересно было наблюдать, какую бурю негодованія возбудила эта мѣра гимназіи во многихъ родителяхъ учениковъ и какая масса посылалась медицинскихъ свидѣтельствъ, выданныхъ чуть-ли не консиліумомъ докторовъ мѣстныхъ и медицинскихъ знаменитостей о безусловномъ вредѣ и даже опасности для жизни и здоровья учащихся отъ посѣщенія бани, несмотря на то, что гимназическій врачъ не находилъ вреда и считалъ посѣщеніе бани полезнымъ. Весь этотъ сыръборъ загорѣлся изъ-за того, что мѣстное польское населеніе не привыкло къ банямъ, а для нѣкоторыхъ къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что баня специфически русское установленіе и пользованіе банею было для многихъ равносильно усвоенію русскихъ привычекъ и обычаевъ. Современемъ поляки примирились съ пользою бани. Я думаю, что было время, когда и русскій „samovar“ производилъ такую же сенсацію, какую произвела въ мое время въ Радомѣ „московская баня“.

Болѣзненный національный шовинизмъ поляковъ, касаясь часто обыденныхъ жизненныхъ явленій, проявлялся въ формахъ иногда рѣзкихъ, а иногда наивныхъ и малоосмысленныхъ: такъ правовѣрные поляки избѣгали бывать даже на польскихъ спектакляхъ въ высокоторжественные дни, потому только, что предъ началомъ спектаклей въ эти дни исполнялся народный гимнъ; въ Варшавѣ же, особенно въ девятидесятыхъ годахъ и позднѣе, когда начало у поляковъ обнаруживаться проявленіе тайной политической агитаціи, они не стѣснялись устраивать на этой почвѣ явныя демонстраціи. Прибывая въ театръ къ

началу спектакля, поляки прогуливались по фойэ и корридорамъ, пока не былъ исполненъ гимнъ, а какъ только оканчивалось исполненіе гимна, какъ бы по чьему-либо мановенію, толпы входили въ театръ и заполняли партеръ, ложи и галлерею. Производить подобныя демонстраціи на провинціи было небезопасно, но давать волю своимъ патріотическимъ вожделѣніямъ и не прощать отступникамъ отъ узкаго національнаго шовинизма можно было сколько угодно.

X.

Русскіе перипатетики.

Современная намъ школа отличается большою односторонностью: несмотря на то, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, она заботится только о развитіи душевныхъ способностей человѣка и оставляетъ въ полномъ пренебреженіи развитіе физическихъ силъ, забывая мудрое правило древнихъ: „Mens sana in corpore sano“. Даже можно сказать болѣе, школа не только не заботится о физическомъ развитіи подростающихъ поколѣній, но иногда прямо подрываетъ здоровье юношей и дѣтей: ученіе происходитъ въ переполненныхъ до невозможности учащимися душныхъ классахъ, лишенныхъ притока свѣжаго воздуха и правильной вентиляціи. Учащіеся проводятъ не менѣе пяти часовъ подъ рядъ въ душныхъ классахъ, почти безъ движенія, такъ какъ даже попытки малолѣтнихъ воспитанниковъ размять кости и побѣгать во время короткой пятиминутной перемѣны не только останавливаются надзирателями и воспитателями, но разсматриваются какъ нарушеніе тишины и порядка и поставляются учащимся въ вину.

Нѣкоторою заботою о физическомъ развитіи учащихся явилось введеніе преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ гимнастики и военныя прогулки, но и эти благія намѣренія не вездѣ достигаютъ своей цѣли, такъ какъ, несмотря на рекомендацію учебнаго начальства производить гимнастическія упражненія, по возможности, на свѣжемъ воздухѣ, это указаніе, по свойствамъ нашего климата, въ зимнюю пору не можетъ быть осуществляемо и гимнастическія упражненія происходятъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ учебныхъ заведеній, большею частью мало приспособленныхъ для этой цѣли, а иногда и прямо въ душныхъ и пыльныхъ корридорахъ и классахъ, такъ какъ только немногія учебныя заведенія имѣютъ спеціальныя и обширныя гимнастическія залы, подобно Радомской гимназіи.

Въ виду всего этого истинною школою перипатетиковъ явилось предпринятое школьною реформою Ванновскаго проведеніе въ учебныхъ заведеніяхъ системы практическаго изученія природовѣдѣнія и непосредственнаго наблюденія явленій природы и флоры и фауны.

„Главная цѣль преподаванія естествознанія въ низшихъ классахъ средней школы", по словамъ конспекта учебнаго плана для средней школы, „развивать въ дѣтяхъ способность наблюдать предметы, ихъ окружающіе, и явленія природы, доступныя ихъ пониманію; пріучать различать существенное отъ случайнаго, правильно обобщать свои наблюденія. Кромѣ того, естествознаніе имѣетъ цѣлью усилить и укрѣпить въ дѣтяхъ любовь къ природѣ и знакомить ихъ съ главнѣйшими явленіями и произведеніями природы, съ которыми тѣсно связана вседневная жизнь". Этой цѣли, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали экскурсіи учащихся въ лѣса, парки и сады для изученія природы. Отрадно было наблюдать, съ какимъ рвеніемъ и любовью относились дѣти къ этимъ экскурсіямъ и какую обнаруживали любознательность къ изученію природы, хотя разбревшись по лѣсу, дѣти не могли находиться подъ такимъ надзоромъ, какимъ пользовались они въ классѣ, но они не злоупотребляли отсутствіемъ за ними надзора, а всецѣло были поглощены данною имъ работою — собираніемъ и классификаціей экземпляровъ флоры и фауны. А съ какимъ вниманіемъ слушали они объясненіе учителя. Да, это была истинная школа перепатетиковъ. Если ужъ суждено было Ванновскому разрушить классическую систему образованія, жаль, что не удалось ему довести до конца предпринятую имъ реформу средней школы.

Направленію предпринятой Ванновскимъ реформы средней школы соотвѣтствовали и празднества древонасажденія. Опишу одно изъ такихъ празднествъ, устроенное Радомскою мужскою гимназіею осенью 1901 года. Считаю долгомъ сказать, что въ этомъ полезномъ и поучительномъ для учащихся дѣлѣ приняли участіе подлежащія мѣстныя власти. Управленіемъ государственныхъ имуществъ Радомской, Кѣлецкой, Люблинской и Сѣдлецкой губерній, при ближайшемъ содѣйствіи завѣдывающаго радомскимъ лѣсничествомъ Н. Ѳ. Зыбина, было отпущено для празднества древонасажденія для учащихся около 700 экземпляровъ древесныхъ породъ; городскимъ управленіемъ былъ отведенъ вблизи города обширный участокъ земли для посадокъ; гимназіей были пріобрѣтены лопаты и принадлежности

для древонасажденія, заказаны ярлыки для фамилій учениковъ, садившихъ деревья. Въ день праздника древонасажденія учащіеся, послѣ молебствія въ храмахъ, въ строевомъ порядкѣ, неся въ рукахъ по деревцу, а нѣкоторые съ лопатами и принадлежностями для древонасажденія, отправились на площадь древонасажденія, гдѣ предварительно заготовлено было около 700 ямъ для посадки деревьевъ. Воспитанники, подъ руководствомъ садовника и инструкторовъ изъ учениковъ, предварительно ознакомленныхъ съ пріемами древонасажденія, произвели посадку деревьевъ. По окончаніи праздника древонасажденія былъ исполненъ народный гимнъ, покрытый возгласами „ура", въ честь Государя Императора, по соизволенію Котораго введены въ учебныхъ заведеніяхъ празднества древонасажденія. Площадь древонасажденія была убрана флагами; учащимся была предложена холодная закуска, чай и сладости.

Празднества древонасажденія не только соотвѣтствовали цѣли реформы средней школы, предпринятой Ванновскимъ— возбуждали въ учащихся любовь къ природѣ, но и дѣлали произведенія природы, насажденныя учащимися древесныя породы, такъ сказать, объектомъ ихъ заботливости о растеніяхъ, любви и наблюденій. А развитіе такой любви къ природѣ въ русскихъ людяхъ крайне важно и необходимо; русскій человѣкъ относится къ древеснымъ насажденіямъ истинно по-варварски; у насъ рѣдко кто изъ простонародья пройдетъ мимо кустарника или дерева, чтобы не сорвать листочка или вѣточки, поэтому въ нашихъ общественныхъ садахъ и паркахъ не только кустарники, но и деревья на высотѣ роста человѣка стоятъ общипанныя и безъ листьевъ, и нельзя особенно удивляться газетному сообщенію о томъ, что деревенская дѣвочка, идя въ школу по дорогѣ, только наканунѣ обсаженной молодыми деревцами, у всѣхъ деревьевъ, на протяженіи двухъ верстъ, поломала верхнія вѣточки.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ радомскаго губернатора за 1901 годъ, по поводу объясненія, что „предуказанный Его Императорскимъ Величествомъ способъ возбужденія въ учащейся молодежи любви къ природѣ и чувства единенія съ нею путемъ устройства празднествъ древонасажденія имѣлъ въ отчетномъ году первое примѣненіе въ Радомской губерніи, въ которой учениками мѣстной гимназіи произведены на окраинахъ города обширныя посадки полезныхъ насажденій", Его Императорскому Величеству благоугодно было начертать: „Пріятно слышать, что мои указанія приносятъ добрые пло-

ды". Комитетомъ министровъ испрошено было Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе министерству внутреннихъ дѣлъ опубликовать приведенныя Высочайшія Его Императорскаго Величества отмѣтки во всеобщее свѣдѣніе.

XI.

Столѣтняя годовщина возстанія Килинскаго, страхи польской варѳоломеевской ночи и политическія броженія въ польскомъ обществѣ.

Политическія броженія въ Царствѣ Польскомъ начались въ 1886 г. Польскій писатель Эдуардъ Пильцъ въ своемъ сочиненіи „Народная демократія" (Narodowa demokratya) говоритъ, что около этого времени въ польскомъ обществѣ началась тайная политическая агитація въ польско-національномъ духѣ и къ началу девятидесятыхъ годовъ эта агитація достигла полнаго своего развитія. Политическую агитацію вела университетская молодежь, а главные руководители группировались около газеты „Glos". Въ 1894 году, послѣ закрытія газеты „Glos" и арестованія вожаковъ, часть ихъ уѣхала за границу и поселилась въ Краковѣ, Львовѣ и Швейцаріи. Кружокъ агитаторовъ, назвавшій себя „польскою лигою", поставилъ задачею своей дѣятельности „пробужденіе духа" при помощи электризующихъ массы празднованій „великихъ событій польской исторіи". Къ великимъ событіямъ отнесены: заговоръ Килинскаго, возстаніе Костюшко и др.

Заговоръ Килинскаго произошелъ въ Варшавѣ 17 апрѣля 1794 года. Польскіе патріоты, во главѣ съ сапожникомъ Килинскимъ, задумали 17 апрѣля 1794 года, во время нахожденія русскихъ войскъ въ церкви, на пасхальной заутренѣ совершить на нихъ внезапное нападеніе съ оружіемъ и перебить ихъ. Въ столѣтнюю годовщину этого кроваваго событія, 17 апрѣля 1894 года, какъ разъ пришлась православная пасха, и поляки начали распространять слухи и прокламаціи о томъ, что во время пасхальной заутрени будутъ перебиты всѣ „москали", какъ находящіеся въ церкви, такъ и оставшіеся по домамъ. Прокламаціями были засыпаны не только Варшава, Лодзь и другіе большіе города, но даже и незначительныя и часто захолустныя мѣстности, если въ нихъ стояли войска и было значительное число русскихъ чиновниковъ.

Не избѣгъ этой тревоги и Радомъ, и даже этотъ городъ

имѣлъ больше поводовъ тревожиться, нежели другіе города, такъ какъ соборная церковь этого губернскаго города помѣщалась въ зданіи мужской гимназіи, на второмъ этажѣ этого зданія, подъ которымъ, согласно народной молвѣ, находились подземные ходы, въ которые, согласно той же молвѣ, предполагалось проникнуть, подложить динамитъ и взорвать не только церковь съ богомольцами, но и все зданіе гимназіи. Версія о существованіи подземныхъ ходовъ подъ зданіями гимназіи не лишена была правдоподобія. Радомская мужская гимназія возникла изъ піарской школы, получившей начало въ 17 вѣкѣ, и помѣщалась въ зданіяхъ бывшей піарской школы. Не безъ основанія существуютъ преданія о подземныхъ ходахъ подъ зданіями католическихъ монастырей или между двумя сосѣдними монастырями, особенно если сосѣдними монастырями являются мужской и женскій монастырь; но подземные ходы подъ монастырскими зданіями Радомской мужской гимназіи могли существовать и по соображеніямъ, не имѣющихъ ничего общаго съ монастырскими наклонностями и удобствами, а по соображеніямъ, удовлетворяющимъ военнымъ потребностямъ. Зданія мужской гимназіи выходятъ на три улицы: Валовую, Старо-Краковскую и Рыночную (нынѣ гимназическая площадь) и съ четвертой стороны примыкаютъ къ частнымъ владѣніямъ.

Валовая улица свое названіе получила отъ того, что она возникла на мѣстѣ прежняго вала, устроеннаго на границѣ города, съ стратегическою цѣлью. На углу Валовой и Старо-Краковской улицы существовалъ крѣпостной фортъ. Первоначальныя зданія піарской школы состояли изъ трехъ отдѣльныхъ домовъ, пожертвованныхъ ордену піаровъ Вонсовичемъ; впослѣдствіи эти дома были соединены въ одно зданіе, при чемъ со стороны Валовой и Старо-Краковской улицы эти зданія примкнули къ одному изъ бывшихъ фортовъ, обращенному въ фундаментъ достроеннаго монастырскаго зданія, вслѣдствіе чего гимназическое зданіе имѣетъ въ этомъ мѣстѣ толщину стѣнъ отъ Старо-Краковской улицы около $1^1/_2$ аршинъ.

Второй фортъ находился въ концѣ площади, на противоположной сторонѣ ея; отъ него сохранилась незначительная часть въ видѣ стѣны. Говорили, что между обоими фортами существовалъ подземный ходъ, служившій во время возстанія 1863 года мѣстомъ для склада оружія повстанцевъ, но что этотъ ходъ, по распоряженію администраціи, былъ засыпанъ съ обѣихъ сторонъ и плотно замурованъ.

Въ виду слуховъ о существованіи подземныхъ ходовъ подъ зданіями гимназіи, директоромъ гимназіи тщательно были осмотрѣны всѣ погреба и подвалы, находящіеся подъ зданіями гимназіи, но нигдѣ не обнаружено никакихъ признаковъ подземныхъ ходовъ, о чемъ и сообщено было губернатору. Не довольствуясь сообщеніемъ директора, губернаторъ распорядился назначить особую комиссію, состоявшую изъ вице-губернатора барона Буксгевдена, губернскаго архитектора, полицеймейстера, правителя канцеляріи губернатора и директора гимназіи, для обслѣдованія зданій гимназіи и выясненія слуховъ о существованіи подъ ними подземныхъ ходовъ. Комиссія самымъ обстоятельнымъ образомъ осмотрѣла всѣ подвалы и погреба, изслѣдовала стѣны и почву погребовъ, посредствомъ ломовъ, но нигдѣ не найдено было никакихъ признаковъ существованія подъ зданіями гимназіи подземныхъ ходовъ. О результатахъ изслѣдованія составленъ былъ протоколъ и представленъ губернатору. Но это не успокоило взволнованное русское общество, и по мѣрѣ приближенія Пасхи нервность русскаго общества увеличивалась и хотя многіе изъ публики рѣшили не быть въ церкви на пасхальной заутренѣ, но продолжали безпокоиться за участь своихъ дѣтей, воспитанниковъ гимназіи, освободить которыхъ, на основаніи нелѣпыхъ слуховъ, отъ присутствованія въ церкви на богослуженіи на Пасху директоръ не находилъ возможнымъ и даже считалъ такое освобожденіе неприличною трусостью. По мѣрѣ того, какъ русское общество волновалось, польское общество твердило все настойчивѣе и настойчивѣе о существованіи подземныхъ ходовъ, а революціонные кружки, посредствомъ распространенія прокламацій, сгущали краски обѣщанныхъ на Пасху ужасовъ. Въ виду тревожныхъ слуховъ, губернаторъ поручилъ составленной имъ комиссіи вторично изслѣдовать зданія гимназіи, при чемъ не ограничиваться осмотромъ только погребовъ и подваловъ, но изслѣдовать почву по всему гимназическому двору. Когда начали изслѣдовать почву двора посредствомъ ударовъ желѣзными ломами, то въ одномъ мѣстѣ, близъ церкви бывшаго зданія костела, услышали особый звукъ, какъ бы указывающій на существованіе каменной кладки или пустого пространства. Начали погружать ломъ глубже и, послѣ продолжительныхъ и сильныхъ ударовъ о землю, ломъ провалился, и когда его вынули изъ глубины, то, къ удивленію комиссіи, на концѣ лома увидѣли слѣды жидкой извести. Сначала предположили было, что это могилы покойниковъ, которыхъ въ прежнее время

хоронили въ оградѣ монастыря, но когда начали копать въ этомъ мѣстѣ почву и на глубинѣ, приблизительно двухъ аршинъ, нашли каменные своды, то по изслѣдованію оказалось, что это были не могилы покойниковъ, а своды недостроеннаго зданія, такіе же точно, какіе находились и подъ зданіями бывшаго костела.

Изъ справокъ выяснялись слѣдующія данныя. Поселившіеся въ г. Радомѣ піары, несмотря на отписанныя имъ деревни Каптуръ и Янишевъ, не отличались богатствомъ: средствъ отъ бенефицій едва хватало на содержаніе школы и монастырскихъ зданій, поэтому монастырь не имѣлъ долгое время отдѣльнаго зданія для костела и богослуженія для учащихся отправлялись въ домовой каплицѣ, и только въ 1830 году монастырь приступилъ къ возведенію отдѣльнаго костела.

Костелъ предполагался довольно обширныхъ размѣровъ и долженъ былъ состоять изъ средней части съ главнымъ алтаремъ и боковыхъ каплицъ, и въ такомъ размѣрѣ онъ былъ заложенъ; но когда, въ 1831 году, началось польское возстаніе, притокъ пожертвованій сократился, то піары рѣшили отстроить одну среднюю часть храма, а боковыя части, покрытыя только сводами, засыпать, при чемъ въ подвалы засыпанной части храма былъ сложенъ оставшійся отъ постройки запасъ извести. Таково происхожденіе открытой губернаторской комиссіей части сводовъ на гимназическомъ дворѣ, близъ церкви; это открытіе еще разъ окончательно разъяснило циркулировавшіе въ городѣ слухи о существованіи подъ церковью, бывшей зданіемъ костела,—подземныхъ ходовъ.

Слухи о готовящемся во время пасхальной заутрени взрывѣ гимназической церкви не прекратились и послѣ этого, почему приняты были всѣ необходимыя мѣры предосторожности: по осмотрѣ комиссіей зданія гимназіи подвалы были опечатаны и входъ въ нихъ прекращенъ; во время пасхальной заутрени все зданіе гимназіи было оцѣплено взводомъ городовыхъ, для освященія пасокъ, происходившаго обыкновенно въ библіотечной залѣ, находящейся подъ церковію, отведены были корридоры, а входъ въ библіотеку закрытъ, дворъ былъ ярко освѣщенъ, а фронтовая часть зданія, по принятому обычаю, иллюминована. Послѣ богослуженія, присутствовавшія въ церкви лица, изъ числа администраціи и знакомыхъ директора, разгавливались у него такъ же спокойно, какъ и въ предыдущіе годы. Богослуженіе прошло съ обычною торжественностью, хотя нѣкоторые изъ нервныхъ русскихъ людей на богослуженіе не попли.

Нервничали, впрочемъ, не одни русскіе люди. Многіе поляки также опасались безпорядковъ и въ день пасхальной заутрени выѣхали изъ Радома. Опасенія не сбылись.

Безъ инцидентовъ прошелъ этотъ день и въ Варшавѣ и въ другихъ городахъ. Видимо, польскіе революціонеры задались цѣлію волновать русское общество, не имѣя въ виду повторить задуманную Килинскимъ, сто лѣтъ тому назадъ, рѣзню русскихъ солдатъ. Такой актъ былъ бы верхомъ безумія и грозилъ польскому обществу неисчислимыми бѣдствіями и репрессіями, да въ виду огромнаго числа русскихъ войскъ какъ въ Варшавѣ, такъ и въ различныхъ пунктахъ Привислинскаго края, былъ рѣшительно не возможенъ. Справедливость требуетъ сказать, что въ это время огромная часть польскаго общества еще не раздѣляла увлеченій польскихъ революціонеровъ и осуждала не только эти увлеченія, но и всякія вообще демонстраціи политическаго характера, которыя входили въ программу „польской лиги", какъ и празднованіе „великихъ событій польской исторіи".

Демонстраціи и празднованія событій польской исторіи вошли въ обиходъ особенно со времени празднованія столѣтней годовщины польской конституціи 1891 года, 3 мая. Ежегодно третьяго мая, польская учащаяся молодежь, студенты и отчасти гимназисты, устраивали какія-либо демонстраціи, состоявшія либо въ сборищахъ, либо въ пилигримствованіи въ Варшавѣ въ такъ называемую „Поморанчарню", къ памятнику конституціи 3 мая. Провинція не отставала отъ Варшавы, хотя дѣйствовала болѣе осторожно и скрытно. Впрочемъ, на первыхъ порахъ и Варшава дѣйствовала съ опаскою. Такъ, напримѣръ, при празднованіи годовщины 3 мая въ 1894 году, видимо, въ замѣнъ не удавшейся въ этотъ годъ демонстраціи по случаю юбилея Килинскаго, извѣщеніе о празднованіи годовщины 3 мая было напечатано въ „Варшавскомъ Курьерѣ" въ такой формѣ: „По случаю спасенія ребенка, родителями его 3 мая въ 11 часовъ, въ каѳедральномъ костелѣ св. Яна, будетъ отслужено благодарственное молебствіе, на которое симъ приглашаются друзья и знакомые". Богослуженіе вышло торжественное, друзей и знакомыхъ у неизвѣстныхъ родителей набралось видимо-невидимо, но никто не могъ придраться къ самому факту совершенія торжественнаго богослуженія неизвѣстными родителями, и только устроенная въ тотъ же день демонстрація студентами Варшавскаго университета выяснила настоящій смыслъ совершеннаго неизвѣстными родителями благодарственнаго молебствія.

Въ Радомѣ эта политическая демонстрація состоялась почти

недѣлей позже, послѣ того какъ изъ Варшавы получены были внушенія и инструкціи. Въ Варшавѣ молились за здравіе, а въ Радомѣ за упокой была совершена панихида, что болѣе соотвѣтствовало дѣйствительной природѣ факта, такъ какъ конституцію 3 мая, какъ не осуществившуюся въ жизни поляковъ, приличнѣе было поминать за упокой, нежели молиться о здравіи. Панихида по поводу 3 мая задумана была въ Радомѣ болѣе хитро и естественно, нежели въ Варшавѣ благодарственное молебствіе „по оцалёнемъ дзѣцку". За нѣсколько дней до 3 мая въ Радомѣ умеръ довольно видный чиновникъ. У поляковъ, въ виду большихъ расходовъ, сопряженныхъ съ выносомъ покойниковъ въ костелъ, отпѣваніе въ костелѣ рѣдко происходитъ, а обыкновенно покойника изъ дому перевозятъ на кладбище, и только на другой день въ костелѣ совершается заупокойная литургія и панихида по покойникѣ. Вопреки принятому обычаю, заупокойная литургія по умершемъ предъ 3 мая радомскомъ чиновникѣ назначена была не на другой день послѣ похоронъ, а на третій день, о чемъ по городу, по принятому въ Польшѣ обычаю, и расклеены были траурныя объявленія. Эта необычность назначенія поминовенія по покойникѣ не обратила на себя ничьего вниманія, кромѣ тѣхъ, кому понятенъ былъ истинный смыслъ ея. Сталъ ясенъ смыслъ этого и директору Радомской гимназіи послѣ того, какъ нѣкоторые ученики гимназіи получили по городской почтѣ отпечатанныя на машинѣ письма, заключавшія въ себѣ приглашенія быть въ указанный день, въ 10 часовъ утра, на заупокойномъ богослуженіи въ побернардинскомъ монастырѣ, и одинъ изъ родителей ученика обратился къ директору за совѣтомъ, какъ слѣдуетъ отнестись его сыну къ означенному приглашенію.

Не предполагая запрещать ученикамъ присутствовать на вышеупомянутомъ богослуженіи, такъ какъ собственно оно было оглашено поминальнымъ богослуженіемъ по скончавшемся на дняхъ мѣстномъ чиновникѣ, директоръ рѣшилъ предупредить только чрезмѣрное скопленіе учащихся въ костелѣ, что было возможно въ виду случившагося въ этотъ день неучебнаго времени, и не допустить участіе учениковъ въ какой-либо демонстраціи, чего можно было ожидать въ виду происшедшей на дняхъ демонстраціи учащихся въ Варшавѣ, вслѣдствіе этого въ день сказанной панихиды директоръ гимназіи предпринялъ съ инспекторомъ А. Д. Поповымъ прогулку по аллеямъ, окружающимъ бернардинскій монастырь. Когда наступило время богослуженія, въ костелъ повалила вся мѣстная польская интелли-

генція, преимущественно дамы, въ траурныхъ платьяхъ, и какъ мыши повыползли со всѣхъ окрестныхъ улицъ, по направленію къ костелу, воспитанники гимназій; но большинство изъ нихъ, завидѣвъ директора и инспектора, возвращались обратно, и только болѣе смѣлые невозмутимо шли въ костелъ. Нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ директоръ останавливалъ, разспрашивалъ, были ли они знакомы съ покойникомъ, по которомъ служится панихида; тѣмъ, которые заявляли, что они не были знакомы съ покойникомъ, а идутъ въ костелъ помолиться, директоръ совѣтовалъ для молитвы лучше идти въ ерарный костелъ, такъ какъ въ бернардинскомъ монастырѣ большое скопленіе народа, но никому не препятствовалъ входить въ монастырскій костелъ, однако же командировалъ въ костелъ помощника классныхъ наставниковъ Стадницкаго, католика, человѣка очень тактичнаго и толковаго, которому поручилъ наблюдать за учениками, при выходѣ ихъ изъ костела, такъ какъ имѣлъ свѣдѣнія, что, по окончаніи богослуженія, ученики намѣревались, по примѣру студентовъ и воспитанниковъ варшавскихъ гимназій, выстроиться у костела въ пары и пройти по городу торжественнымъ маршемъ.

Богослуженіе въ костелѣ, несмотря на преднамѣренную его помпезность, прошло безъ всякихъ инцидентовъ, и ученики не только не исполнили своего намѣренія двинуться отъ костела стройными рядами, но при появленіи Стадницкаго въ костелѣ, вообразивъ, что онъ составитъ списокъ присутствующихъ въ костелѣ воспитанниковъ, многіе изъ нихъ скрылись въ сакристіи (ризницѣ), гдѣ, впрочемъ, не всѣ считали себя въ безопасности, и нѣкоторые, вѣроятно, чувствовавшіе себя наиболѣе скомпрометтированными въ этой затѣѣ, какъ агитаторы среди воспитанниковъ, скрылись въ квартирѣ ксендза и были спрятаны имъ въ укромныхъ мѣстахъ. Однако же, этотъ день не прошелъ безъ манифестаціи со стороны учащихся. Сосредоточивъ свое вниманіе въ окрестностяхъ костела и въ центральныхъ частяхъ города, директоръ упустилъ изъ виду городской садъ. Когда окончилось богослуженіе въ костелѣ, ученики, какъ бывшіе въ костелѣ, такъ и тѣ, которые побоялись идти въ костелъ, направились въ городской садъ, собрались на главной аллеѣ сада, построились въ ряды и торжественно прошли по главной аллеѣ сада и, за неимѣніемъ въ г. Радомѣ памятниковъ, связанныхъ съ воспоминаніемъ 3 мая, совершили пилигримство мимо воображаемаго польскаго памятника — искусственныхъ развалинъ замка королевы Боны,

устроеннаго губернаторомъ Анучинымъ въ одной изъ аллей, въ видахъ украшенія сада.

Въ послѣдующіе годы, когда склонность поляковъ къ политическимъ манифестаціямъ стала увеличиваться все болѣе и болѣе, и во главѣ исполнителей этихъ манифестацій, какъ это всегда бываетъ у поляковъ, стояла учащаяся молодежь, начальству разнаго рода учебныхъ заведеній эти манифестаціи доставляли не мало хлопотъ и въ достаточной степени нарушали мирный ходъ учебнаго дѣла. Молодежь обнаруживала большую изобрѣтательность и разнообразіе въ формахъ манифестацій. Когда торжественныя шествія по городу подверглись преслѣдованіямъ и карамъ со стороны учебнаго начальства, учащаяся молодежь начала носить цвѣтные галстуки въ дни польскихъ манифестацій. Когда подверглось преслѣдованію и ношеніе цвѣтныхъ галстуковъ, какъ нарушеніе установленной гимназической формы, они начали надѣвать черныя перчатки; когда же и черныя перчатки подверглись запрещенію, воспитанники примирились и съ установленными гимназическою формою замшевыми перчатками и надѣвали ихъ въ нарочитые польскіе дни. Были, впрочемъ, и болѣе вредныя и болѣе злонамѣренныя формы проявленія учащимися польскаго патріотизма. Такъ въ послѣдніе годы сильно былъ распространенъ между гимназистами обычай носить гимназическія фуражки съ надломленными металлическими гербами. Долгое время воспитанники оправдывались случайностью поломки гербовъ; когда же эта случайность приняла массовый характеръ, начали объяснять поломку лавровъ на фуражкахъ шалостью товарищей или выраженіемъ ихъ враждебныхъ отношеній; на указаніе же, что всѣ поломки имѣютъ опредѣленный систематическій характеръ, въ верхней части герба, и всегда съ лѣвой стороны, ученики выражали свое недоумѣніе и съ наивностью разсказывали, какъ искусно и хитро кто-то портитъ металлическіе гербы, и съ такою ловкостью, что они не могутъ поймать виновнаго. Но ларчикъ просто открывался: ношеніе надломленныхъ гербовъ на гимназическихъ фуражкахъ было знакомъ ношенія траура „по ойцизнѣ“. Надломленные лавры встрѣчались не у всѣхъ учениковъ, а только у тѣхъ, кто желалъ носить трауръ, хотя, впрочемъ, иногда ломали лавры на гимназическихъ фуражкахъ и у тѣхъ учениковъ, которые не сочувствовали манифестаціямъ, даже посягали и на фуражки православныхъ учениковъ, чтобы сбить съ толку гимназическое начальство.

Проявленія польскаго шовинизма и націоналистическихъ

стремленій поляковъ въ разсматриваемое время не принимаютъ еще систематическаго массоваго характера, а проявляются время отъ времени, подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій, въ моменты интенсивности этихъ воздѣйствій; но когда внѣшнихъ возбужденій нѣтъ, жизнь идетъ еще почти нормальнымъ ходомъ, а по временамъ часть польскаго общества обнаруживала лояльность чувствъ и лояльность настроенія. Такую лояльность часть польскаго общества проявила во время коронаціонныхъ торжествъ и пріѣзда въ Варшаву Государя Императора.

Подъемъ духа по случаю коронаціонныхъ торжествъ и пріѣзда въ Варшаву Государя Императора были почти послѣднимъ проявленіемъ лояльныхъ чувствъ части польскаго общества. Послѣ этихъ событій, не оправдавшихъ призрачныхъ надеждъ поляковъ на дарованіе имъ автономныхъ и націоналистическихъ милостей, въ польскомъ обществѣ усиливается проявленіе патріотическихъ ихъ стремленій, а притаившіеся на время революціонные элементы усиливаютъ свою дѣятельность и подъ вліяніемъ ихъ, а, главнымъ образомъ, возвѣщеннаго не во время наступленія „весны“ княземъ Святополкомъ-Мирскимъ и послѣдовавшей затѣмъ перемѣны курса русской политики въ Царствѣ Польскомъ въ умахъ поляковъ происходитъ раньше, нежели въ умахъ русскихъ, помраченіе и глухое движеніе въ Царствѣ Польскомъ начинается раньше, нежели возникло открытое революціонное движеніе въ Имперіи и во главѣ этихъ броженій, какъ это всегда бываетъ у поляковъ, становится учащаяся молодежь, сперва студенты, а за ними и гимназисты, а выступленіе гимназистовъ на политическую арену всегда у поляковъ служитъ признакомъ скораго наступленія серьезныхъ политическихъ замѣшательствъ въ краѣ.

XII.

Перемѣна курса русской политики въ Царствѣ Польскомъ.

Перемѣны курса въ русской политикѣ поляки ждали съ момента воцаренія Императора Николая II, при чемъ жаждали великихъ и богатыхъ милостей, до автономіи включительно, а правительство начало съ поблажекъ полякамъ, которыя ихъ не удовлетворили, а только поколебали и разрушили, къ счастью временно, все созданное въ теченіе тридцатилѣтняго періода русскихъ реформъ въ Царствѣ Польскомъ. Крушеніе прежняго режима въ Царствѣ Польскомъ началось съ момента назначенія князя Имеретинскаго на постъ варшавскаго гене-

ралъ-губернатора. Этотъ постъ Имеретинскій согласился принять при условіи, если послѣдуетъ увольненіе попечителя Варшавскаго учебнаго округа Апухтина. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 29-й день января 1897 года, попечителю Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительному тайному совѣтнику Апухтину Всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Хотя въ весьма милостивомъ Высочайшемъ манифестѣ на имя Апухтина Его Величествомъ выражено желаніе, чтобы преемники Апухтина „твердо и неуклонно охраняли начала, кои положены имъ въ основу воспитанія польскаго юношества", однако же, въ силу сложившихся обстоятельствъ и благодаря новому курсу политики въ Царствѣ Польскомъ, произошло хотя и временное но полное крушеніе учебнаго дѣла въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.

Колебаніе прежняго режима школы возникло, какъ подъ вліяніемъ новаго курса русской политики въ Царствѣ Польскомъ, такъ и вслѣдствіе нѣкоторыхъ реформъ и распоряженій, подрывавшихъ въ корнѣ прежніе устои школы.

Задачею дѣятельности князя Имеретинскаго явилось не только удовлетвореніе жизненныхъ культурныхъ нуждъ, но и угодничество полякамъ, удовлетвореніе и такихъ ихъ требованій, которыя явно противорѣчили общегосударственнымъ задачамъ и установленному прочному режиму края.

Принятыя первоначально мѣры, касавшіяся дарованія польскому обществу нѣкоторыхъ національныхъ и культурныхъ нуждъ, при впечатлительности и требовательности поляковъ, не только колебали прежній режимъ, но и возбуждали въ нихъ несбыточныя надежды. Эти мѣры были: усиленіе преподаванія польскаго языка въ школѣ; отмѣна или, лучше сказать, игнорированіе распоряженія объ употребленіи въ стѣнахъ среднихъ учебныхъ заведеній въ разговорѣ русской рѣчи; отмѣна общей классной молитвы на русскомъ языкѣ.

Къ фактамъ, способствовавшимъ развитію польскаго національнаго самочувствія, слѣдуетъ отнести—открытіе памятника Мицкевичу въ Варшавѣ, что вмѣстѣ съ возвѣщеніемъ наступленія весны въ Россіи, колебаніемъ курса политики въ Привислинскомъ краѣ, слабостью русской власти вообще и угодничествомъ ея передъ княземъ Имеретинскимъ въ Варшавѣ и на провинціи, возбуждало поляковъ, окрыляло ихъ, давало имъ смѣлость не только заявлять о своихъ культурныхъ нуждахъ, но и требовать осуществленія ихъ.

9 декабря 1872 г. послѣдовало распоряженіе министра народнаго просвѣщенія объ употребленіи воспитанниками среднихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа и всѣми служащими, въ стѣнахъ заведенія, русской рѣчи. Требованіе объ употребленіи воспитанниками, въ стѣнахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ разговорѣ русской рѣчи преслѣдовало не какія-либо политическія цѣли, а цѣли чисто учебныя. Такъ какъ языкъ русскій есть языкъ государственный и отъ русскихъ подданныхъ, прошедшихъ школу, требуется не только теоретическое, но и практическое знаніе его, а это послѣднее, имѣя въ виду то, что поляки въ школѣ русской рѣчи не употребляли,—не могло быть достигнуто однимъ теоретическимъ изученіемъ русскаго языка и перефразировкою или дословною передачею на урокѣ книжнаго текста, министерствомъ было установлено требованіе, чтобы, съ цѣлью усовершенствованія въ практическомъ употребленіи русской рѣчи, учащіеся употребляли бы въ стѣнахъ заведенія въ разговорѣ русскую рѣчь. Мѣра эта вполнѣ раціональна съ практической точки зрѣнія. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ закрытыхъ, такъ и открытыхъ, гдѣ хотятъ достигнуть практическаго знанія извѣстнаго языка, требуется употребленіе его въ разговорной рѣчи въ стѣнахъ заведенія. Даже въ частныхъ польскихъ женскихъ пансіонахъ требуется, въ стѣнахъ заведенія, употребленіе разговорной рѣчи на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Съ мѣрою употребленія въ стѣнахъ учебныхъ заведеній въ разговорѣ русской рѣчи населеніе вполнѣ свыклось, тѣмъ болѣе, что отступленіе учащихся отъ этого требованія не влекло за собою никакихъ особыхъ карательныхъ мѣръ, а ограничивались напоминаніями, совѣтами, и только упорныя игнорированія требованія о разговорной рѣчи въ стѣнахъ среднихъ учебныхъ заведеній вызывали дисциплинарныя мѣры въ родѣ назначенія заучиванія наизусть нѣсколькихъ строкъ русскаго стихотворенія или пересказа содержанія небольшой статьи изъ христоматіи, и въ рѣдкихъ случаяхъ уменьшеніе отмѣтки по поведенію, какъ за нарушеніе установленныхъ для учениковъ правилъ. Если при новомъ курсѣ запрещеніе употребленія въ стѣнахъ учебныхъ заведеній въ разговорѣ польской рѣчи считали нарушеніемъ національныхъ правъ поляковъ, то слѣдовало требованіе это отмѣнить и оффиціально объявить объ отмѣнѣ этой мѣры, какъ, яко бы, не достигающей надлежащей цѣли. Но этого не сдѣлали, а съ уходомъ въ отставку Апухтина, при новыхъ вѣяніяхъ, воспитанники гимназій, особенно въ Варшавѣ,

въ видѣ пробнаго шара, начали сперва нарушать требованіе объ употребленіи въ разговорѣ русской рѣчи, а потомъ сплошь перестали употреблять въ разговорѣ русскую рѣчь. Когда нѣкоторые директора гимназій, видя въ этихъ проступкахъ учениковъ демонстративное игнорированіе русской рѣчи, начали принимать дисциплинарныя мѣры, временно управлявшій учебнымъ округомъ, помощникъ попечителя, бывшій при Апухтинѣ глубокимъ русскимъ патріотомъ, началъ приглашать къ себѣ такихъ директоровъ и, въ угоду Имеретинскому, внушалъ имъ, что нельзя требовать отъ польскихъ дѣтей, чтобы они не употребляли въ разговорѣ въ учебныхъ заведеніяхъ своей „материнской рѣчи“. И ученики польскихъ гимназій упразднили русскую разговорную рѣчь и демонстративно обращались къ начальству и своимъ русскимъ наставникамъ съ польскою рѣчью. Развѣ это не подрывало установленнаго режима и школьной дисциплины?

Еще большія послѣдствія имѣло мѣсто распоряженіе о классной молитвѣ. Относительно классной молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія въ учебныхъ заведеніяхъ Вершавскаго учебнаго округа практиковался слѣдующій порядокъ. Передъ началомъ уроковъ и по окончаніи ихъ, одинъ изъ очередныхъ учениковъ христіанскаго исповѣданія, безразлично, православный, католикъ или лютеранинъ, читалъ установленныя молитвы предъ ученіемъ: „Преблагій Господи“, а по окончаніи уроковъ: „Благодаримъ Тебе, Создателю нашему“. Каждый изъ учениковъ молился по обрядамъ своего исповѣданія: ученики католическаго исповѣданія становились на колѣни, православные и лютеране выслушивали молитвы стоя, всѣ обратившись лицомъ къ иконѣ; даже евреи во время молитвы оставались въ классѣ, стоя на своихъ мѣстахъ въ скамейкахъ. Въ классахъ развѣшены были, въ красномъ углу, иконы только Спасителя и Матери Божіей, преимущественно Ченстоховской Божіей Матери, одинаково чтимой и православными и католиками.

Такой порядокъ чтенія молитвы такъ твердо установился, что не вызываетъ никакихъ недоразумѣній, и въ теченіе всего продолжительнаго времени службы моей въ Царствѣ Польскомъ, я не знаю ни одного случая неуважительнаго отношенія къ такому порядку.

Въ самомъ началѣ 1897/8 учебнаго года получено было совершенно неожиданно слѣдующее сообщеніе попечителя Варшавскаго учебнаго округа: „Государь Императоръ, въ 25 день іюня 1897 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Обязательное и принудительное посѣщеніе въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства учениками иновѣрцами православнаго богослуженія по торжественнымъ днямъ повсемѣстно отмѣнить.

2) Общую для всѣхъ учениковъ христіанъ предклассную молитву въ тѣхъ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, гдѣ имѣется значительное число иновѣрцевъ, замѣнить отдѣльною молитвою по исповѣданіямъ, сообразно правиламъ каждаго исповѣданія.

Сообщивши Высочайшее повелѣніе, ни министръ народнаго просвѣщенія, ни учебный округъ не сдѣлали никакихъ указаній, какую читать молитву съ учениками католиками и лютеранами, поэтому учебныя заведенія предоставлены были собственному разумѣнію, и между ними, даже въ предѣлахъ одного города, не одинаково практиковалось распоряженіе о классной молитвѣ. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ до полученія подробныхъ разъясненій относительно классныхъ молитвъ оставленъ прежній порядокъ чтенія этихъ молитвъ; въ большинствѣ учебныхъ заведеній читали молитвы только для православныхъ учениковъ, учениковъ же прочихъ исповѣданій оставляли совершенно безъ молитвы, при чемъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Радомской женской гимназіи, передъ чтеніемъ молитвы съ православными учащимися, предлагалось учащимся прочихъ исповѣданій выйти изъ класса и пока православные читали молитву, учащіеся прочихъ исповѣданій или стояли у классныхъ дверей и достаточно шумѣли, въ ожиданіи впуска ихъ въ классъ, или бродили по корридору. Въ Радомской мужской гимназіи принятъ былъ порядокъ наименѣе подрывающій авторитетъ православной религіи: предъ началомъ уроковъ ученики собирались, какъ и обыкновенно, по классамъ, православные же ученики сходились въ актовомъ залѣ гимназіи, гдѣ, въ присутствіи директора, инспектора и преподавателей православнаго исповѣданія, ученики пѣли молитву предъ ученіемъ; если въ залѣ присутствовалъ законоучитель, то онъ читалъ дневное евангеліе. Къ концу молитвы православныхъ учениковъ преподаватели, имѣющіе первый урокъ, входили въ соотвѣтственные классы на свой урокъ и предлагали ученикамъ перекреститься и совершить тихую молитву, затѣмъ дѣлали ученикамъ перекличку и, по приходѣ въ классъ православныхъ учениковъ, начинался урокъ. Послѣ уроковъ ученики католики перекрестившись расходились по домамъ, а православные собирались въ актовой залѣ на молитву. Такой порядокъ продол-

жался почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока учебнымъ начальствомъ, по соглашенію съ представителями римско-католическаго и лютеранскаго исповѣданія, не былъ установленъ текстъ молитвы, а въ это время, на почвѣ осуществленія распоряженій о новомъ порядкѣ чтенія классной молитвы, возникло не мало различныхъ инцидентовъ, и въ этомъ отношеніи впереди всѣхъ учебныхъ заведеній шли варшавскія гимназіи.

Такъ какъ новымъ порядкомъ чтенія молитвъ вмѣсто общей классной молитвы установлены отдѣльныя молитвы по исповѣданіямъ, то во многихъ учебныхъ заведеніяхъ ксендзы потребовали, чтобы въ классахъ были поставлены римско-католическія иконы или кресты, при чемъ выражено было требованіе, чтобы католическія иконы и кресты поставлены были не въ красномъ углу, рядомъ съ православными иконами, а отдѣльно, посреди передней стѣны, и начальство учебныхъ заведеній принуждено было исполнять это требованіе, а въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ вынесены были прежнія иконы общепринятаго письма и замѣнены иконами Ченстоховской Божіей Матери, а гдѣ начальство гимназіи не успѣвало съ надлежащею скоростью осуществить новыя религіозныя требованія, появлялись неизвѣстно кѣмъ повѣшенные въ классахъ кресты и католическія иконы, а въ Варшавской гимназіи на Прагѣ произошелъ иконоборческій эпизодъ даже чудодѣйственнаго характера—въ одну ночь православныя иконы неизвѣстно кѣмъ были унесены изъ классовъ, и на мѣсто ихъ поставлены иконы римско-католическаго письма. Въ Радомской мужской гимназіи на этой почвѣ не возникало никакихъ недоразумѣній, благодаря тому, что оба законоучителя римско-католическаго исповѣданія, каноникъ Урбанскій и ксендзъ Граевскій не отличались узкою религіозною нетерпимостью и религіознымъ фанатизмомъ.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти инциденты, обязанные своимъ возникновеніемъ тому, что своевременно не были преподаны подробныя и точныя распоряженія, способствовали бы укрѣпленію престижа православной религіи и школьнаго режима. Полученныя, по истеченіи довольно продолжительнаго времени, разъясненія относительно чтенія молитвъ и текстъ самыхъ молитвъ, хотя установили въ этомъ дѣлѣ извѣстный порядокъ и однообразіе, но не внесли единенія и мира въ учебную среду, потому что рѣзко выяснялся тотъ фактъ, что даже испрошеніе Божія благословенія на общее для всѣхъ учащихся дѣло—моленіе о дарованіи разумѣнія и просвѣтленіи ума и сердца необ-

ходимо совершать отдѣльно, по исповѣданіямъ, а католику не слѣдуетъ присутствовать совмѣстно съ православнымъ на молитвѣ. Новыми правилами классныя молитвы оставлены были прежнія, только текстъ молитвы для католиковъ былъ переведенъ на польскій языкъ; препровождена на нѣмецкомъ языкѣ молитва для лютеранъ и кальвиновъ; совершенно оставлены безъ молитвы евреи.

Чтеніе молитвы по исповѣданіямъ доставляло не мало хлопотъ учебному начальству—по наблюденію за своевременнымъ чтеніемъ молитвъ и своевременнымъ входомъ учащихся на урокъ; а также это распоряженіе для многихъ учебныхъ заведеній, не отличающихся обширностью своихъ зданій, представляло и практическія неудобства при распредѣленіи вѣроисповѣдныхъ группъ по отдѣльнымъ помѣщеніямъ. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ или въ видахъ приданія большей торжественности чтенію католической молитвы или изъ желанія буквально исполнить постановленіе о чтеніи молитвъ по исповѣданіямъ, собирали въ актовой залѣ учениковъ католиковъ, а прочія меньшія группы размѣщали по другимъ соотвѣтственнымъ помѣщеніямъ. Но двукратное въ день перемѣщеніе по коридорамъ большой группы учащихся, численностью часто свыше 500 человѣкъ, отнимало много времени, доставляло неудобства въ гигіеническомъ отношеніи, такъ какъ учащіеся, двигаясь по учебнымъ помѣщеніямъ большими массами, подымали столбы пыли; поэтому въ Радомской мужской гимназіи чтеніе молитвы по исповѣданіямъ производилось болѣе удобнымъ и болѣе упрощеннымъ способомъ.

Предъ уроками католики собирались по принадлежности классовъ и при входѣ въ классъ очередного учителя, безъ различія исповѣданія его, читалась ученикомъ католикомъ установленная молитва; православные и лютеране, по окончаніи чтенія молитвы въ особыхъ помѣщеніяхъ, входили въ классъ на урокъ; послѣ чтенія молитвы въ классѣ входили въ классъ также и ученики іудейскаго закона вѣры. По окончаніи уроковъ православные, лютеране и евреи выходили изъ класса и отправлялись первые и вторые на молитву, а послѣдніе по домамъ, ученики же католики, тоже въ присутствіи очередного преподавателя, читали молитву послѣ ученія. Такимъ образомъ въ Радомской гимназіи передвигалась меньшія группы, при чемъ православные собирались въ актовой залѣ, а лютеране въ ближайшемъ свободномъ помѣщеніи, чѣмъ устранялась трата времени на передвиженіе большихъ группъ, неиз-

бѣжный при такихъ передвиженіяхъ шумъ и столбы пыли отъ движенія большихъ массъ.

Съ теченіемъ времени, когда въ Царствѣ Польскомъ началось броженіе, чтеніе молитвъ по исповѣданіямъ породило среди учениковъ католиковъ инциденты на политической почвѣ. Хотя тексты молитвъ для учениковъ всѣхъ исповѣданій были отпечатаны гимназіей и розданы учащимся по принадлежности исповѣданій и экземпляры молитвъ развѣшены по классамъ и въ помѣщеніяхъ, гдѣ происходило чтеніе молитвъ, но въ указанное выше время, среди учениковъ католиковъ, подъ вліяніемъ постороннихъ агитацій, явилась тенденція измѣнять текстъ молитвъ пропускомъ словъ, заключающихъ въ себѣ моленіе за Государя. Свой проступокъ учащіеся оправдывали тѣмъ, что въ текстѣ молитвы для православныхъ учениковъ нѣтъ моленія за Государя. Хотя текстъ классныхъ молитвъ для учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго округа установленъ послѣ сношенія духовныхъ и административныхъ властей, но въ текстѣ ихъ сдѣлано упущеніе. Въ молитвѣ послѣ ученія есть выраженіе: „Благослови нашихъ начальниковъ, родителей и учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага“, но на практикѣ вошло въ обиходъ, что ученики въ текстъ вносили моленіе за Государя: „Благослови Государя, нашихъ родителей и учителей“. Власти, при редактированіи текста молитвъ, не внесли почему-то въ молитву для православныхъ учениковъ моленіе за Государя, а внесли таковое моленіе въ текстъ молитвы для католиковъ и лютеранъ.

И этотъ недосмотръ породилъ инциденты во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа. Къ счастью, въ Радомской гимназіи инцидентъ на этой почвѣ не принялъ крупныхъ размѣровъ. Когда до свѣдѣнія директора гимназіи дошло, что ученики пропускаютъ въ классной молитвѣ моленіе за Государя, то онъ просилъ законоучителя и тѣхъ учителей, на урокахъ которыхъ ученики будутъ допускать въ классныхъ молитвахъ умышленный пропускъ, дѣлать воспитанникамъ соотвѣтственныя вразумленія и наставленія съ предостереженіемъ о доведеніи ими до свѣдѣнія его, директора, объ ихъ винѣ, и затѣмъ распорядился, чтобы классныя молитвы читались непремѣнно по печатному тексту, и тѣмъ этотъ инцидентъ былъ исчерпанъ; въ нѣкоторыхъ же гимназіяхъ ученики вступали въ дебаты съ начальствомъ по поводу текста молитвы, обнаруживали упорство въ этомъ вопросѣ, и начальство гимназіи при-

нуждено было принимать репрессивныя мѣры противъ виновныхъ учениковъ.

Не осталось безъ вліянія на возбужденіе націоналистическихъ надеждъ польскаго общества и распоряженіе *о болѣе прочной постановкѣ преподаванія польскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.* По уставу 1871 года число уроковъ польскаго языка было ограничено 12 уроками, безъ приготовительнаго класса, и польскій языкъ сдѣланъ предметомъ, преподаваемымъ только для желающихъ. Уставомъ 1871 года польскій языкъ былъ поставленъ въ то же положеніе, въ какое былъ поставленъ уставомъ 1862 года русскій языкъ.

В. Г. Смородиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Журнальный фонд
Московской обл. библиот

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12-го іюня по 7-е августа 1914 г.

Андрей, инокъ. Житіе Святителя Питирима, Епископа Тамбовскаго. Спб. 1913. Изд. Всероссійскаго Націон. Клуба (Французская наб., 8). Тип. М. И. Акинфіева (Басковъ пер., 10). 8⁰ (14 × 20). 16 стр. съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 5.200 экз.

Бимманъ, А. Б. Исторія банковъ. Историческое развитіе банковъ въ Россіи и за границей съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Подъ ред. Мих. Птуха. Спб. 1914. Изд. книгоизд. Кругъ Самообразованія (Невскій, 72). Тип. Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера (Екатерининскій кан., 94). 16⁰ (14 × 18). 116 стр. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Божеряновъ, И. Н. Дѣтство, воспитаніе и лѣта юности русскихъ Императоровъ. Спб. 1914. Изд. Общества попеченія о безпріютныхъ дѣтяхъ. Тип. А. Бенке (Новый пер., 2). 4⁰ (29 × 38). 128 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 ф. 22 л. 4.500 экз.

Введенскій, В. Православныя церковныя братства (1864 г.—8 мая 1914 г.). Спб. 1914. Тип. Синодальная. 8⁰ (18 × 26). 26 стр. Вѣсъ 4 л. 40 экз.

Введенскій, Д. И. Патріархъ Іосифъ и Египетъ (Опытъ согласованія данныхъ Библіи и Египтологіи). Съ 63 снимк. съ егип. пам. въ текстѣ и съ 17-ю отд. табл. Сергіевъ-Посадъ. 1914. Тип. Св.-Тр. Сергіевой Лавры. 8⁰ (17 × 25). XXI + 445 стр. Съ рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 600 экз.

Виноградовъ, Н. Н. Народная драма Царь Максимильянъ. Тексты, собранные и приготовленные къ печати. Съ предисловіемъ ак. А. И. Соболевскаго. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. XC, № 7. Спб. 1914. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8⁰ (17 × 24). 188 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 24 л. 715 экз.

Воскресенскій, Алексѣй. Свято-Троицкій Павло-Обнорскій третьеклассный общежительный мужской монастырь Вологодской епархіи. Историческій очеркъ 1414—1914. Вологда. 1914. Тип. П. А. Цвѣткова. 8⁰ (18 × 27). 223 + XV стр. Съ рис. Вѣсъ 21 л. 1.000 экз.

Въ память 300-лѣтія Николаевскаго собора въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ. 1614 — 9/V — 1914. М. 1914. Тип. А. Н. Иванова (Кузнецкій мостъ, 11). 16⁰ (11 × 17). 9 стр. + 4 листа рис. Вѣсъ 1 л. 10 000 экз.

Высоцкій, Н. Г. Матеріалы изъ исторіи духоборческой секты. Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. И. И. Иванова. 8⁰ (18 × 26). 56 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 9 л. 300 экз.

Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый Императорскимъ С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ. Вып. XXII. Спб. 1914. Тип. Синодальная. 4⁰ (26 × 35). 170 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 17 л. 300 экз.

Гангутская побѣда Петра Великаго. Спб. 1914. Тип. Экономическая (В. О., 14 лин., 5). 8⁰ (17 × 26). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Гусевъ-Оренбургскій. Курычанскіе прихожане. Собраніе сочиненій. Томъ X. Спб. 1914. Изд. издат. Жизнь и Знаніе (Фонтанка, 38). Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 16⁰ (12 × 19). 340 + 64 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 26 л. 5.200 экз.

Дрейеръ, В., фонъ. Разгромъ Болгаріи. Вторая Балканская война 1913 г. Спб. 1914. Изд. 3-е. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8⁰ (16 × 24). IV + 190 стр. съ 11 схемами и рис. Ц. 1 р. 65 к. Вѣсъ 29 л. 2.000 экз.

Дѣятельность Россійскаго Общества Краснаго Креста на Балканскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ 1912—1913 г.г. Литературно-статистическій очеркъ. Спб. 1914. Тип. Государственная. 4⁰ (24 × 31). XC + 460 стр. съ 72 фототип. и 17 автотип. Вѣсъ 4 ф. 31 л. 1.510 экз.

Евсѣевъ, И., проф. Острожская Библія 1581 г. въ старообрядческой перепечаткѣ. Москва, 7422 (1914)-го года. Спб. 1914. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8⁰ (15 × 23). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 25 экз.

Житіе, подвиги и чудеса Святителя Питирима, Епископа Тамбовскаго. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 18⁰ (12 × 18) 32 стр. Вѣсъ 1 л. 30.000 экз.

Житіе Преподобнаго Отца Нашего Іоанна Дамаскина. Спб. 1914. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (14 × 21). 19 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Жуковскій, В. А. Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть. Иллюстрированная библіотека соч. В. А. Жуковскаго № 11. М. 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. (Ваганьковскій пер., 9.). Тип. Мысль (Петровка, 17) 6⁰ (13 × 17). 144 стр. съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 10 л. 4.000 экз.

Журналы Императорской Академіи Художествъ въ 1913 году. Спб. 1914. Тип. Спб. Градоначальства (8 Рота, 20 б.). 8⁰ (17 × 25). XVI + 172 стр. Вѣсъ 30 л. 200 экз.

Записка Тамбовской ученой архивной комиссіи къ съѣзду 6 мая 1914 года. Тамбовъ. 1914. Тип. Н. Бердоносовъ и Сынъ. 8⁰ (18 × 26). 15 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Иванчинъ-Писаревъ, А. И. Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ“. Спб. 1914. Изд. Редакціи журнала Завѣты. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8⁰ (15 × 26). 244 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 3.100 экз.

Извѣстія Вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Вып. I. Вологда. 1914. Тип. Н. А. Цвѣтова. 8⁰ (17 × 25). VI + 96 стр. + 4 лист. рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 14 л. 1.000 экз.

Извѣстія Сарапульскаго земскаго музея. Вып. IV. М. 1914. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., с. д.). 16⁰ (17 × 23). 187 стр. + 5 табл. рис. Вѣсъ 20 л. 500 экз.

Историческое описаніе Свято-Троицкаго Анзерскаго скита на Анзерскомъ островѣ, съ приложеніемъ житія Преподобнаго Елеазара Анзерскаго, основателя Троицко-Анзерскаго скита. Спб. 1914. Изд. Соловецкаго монастыря. Тип. Синодальная. 8⁰ (15 × 21). 36 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Леонтій, митр. Мои замѣтки и воспоминанія. Автобіографическія записки. (От. изъ Богословскаго Вѣстника за 1913 и 1914 г.г.). Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Троице-Сергіевой Лавры. 8⁰ (16 × 24). 134 + II стр. Ц. 70 к. Вѣсъ 12 л. 300 экз.

Ливенъ, А. А., свѣтл. князь. Духъ и дисциплина нашего флота. I. Нашъ личный составъ до и во время войны. II. Военное воспитаніе. III. Состояніе духа и дисциплины въ нашемъ флотѣ. Заключеніе. Спб. 1914. Изд. 2-е, Морского Генеральнаго Штаба. Тип. Военная Императрицы Екатерины Великой (зданіе Главнаго Штаба). 8° (19 × 28). 92 стр. Съ портр. Вѣсъ 18 л. 4010 экз.

Малиновскій, І., проф. Лекціи по исторіи русскаго права. Вып. I. Введеніе. Литература. Источники. Исторія государственнаго права. Варшава. 1914. Тип. Русскаго Общества (пл. Св. Александра, 4). 8° (17 × 25). 293 стр. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 600 экз.

Молоствова, Е. В. Іеговисты. Жизнь и сочиненія кап. С. Ильина. Возникновеніе секты и ея развитіе. Записки Русскаго географическаго общества. Т. XXXVIII. Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (17 × 25). 298 стр. Съ 10 рис. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 1.400 экз.

Папковъ, А. А. Правда о церковномъ преобразованіи Петра Великаго. Спб. 1914. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8. (15 × 21). 36 стр. съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Профессоръ Василій Робертъ Вильямсъ. Къ двадцатипятилѣтію научной педагогической и сельскохозяйственной общественной дѣятельности. М. 1914. Изд. Студенч. Юбилейн. Комис. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 8° (17 × 25). 110 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 10 к. Вѣсъ 20 л. 2.000 экз.

Путеводитель по Соловецкимъ островамъ. Спб. 1914. Изд. 3-е. Тип. Синодальная. 16° (11 × 15). 109 + II стр. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Русскій Біографическій Словарь. Лабзина-Ляшенко. Спб. 1914. Изд. Импер. Русск. Историч. Об-ва. Тип. Главнаго Упр. Удѣловъ (Моховая, 40) 4° (20 × 28). 846 стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 3 ф. 28 л. 1.250 экз.

Смирновъ, Петръ, прот. Священная Исторія Новаго Завѣта. Спб. 1914. Изд. 24-ое. Тип. Т-ва Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (16 × 24) 167 × IV стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 19 л. 10.000 экз.

Спасскій, А., проф. Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени) Т. I. Тринитарный вопросъ. (Исторія ученія о Св. Троицѣ). Сергіевъ Посадъ. 1914. Изд. кн. маг. М. С. Елова, 2-е. Тип. Троице-Сергіевой Лавры. 8° (18 × 27). 648 + II стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 3 ф. 10 л. 2.200 экз.

Спутникъ-указатель по городамъ Поволжья, Ярославлю, Костромѣ, Н.-Новгороду, Ниж. Ярмаркѣ, Казани, Владиміру и др. Путеводитель, Торгово-Промышленная, Адресная и Справочная книга съ планами. Под. ред. П. Е. Навоева. Спб. 1914. Изд. издат. П. Е. Навоева (П. С. Большой пр., 63). Тип. Печатнаго Станка (Коломенская, 39). 8° (18 × 28). XXII + 15 + 38 + 96 + 15 стр. съ рис. и планами. Вѣсъ 24 л. 1.000 экз.

Шалыгинъ. А. Теорія словесности и хрестоматія. Спб. 1914. Изд. 4-е. Тип. А. Э. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 8°. (18 × 25). XVI + 256 стр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 7.000 экз.

Авенаріусъ, В. П. М. Ю. Лермонтовъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1914. Изд. Кн. маг. П. В. Луковникова (Лештуковъ пер., 2). Тип. Шмидтъ (Звенигородская, 20). 8⁰ (14 × 20). 63 стр. съ рис. и портр. + 1 портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 5.200 экз.

Балашевъ, И. О политикѣ Россіи въ послѣдніе вѣка и предстоящихъ ей задачахъ. Спб. 1914. Тип. Н. Евстифѣева. 4⁰ (22×28). 85 стр. Вѣсъ 15 л. 300 экз.

Брюсовъ, Валерій. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Т. III. Urbi et Orbi (Стихи 1901—1904 г.). Спб. 1914. Изд. Сиринъ. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 линія, 28). 8⁰ (17×25). 242+2 нен. стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 2.100 экз.

Брюсовъ, Валерій. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Т. XV. Театръ (Сцены будущихъ временъ). Путникъ (Психодрама). Протесилай умершій (Трагедія съ хорами). Амфитріонъ (Комедія Мольера). Пеллеасъ и Мелизанда (Драма М. Метерлинка). 1904—1912. Спб. 1914. Изд. Сиринъ. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 линія, 28). 8⁰ (17×25). 293+2 нен. стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 2.100 экз.

Вейхельтъ, К. О., Коваленскій, М. Н., Петрушевскій, В. А., Улановъ, В. Я. Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ и первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1914. Изд. Н. П. Карбасникова, 2-е испр. и доп. Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К⁰ (Екатерингофскій пр., 87). 8⁰ (16×25). 280+VI стр. Съ рис. и карт. Ц. 70 к. Вѣсъ 27 л. 10.200 экз.

Георгій Михайловичъ, Вел. Кн. Монеты царствованія Императора Петра I. Томъ II. Спб. 1914. Тип. А. Бенке (Новый пер., 2). f⁰ (31×42). 153 стр.+LV табл. рис. Вѣсъ 7 ф. 200 экз.

Гиро, П. Историческія чтенія. Греческая исторія. Частная и общественная жизнь грековъ. Перев. съ франц. Н. И. Лихаревой. Вып. V. Спб. 1914. Изд. тов. О. Н. Поповой (Гороховая, 51). Тип. Г. Шумахеръ и Б. Брукеръ (Екатерининскій кан., 94). 8⁰ (16×24). 157 стр. и 18 рис. Ц. 90 к. Вѣсъ 19 л. 4.000 экз.

Глубоковскій, Н. Н., проф. Высокопреосвященный Смарагдъ (Крыжановскій), архіепископъ Рязанскій († 1863, XI, II). Его жизнь и дѣятельность. Спб. 1914. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8⁰ (17×25). 558 стр. съ портр. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 200 экз.

Заборскій, Александръ. Наши писатели. Для учительскихъ семинарій и для старшихъ классовъ высшихъ начальныхъ училищъ. М. 1914. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (15×22). 171+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 16 л. 3.000 экз.

Загоскинъ, М. Н. Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году. (Безплатное приложеніе къ журналу „Воинъ и Пахарь“, вып. IV). М. 1914. Изд. и тип. журн. „Воинъ и Пахарь“ (Варварская пл., Дѣловой Дворъ). 8⁰ (22×15). 193+252 стр. Вѣсъ 5 л. 2.250 экз.

Изъ временъ чумачества на Украйнѣ. На пять минутъ впередъ. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 18⁰ (12×18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Коркуновъ, Н. М., проф. Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Спб. 1914. Изд. 4-е. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 линія, 28). 8⁰ (17×26). VI+502 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 15 л. 300 экз.

Костомаровъ, Н. И. Холуй. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія. Спб. 1913. Изд. 3-е В. Яковенко (Стремянная, 6). Тип. А. А. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 8⁰ (15×22). 180 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 14 л. 3.100 экз.

Кругловъ, А. В. Друзья-поэты. А. Н. Плещеевъ. Біографія и характеристика. (Безплатное приложеніе къ „Газеткѣ для дѣтей и юношества“ на 1914 годъ). М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8⁰ (15×21). 34 стр. съ рис. и портр. Вѣсъ 3 л. 7.000 экз.

Кругловъ, А. В. Друзья-поэты. Л. Н. Трефолевъ. Біографія и характеристика. (Безплатное приложеніе къ „Газеткѣ для дѣтей и юношества“ на 1914 годъ). М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер. 11). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8⁰ (14×21). 43 стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 7.000 экз.

Лебедевъ, П. Мученики. Историческій разсказъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси. Въ школѣ и дома. М. 1914. Изд. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9). Тип. Вильде (М. Кисловка, 3). 16⁰ (14×18). 40 стр. Съ рис. Ц. 12 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Лунинъ. Графъ Суворовъ Рымникскій. Великій русскій герой. М. 1914. Изд. Е. Коноваловой и К⁰. Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 18⁰ (12×18). 108 стр. Вѣсъ 4 л. 12.000 экз.

Погосскій, А. Александръ Васильевичъ Суворовъ, Генералиссимусъ русскихъ войскъ, его жизнь и побѣды. Составлено по исторіямъ Н. А. Полевого и графа Д. А. Милютина. Спб. 1914. Изд. 8-е. Тип. В. Безобразова и К⁰ (В. О., Большой пр., 61). 8⁰ (14×21). 72 стр. съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Поэма Полтава. Иллюстрированная Пушкинская библіотека. № 13. М. 1914. Изд. 7-е А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. 16⁰ (11×15) 75 стр. съ рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Русская исторія. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ, 2-е. Тип. Т-ва И. Н Кушнеревъ и К⁰ (Шименовская, с. д.). 8⁰ (18×26). 158 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 1.000 экз.

Труды Владимірской ученой архивной коммиссіи. Книга XV. Владиміръ. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (18×27). 8 + 12 + 35 + 18 + 39 + 28 + 156 + 15 + 34 + 34 + 15 + 22 + 160 + 40 + 45 + 33 + 80 стр. съ рис. Ц. 4 р. Вѣсъ 3 ф. 8 л. 500 экз.

Эсадзе. Скобелевъ въ Закаспіѣ. Очеркъ Ахалъ-Текинской экспедиціи 1880—1881 г.г. М. 1914. Тип. Я. М. Сарандинаки (Арбатъ, 29). 8⁰ (14×23). 128 стр. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Абраменко, Ѳ. Практическій синтаксисъ русскаго языка въ образцахъ и задачахъ. М. 1914. Изд. Т-ва В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ—24-е (Мясницкая, 5). Тип. П. П. Рябушинскаго. 8⁰ (15×23). 128 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 11 л. 60.000 экз.

Базилевичъ, В. М. Изъ исторіи Московско-Крымскихъ отношеній въ первой половинѣ XVII вѣка. Посольство Т. Я. Анисимова и К. Акинфіева въ Крымъ 1633—1634 г.г. Кіевъ. 1914. Тип. 2-й Артели (Владимирская, 43). 8⁰ (17×25). 23 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Великое чудо. Во время Божественной литургіи разступились стѣны храма и скрыли священника со святыми дарами. М. 1914. Изд. Л. С. Балашова (Цвѣтной бульв., 3/27). Тип. Ломоносовъ. f⁰ (35×54). 1 листъ съ рис. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Великое чудо во время крестнаго хода. М. 1914. Изд. Л. С. Балашова,

(Цвѣтной бульв., 3/27). Тип. Ломоносовъ. f⁰ (35 × 54). 1 листъ съ рис. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Галантъ, И. Арендовали-ли евреи церкви на Украйнѣ? Съ письмомъ И. М. Каманина. Кіевъ. 1914. Изд. 2-е. Тип. Работникъ (Крещатикъ, 7). 8⁰ (15 × 23). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Гоголь, Н. В. Майская ночь или утопленница. Повѣсть. Иллюстрированная Гоголевская библіотека. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной, 4-е (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 16⁰ (12 × 15). 50 стр. Съ рис. Ц. 7 к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Гуртикъ, Луи. Франція. Переводъ Н. Соболевскаго подъ ред. А. М. Эфроса. Всеобщая исторія искусствъ. М. 1914. Изд. Книгоизд. Проблемы эстетики М. Марекъ (Рождественскій бульв., 10). Тип. П. Рябушинскаго. 8⁰ (13 × 20). XIX + 524 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 3.000 экз.

Иванъ Грозный и его время. Для старшихъ. № 32. Библіотека новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М. 1914. Изд. 2-е и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16⁰ (13 × 17). 112 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 10.000 экз.

Иконникова, А. Царицы и царевны изъ Дома Романовыхъ (историческій очеркъ). Кіевъ. 1914. Изд. 2-е, дополн. Тип. акц. общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8⁰ (16 × 24). 125 + II стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 15 л. 425 экз.

Кванинъ, Семенъ. О письмахъ Чехова. (Уединенно вѣрующій, 1904—2—VII - 1914. М. 1914. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл.) Филипповскій пер., 11). 8⁰ (14 × 21). 32 стр. Складъ: кн. маг. Наука (Б. Никитская). Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 450 экз.

Князьковъ, С. Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени. Изъ прошлаго русской земли. Ч. IV. Спб. 1914. Изд. 2-е, испр. и доп., кн. маг. П. В. Луковникова (Лештуковъ пер., 2). Тип. Г. Шумахера и Б. Брукера (Екатерининскій кан., 94). 8⁰ (16 × 23). 648 стр. Съ портр. и рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 6.300 экз.

Кулаковскій, Юліанъ, проф. Прошлое Тавриды. Краткій историческій очеркъ. Кіевъ. 1914. Изд. Импер. Археологич. комиссіи. 2-е пер. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8⁰ (15 × 23). IV + 154 + 2 нен. стр. + 17 рис. + 3 карты. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 600 экз.

Культурно-историческій альбомъ. Древній міръ. Вып. II. Г. Ламеръ. Греческій міръ. Переводъ съ нѣм. Подъ ред. Д. Н. Егорова. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (15 × 21). 86 стр. съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 28 л. 3.000 экз.

Левитскій, А., свящ. Священная исторія Новаго Завѣта, изложенная по евангельскому тексту. Съ объясненіями и иллюстраціями. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8⁰ (16 × 24). 212 стр. съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Либровичъ, С. Ф. Живые примѣры. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Сказочная библіотека. Кіевъ. 1914. Изд. и тип. П. И. Бонадурера (Татарская, 35—37). 16⁰ (14 × 19). 153 + 36 нен. стр. съ рис. Вѣсъ 19 л. 3.000 экз.

Некрасовъ, А. Курсъ исторіи и теоріи искусствъ, читанный въ Московской Консерваторіи въ 1913- 14 академическомъ году. Вып. I. М.

1914. Тип. В. Н. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8⁰ (14 × 21). 55 стр. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Некрасовъ, А. Курсъ исторіи и теоріи искусствъ, читанный въ Московской Консерваторіи въ 1913—14 академ. году. Вып. III. М. 1914. Тип. В. Н. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8⁰ (14 × 21). 31 стр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Опись Штандартамъ и скобамъ штандартнымъ 9-го Гусарскаго Кіевскаго полка. Составлена въ 1914 г. Васильковъ. 1914. Тип. В. М. Рейнгольда. 4⁰ (22 × 28). 13 нен. стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Павлуцкій, Г. Г. О происхожденіи и развитіи Византійскаго искусства. Актовая рѣчь, произнесенная 26-го января 1914 года. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мариинговская, 6). 8⁰ (18 × 25). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 150 экз.

Питиримъ-цѣлитель. Тамбовъ. 1914. Изд. Тамбовск. религ.-просв. Братства. Тип. П. С. Москалева. 8⁰ (17 × 26). 2 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 50.000 экз.

Покровскій, Н. В., проф. Древняя Софійская ризница въ Новгородѣ. II. Спб. 1914. Тип. Синодальная. 4⁰ (27 × 36). 35 стр. + XVII табл. рис. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 200 экз.

Преподобный Лукіанъ священномученикъ. Свѣтъ Печерскій. Кіевъ. 1914. Изд. и тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры, 2-е. 8⁰ (15 × 23). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Приложеніе къ „Вѣстнику Археологіи и Исторіи, издаваемому Императорскимъ С.Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ". Вып. XXII. Таблицы фототипій къ ст. Н. В. Покровскаго „Древняя Софійская ризница въ Новгородѣ". Спб. 1914. Тип. Синодальная. 4⁰ (29 × 37). 17 табл. рис. Вѣсъ 21 л. 300 экз.

Пушкинъ, А. С. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ. Библіотека новой школы. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.), 4-е. 16⁰ (13 × 17). 32 стр. съ рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Дубровскій. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 18⁰ (12 × 18) 96 стр.

Св. свм. и исповѣдникъ Ермогенъ, святѣйшій патріархъ Московскій, великій молитвенникъ и чудотворецъ всероссійскій. М. 1914. Изд. Варнавинск. общ. трезвости. Тип. Русск. печатня (Б. Садовая, 14). f⁰ (36 × 54). 1 листъ. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Смирновъ, Петръ, прот. Священная Исторія Ветхаго Завѣта въ объемѣ гимназическаго курса. Спб. 1914. Изд. 24. Тип. Спб. Т-ва Печ. и Изд. Дѣла Трудъ (Кавалергардская, 40). 8⁰ (15 × 23). 208 стр. Съ рис Ц. 60 к. Вѣсъ 21 л. 15.000 экз.

Таевъ, А. Пасха. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св. Троицкой Сергіевой Лавры. 8⁰ (16 × 23). 60 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Толстой, Л. Н. Басни. Книжна для чтенія на второмъ году обученія. XXVII. Библіотека Новой школы. Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М. 1914. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16⁰ (13 × 17). 32 стр. съ рис. Ц. 2 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Тургеневъ, И. С. Бирюкъ. Разсказъ. Доступная библіотека. № 8. Спб. 1914. Изд. и тип. И. Глазунова (Казанская, 8), 10-е. 16⁰ (14 × 18). 15 + XII стр. съ рис. Ц. 8 к. Вѣсъ 3 л. 15 000 экз.

Тургеневъ, И. С. Бѣжинъ лугъ. Разсказъ. Доступная библіотека. № 6. Спб. 1914. Изд. и тип. П. Глазунова (Казанская, 8), 13-е. 16°(14×18). 34+XII стр. съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 15.000 экз.

Тургеневъ, И. С. Льговъ. Разсказъ. Доступная библіотека. № 5. Спб. 1914. Изд. и тип. И. Глазунова (Казанская, 8), 8-е. 16° (14×18). 20+XII стр. съ рис. Ц. 8 к. Вѣсъ 3 л. 15.000 экз.

Тургеневъ, И. С. Стучитъ! Разсказъ. Доступная библіотека. № 11. Спб. 1914. Изд. и тип. И. Глазунова (Казанская, 8), 6-е. 16° (14×18). 23+XII стр. съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 15.000 экз.

Фотинскій, О. А. Очеркъ исторіи Волынскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства за пятьдесятъ лѣтъ его существованія (1864—1914). Житоміръ. 1914. Тип. насл. М. Денемана (Михайловская, 6). 8° (16×24). 138+55 стр.+2 табл. Вѣсъ 24 л. 300 экз.

Чистяковъ, В. Памяти старца (по личнымъ воспоминаніямъ) (Отъ. изъ „Богословскаго Вѣстника“. Апрѣль 1914 г.). Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Троице-Сергіевой Лавры. 8° (17×24). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

А. В. Разсказы о русскихъ самоучкахъ. Вып. II. Содержаніе: Ломоносовъ, Слѣпушкинъ, Кольцовъ, Никитинъ, Суриковъ и Дрожжинъ. М. 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е (Ваганьковскій пер., 9). Тип. Моск. Печатное Пр-во В. Венгерова. 8° (15×23). 64 стр. съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 6,000 экз.

Австро-Венгерская армія. Уставъ пѣхотныхъ пулеметныхъ отдѣленій. Перевели съ нѣмецкаго: Фонъ-Нидермиллеръ и Бенкендорфъ. Zu E—3. Кіевъ. 1914. Тип. Окружнаго Штаба (Банковая, 11). 16° (12×17). 112 стр.+1 табл. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Айхенвальдъ, Ю. Споръ о Бѣлинскомъ. Отвѣтъ Критикамъ. М. 1914. Тип. Мысль (Петровка, 17). 8° (19×24). 100 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 15 л. 1.200 экз.

Аксаковъ, С. Т. Дѣтскіе годы Багрова—внука, служащіе продолженіемъ Семейной хроники. М. 1914. Изд. книгоизд. К. И. Тихомирова (Кузнецкій Мостъ). Тип. Земля (1-Мѣщанская, 5). 8° (16×23). IV+282 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 26 л. 3.000 экз.

Александровъ, Я. А. Чайка русской сцены. Театрально-литературные очерки. Казань. 1914. Тип. Я. Н. Подземскаго. 8° (14×21). 87 стр. Вѣсъ 11 л. 200 экз.

Альманахи Издательства Альціона. Книга первая. Валерій Брюсовъ. Четыре стихотворенія М. Кузьминъ. Принцъ съ мызы Викторъ Мозалевскій. Исчезнувшая мечта. Борисъ Садовской. Игоревъ сокольникъ. Любовь Столица. Нѣжная княжна. А. Топорковъ. Геката. Югурта. Сомнѣнія и надежды. Владиславъ Ходжевичъ. Русская поэзія. Маріэта Шагинянъ. Письма о музыкѣ. Георгій Якуловъ. Дневникъ художника. М. 1914. Изд. 2-е. Тип. Русск. тов. (Чистые Пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (20×25). 239+5 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 1.400 экз.

Анекдоты, шутки и выходки Балакирева, придворнаго шута Петра Великаго. Въ двухъ частяхъ. Часть I. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 18° (12×19). 93+1 нен. стр. Вѣсъ 4 л. 30.000 экз.

Бернацкій, Н. Событія въ Вильнѣ во время Отечественной Войны.

Вильна. 1912. Изд. Вилен. кружка Ревн. пам. 12 года Тип. Штаба Виленскаго военнаго округа. 8⁰ (15 × 21). 164 стр. Вѣсъ 15 л. 1.000 экз.

Богусловскій, Е. Торжество христіанства при Константинѣ Великомъ. (Къ 1800-лѣтію Миланскаго эдикта). Кіевъ 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Караваевская, 5). 8⁰ (17 × 26). 19 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

В. К. Отношеніе къ нѣмцамъ замѣчательныхъ русскихъ людей. М. 1914. Тип. Печатникъ (Хапиловская, 54). 16⁰ (15 × 19). 54 стр. Вѣсъ 8 л. 500 экз.

Васильевъ, А. К. Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Курсъ IV кл. мужскихъ гимназій. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (16 × 24). 219 стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 22 л. 6.000 экз.

Волкова, Е. Первый русскій печатникъ. Историческій разсказъ изъ временъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Книжка за книжкой, кн. 166-я. Спб. 1914. Тип. Н. Я Стойковой (Знаменская, 27). 16⁰ (13 × 19). 39 стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 3 л. 5.150 экз.

Гераклитовъ, А. А. Саратовская губернская ученая архивная комиссія. Опись документовъ и дѣлъ историческаго архива. Вып. I. Дѣла Сенатскія. Саратовъ. 1914. Изд. Учен. Архив. Комиссіи. Тип. Союзъ печат. дѣла. 8⁰ (18 × 27). X + 426 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 700 экз.

Диль, Шарлъ. Византійскіе портреты. Томъ I. Вып. 2. Четыре брака Льва Мудраго. Ѳеофано. Зоя Багрянородная. Византійская семья средняго класса въ XI ст. Анна Делассена. Переводъ съ франц. С. Антикъ. Универсальная библіотека. М. 1914. Изд. к-ва Польза В. Антикъ и К⁰. (Козицкій пер., 2). Тип. Мысль (Петровка, 17). 16⁰ (9 × 14). 162 + 5 нен. стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 10.200 экз.

Диль, Ш. Византійскіе портреты. Вып. 2. Переводъ М. Безобразовой подъ редак. и съ предисл. П. Безобразова.. М. 1914. Изд. кн-ва М. и С. Сабашниковыхъ (Тверской бульв., 6). Тип. В. Воронова (Моховая. д. кн. Гагарина). 16⁰ (12 × 19). VII + 393 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 31 л. 3 000.

Досевъ, Христо. Вблизи Ясной Поляны (1907—1909 г.г.). Всемірная библіотека въ память Л. Н. Толстого. М. 1914. Изд. Посредника (Арбатъ, 36). Тип. Русск. Т-ва (Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8⁰ (15 × 21). 96 стр. Съ портр. Ц. 45 к. Вѣсъ 10 л. 3.200 экз.

Дучинскій, Н. Русская исторія. Курсъ элементарный. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ рисунками. (Составлена примѣнит. къ программамъ по исторіи, утвержден. Министерствомъ Народн. Просвѣщ. 13-го іюля 1913 г.). М. 1914. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (16 × 24). 179 + II стр. Съ рис. + 3 карты. Ц. 60 к. Вѣсъ 18 л. 10.000 экз.

Дучинскій, Н. Родная исторія. Учебникъ по русской исторіи для начальныхъ училищъ. М. 1914. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (14 × 21). 163 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 10.000 экз.

Записка о новооткрытыхъ въ предмѣстьи гор. Кіева—„Звѣринцѣ“ древнихъ иноческихъ пещерахъ“. Кіевъ. 1914. Тип. 1-ой Кіев. Артели, Печ. Дѣла (Трехсвятит., 5). 8⁰ (16 × 24). 15 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 2.000 экз.

Записки Императорскаго Московскаго Археологическаго Института

Императора Николая II, изд. подъ ред. А. И. Успенскаго. Т. XXXII, посвященный ознаменованію чествованія 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. А. И. Успенскій. Царскіе иконописцы и живописцы, XVII вѣка. Т. III. М. 1914. Тип. А. Снѣгиревой. 4° (27×36) 400+II стр.+45 фототипій. Вѣсъ 6 ф. 8 л. 500 экз.

Извѣстія Калужской ученой архивной комиссіи. Вып. XXII. Изд. подъ ред. В. И. Ассонова. 1913 годъ. Калуга. 1914. Тип. Е. Г. Архангельской 8° (16×25). 32+31+26+40+38+28+14+20+10+10+15+9 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 250 экз.

Городецкій, Н. Н., Дворниковъ, П. Ѳ., Дмитріевъ, С. А. Заборскій. А. П., Касаткинъ, Н. В., Корольковъ, А. Е. Крестовъ, В. К., Семеновъ, М. С., Толстой, А. С., Тулуповъ, Н. В., Изъ родной литературы. Младшій возрастъ. Часть 1. М. 1914. Изд. 4-е. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Якиманка, д. Кириллова). 8° (16×23). 452 стр. съ рис. Ц. 90 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 10.000 экз.

Ильинскій, Павелъ, свящ. Какой былъ первоначальный верхъ Золотыхъ воротъ. (Отд. отъ изъ XV кн. „Труд. Владим. Учен. Арх. ком.“). Владиміръ. 1914. Тип. Губ. Правл. 8° (17×25). 8 стр.+3 листа, рис. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Іезуитизмъ и іезуиты (по Ю. Ѳ. Самарину). Религіозно-философская библіотека. Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. И. Иванова. 16° (12×18). 139 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 11 л. 2.400 экз.

Князь Серебрянный. Историческій романъ изъ временъ княженія Іоанна Калиты. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая с. д.). 16° (12×18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 30.000 экз.

Ковалевскій, М. О. Исторія древняго міра. Для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій. Казань. 1914. Изд. Кн. маг. М. А. Голубева. Тип. Университета. 8° (17×25). 166 стр. съ 3 историч. карт. Ц. 80 к. Вѣсъ 20 л. 8 600 экз.

Колесниковъ, Ф. И. Древнія рукописи. Отъ памятника старины до историческаго источника. (Актовая рѣчь въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ институтѣ Имени Императора Николая II, 22 сентября 1913 года. (Изъ отчета Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II). М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8° (18×27). 32 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Красноперовъ, П. Д. Поэты изъ народа. Стихотворенія. Подъ ред. Н. И. Новикова. Сарапулъ. 1914. Изд. Д. А. Двинскихъ. Тип. Л. Ф. Пѣшехонова. 8° (17×25). 30 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Кругловъ, А. В. Маленькимъ читателямъ. Разсказы въ прозѣ и стихахъ. Для домашняго и школьнаго чтенія. Концертъ маленькой скрипачки. Проказы Муськи. Обманувшаяся Лиса. Испытай самъ! Какъ погибла Марья Ивановна. Медвѣдь Проказникъ. Что подарила Анюта. Съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. М. 1914. Изд. 3-е. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К°. (Пименовская, с. д.). 8° (15×22). 46+II стр. съ рис. Адресъ склада: Кн. маг. В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова (Моховая, д. Варваринск. акц. об-ва). Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 5.025 экз.

Кругловъ, А. В. Пріятный мужикъ. Разсказъ. М. 1914. Изд. М. Д. Ефимовой, 4-е. Тип. А. П. Поплавскаго. 8° (15×22). 24 стр. Адресъ склада: кн. маг. А. Д. Друтманъ (Арбатъ, 35). Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Культурно-историческій альбомъ. Ламеръ, Г. Вып. II. Древній міръ. Римскій міръ. Перев. съ нѣмецк. Д. Г. Зандбергъ. Подъ ред. Ц. Н. Егорова. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (14 × 20). 96 лист. рис. + 84 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Лависсъ, Э. и Рамбо, А. Эпоха крестовыхъ походовъ. Переводъ М. Гершензона. Съ предисл. А. Н. Савина. Часть I и II. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, 2-е Тверской бул., 6). Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 8° (15 × 22) 444 + 456 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 3.000 экз.

Ландау, Л. А., д-ръ. Графъ Л. Н. Толстой. Анализъ его психической жизни и литературныхъ типовъ. 1. Типы воспитателей и учителей стр. 65—96. 2 гл. Гувернеры, гувернантки и домашн. учителя (окончаніе). 65—67. 2 гл. Университ. профессора. 68—93. 3 л. Учителя школы въ Ясной Полянѣ. 93—96. 2. Матеріалъ для психіатрическ. анализовъ. VI. Къ восп. о. п.-д. п.-м. ак. Н. И. Бочарова. Стр. 27—31. VII. Къ обвин. Бейлиса въ рит. убійствѣ. 32—35. VIII. Искусств. навязч.—насильствен. психозы. 36—44. IX. Типъ вынужд. преступниковъ. 44. 3. Изъ прошлаго о. Сахалина. 1. Собственноручныя записи въ моихъ тетрадяхъ. (Продолженіе). Стр. 25—28. 2. Мои записки по разспросамъ. 28—38. (Психіатрическіе анализы. IX—X). Апрѣль. 1914. Юрьевъ 1914. Тип. Т-ва Постимесъ. 16° (13 × 19). 65 — 96 + 27 — 44 + 25 — 38 + 4 нен. стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Лекція по Римской исторіи. Кіевъ. 1914. Изд. слушательн. Кіевск. Высш. Жен. Курсовъ Тип. Трудъ М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8° (19 × 27). 125 стр. Вѣсъ 22 л. 110 экз.

Лекція пособіе по исторіи Новой философіи. Кіевъ. 1914. Изд. слушательн. Высш. Жен. Курсовъ Въ Кіевѣ. Тип. Трудъ. М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8° (18 × 28). 158 стр. Вѣсъ 25 л. 250 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Ашикъ-Керибъ. Турецкая сказка. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. Библіотека новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 26. М. 1914. Изд. 3-е и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (13 × 17). 23 стр. Ц. 3 к. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя сочиненія. Съ біографіей. Составилъ Д. К. Тихомировъ. М. 1914. Изд. Кн-ва К. И. Тихомирова (Кузнецкій мостъ, д. Захарьина), 4-е. Тип. Русск. Т-ва (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (16 × 23). II + 292 стр. съ рис. + 1 портр. Ц. 75 к. Вѣсъ 28 л. 10.000 экз.

Мартыновъ, П. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго Дворца. Томъ VI. Архивы С. А. Пантусова и А. С. Волкова. Симбирскъ. 1914. Изд. губ. ученой архивной комиссіи Тип. Н. П. Сидневой и К°. 8° (16 × 24). 312 + XVIII + XIV стр. Вѣсъ 26 л. 500 экз.

Мериме, Просперъ. Коломба. Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. Подъ ред. С. А. Манштейна, Спб. 1914. Изд. С. А. Манштейна, 2-е. Тип. Треніке и Фюсно (Максимиліановскій пер., 13). 8° (13 × 18). III + 160 + 142 стр. Складъ у Я. Башмакова и К°. (Итальянская, 31). Ц. 60 к. Вѣсъ 19 л. 2.000 экз.

Московскій Городской Народный Университетъ имени А. Л. Шанявъ-

скаго 1914 — 1915 академическій годъ. М. 1914. Тип. Городская. 8° (15 × 22). 46 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 6.000 экз.

Нечволодовъ, Александръ. Сказанія о русской землѣ. Часть 4-я. Спб. 1914. Тип. Государственная. 8° (17 × 25). 639 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 10.000 экз.

Орловскій, И. И. Смоленскъ въ исторіи дома Романовыхъ. Смоленскъ. 1914. Изд. Смоленской Ученой Архивной Комиссіи. 2-е. Тип. Губернская. 8° (17 × 26) 53 стр. Вѣсъ 8 л. 800 экз.

Орловъ, Василій, прот. Историческое описаніе Серапіоновой Пустыни. Владиміръ. 1914. Тип. И. Коиль. 8° (17 × 26). 12 стр. Вѣсъ 3 л. 1.420 экз.

Пушкинъ, А. С. Кавказскій плѣнникъ. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. (Библіотека новой школы подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова № 32). М. 1914. Изд. и тип. т-ва. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.), 3-е 16° (13 × 18). 32 стр. съ рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Святые Апостолы Петръ и Павелъ. Свѣтъ Печерскій. Кіевъ. 1914. Изд. и тип. Кіево-Печерск. Успен. Лавры. 3-е. 8° (15 × 23). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 11.000 экз.

Симбирская церковная старина. Вып. 1-й Подъ ред. А. Ѳ. Жукова Симбирскъ. 1914. Изд. Епархіальнаго церковнаго археол. об-ва. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17 × 24). 6 + 72 + 2 стр. Съ рис. Вѣсъ 16 л. 1.000 экз.

Скворцовъ, И. В. Учебникъ русской исторіи. Ч. I. Отъ начала Руси до Іоанна IV. Для среднихъ учебныхъ заведеній. (Курсъ 4-кл. муж. гим.). М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.), 4-е. 8° (15 × 23). 149 стр. + 3 карты. Ц. 50 к. Вѣсъ 19 л. 1.000 экз.

Скворцовъ, И. В. Учебникъ русской исторіи. (Систематическій курсъ). Ч. II. Отъ Іоанна IV до Екатерины Великой для среднихъ учебныхъ заведеній. (Курсъ 5 кл. муж. гимназій). М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 4-е (Пятницкая, с. д.). 8° (15 × 23). 210 стр. Съ рис. + 2 карты. Ц. 60 к. Вѣсъ 24 л. 10.000 экз.

Скворцовъ, И. В. Учебникъ русскій исторіи. (Систематическій курсъ). Ч. III. Екатерина Великая—Александръ III для среднихъ учебныхъ заведеній. (Курсъ 6 кл. муж. гимназій). М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 4-е (Пятницкая, с. д.). 8° (15 × 23). 188 стр. Съ рис. + 2 карты. Ц. 60 к. Вѣсъ 22 л. 10.000 экз.

Смирновскій, П. Теорія словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной, 19-е (Лялинъ пер., соб. д.). Тип. Земля. 8° (15 × 23). 157 + III стр. Ц. 65 к. Вѣсъ 15 л. 15.000 экз.

Соколовъ, Н. Ив. и Пановъ, В. Н. Хрестоматія для приготовительныхъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. „Охота пуще неволи“. Развитіе самодѣятельности, наблюдательности, воображенія, творчества. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая с. д.). 8° (18 × 27). 248 стр. съ рис. Ц. 70 к. Вѣсъ 31 л. 10.000 экз.

Сперанскій, Аристархъ. Казанскіе татары. (Историко-этнографическій очеркъ). 1914. Изд. Духовной Академіи. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (17 × 25). 30 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Толстой, Л. Н. Историческіе разсказы. Книжки для чтенія на третьемъ году обученія. „Библіотека новой школы“. Подъ ред. Н. В.

Тулупова и П. М. Шестакова. № 42. М. 1914. Изд. 2-е и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (13 × 17). 39 + 1 нен. стр. Съ рис. Ц. 4 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Толстой, Л. Н. Чѣмъ люди живы. М. 1914. Изд. и тип. И-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 16° (12 × 18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 30.000 экз.

Ушинскій. К. Родное Слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ второй. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Спб. 1914. Изд. 128-е. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). и Шмидтъ (Звенигородская, 20). 8° (14 × 22). 188 + IV стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 15 л. 50.000 экз.

Чтенія въ Историческомъ О-вѣ Нестора-лѣтописца. Книга 24-я, вып. I. Издана подъ ред. Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы. Кіевъ. 1914. Изд. Совѣта Истор. О-ва Нестора-лѣтописца. М. Тип. Т. Мейнандера (Пушкинская 20). 8° (18 × 27). 73 + 98 + 16 + 32 + 81—112 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 410 экз.

Апостоловъ, Л. Я. Царствующій Домъ Романовыхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Рѣчь директора Ставропольскаго учительскаго института Л. Я. Апостолова, произнесенная на торжественномъ актѣ празднованія 300-лѣтняго юбилея Царствующаго Дома Романовыхъ 21-го февраля 1913 г. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь. 1913. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 27). 12 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Военная энциклопедія. Подъ ред. К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго и др. Томъ XXXI (Минный офицерскій классъ—Мурвіердо). Спб. 1914 Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (19 × 28). 320—480 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 4.000 экз.

Военная энциклопедія. Подъ ред. К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго и др. Томъ XXXII (Мурвіедро—Нисса). Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (19 × 28). 480—640 + 7 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 4.000 экз.

Дюшенъ, Э. Поэзія М. Ю. Лермонтова въ ея отношеніи къ русской и западно-европейскимъ литературамъ. Перев. съ франц. В. А. М-ой и Б. В. Зевалина, подъ ред. П. П. Миндалева. Казань. 1914. Изд. кн. маг. Голубева. Тип. Торг. Дома „Еремѣевъ и Шашабринъ“. 8° (15 × 23). 176 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 23 л. 2.400 экз.

Ермоленко, М. І. Могилы сѣдой старины Нальчикскаго округа, Терской области. II. Памятники древняго христіанства на Кавказѣ. III. Преданіе о Кабардинцахъ Сѣвернаго Кавказа. Труды Ставропольской ученой архивной коммиссіи Ставрополь. 1913. Тип. Губ. правленія. 8° (17 × 26). 4 + 3 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. Редакція П. Е. Щеголева. Вступительная замѣтка Е. А. Ляцкаго. Библіотека мемуаровъ. Спб. 1914. Изд. „Огни“. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (15 × 22). XI + 278 стр. + 1 портр. Складъ: „Жизнь и Знаніе“ Фонтанка, 98, кв. 9. Ц. 2 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 3.050 экз.

Зюзинъ, Н. И. Каталогъ цѣнъ на всѣ русскія монеты съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ, съ подробными историческими свѣдѣніями появленія, развитія способовъ чеканки, различія и опредѣленія цѣнности и годности. Брестъ-Литовскъ. 1914. Тип. Н. Л. Ракова. 8° (22 × 28). 35 стр. Вѣсъ 6 л. 2.000 экз.

Казанскій, Іоаннъ, свящ. Исторія христіанской церкви. Тула.

1914. Изд. и тип. Д. И. Фортунатова, насл. (Кіевская), 8-е. 8° (17×25). 148+IV стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 10 л. 2.000 экз.

Князьковъ. С. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный и его время. Спб. 1914. Изд. П. Луковникова, 4-е, испр. и доп. (Лештуковъ пер., 2) Тип. „Энергія" (Загородный пр., 17). 8° (14×20). 128 стр. Съ 26 рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 11 л. 6.000 экз.

Красновъ, М. Историческая справка. Къ двадцатипятилѣтію общества для содѣйствія распространенію народнаго образованія въ гор. Ставрополѣ. Труды Ставропольской ученой Архивной комиссіи. Ставрополь. 1913. Тип. Губ. правленія. 8° (18×26). 69 стр. Вѣсъ 9 л. 200 экз.

Любимовъ, С. В. 200-лѣтній юбилей Императорскаго Ботаническаго Сада Петра Великаго. Спб. 1914. Изд. Имп. ботан. сада Петра Вел. Тип. К. Маттисевъ (Юрьевъ). 8° (23×29). 200 стр. съ рис. +5 лист. рис. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 200 экз.

Нечволодовъ, Александръ. Сказанія о русской землѣ. Часть вторая. Спб. 1914. Изд. 3-е. Тип. Государственная. 8° (17×26). 487 стр.+ 1 табл. +1 карта. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 10.000 экз.

Нечволодовъ, Александръ. Сказанія о русской землѣ. Часть третья. Спб. 1914. Тип. Государственная. 8° (17×26). 336 стр. Съ рис.+ 1 карта. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 10.000 экз.

Покровскій, В. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1914. Изд. 4-е доп. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер. с. д.). 8° (17×26). 2 неп. +316 стр. Складъ: Кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, д. Варваринск. Акц. об-ва). Ц. 60 к. Вѣсъ 30 л. 3.000 экз.

Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Т. I. М. 1914. Изд. Т-ва „Міръ". Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (19×27). XI+128 стр.+7 иллюстр. Вѣсъ 30 л. 6.000 экз.

Старая Москва. Подъ ред. Н. Н. Соболева. Вып. второй. М. 1914. Изд. Комиссіи по изуч. старой Москвы при Импер. Моск. Археол. об-ствѣ. Тип. Русскаго Товарищества (Мыльниковъ пер., соб. д.). 8° (18×26). 134 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 600 экз.

150 лѣтъ Никольско-Бахметевскаго хрустальнаго завода князя А. Д. Оболенскаго. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (17×22). 39 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Толстой, Л. Н., гр. Педагогическія сочиненія. Подъ ред. и съ прилож. критическаго очерка П. А. Буланже. Съ портретомъ гр. Л. Н. Толстого. М. 1914. Изд. К. И. Тихомирова. Тип. Н. И. Гросманъ и Г. А. Вендельштейнъ (Армянск. п.). 8° (16×32). VI+ 671 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 2.000 экз.

Торжественное собраніе Виленской Коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ 17-го апрѣля 1914 г. (По поводу 50-лѣтія существованія). Вильна. 1914. Тип. І. Завадскаго. 8° (21×29). 29 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

430 засѣданіе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 26 марта 1914 года. Одесса. 1914. Тип. Хрисогелоса. 8° (28×30). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Шамурины, Ю. и З. Современная Россія. Выпускъ первый. Третьяковская галлерея. М. 1914. Изд. т-ва „Образованіе". Тип. Русск.

товарищ. (Чистые пруды, с. д.). 4° (24 × 33). 63 стр. + 12 рисунк. на отд. листахъ. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 3.000 экз.

Энциклопедическій словарь т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Подъ ред. профессоровъ: В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева. Томъ 24-й. Кауфманъ-Кондаковъ. Спб. 1914. Изд. т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“, 8-е, переработ. Тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (17 × 25). 640 столбц. съ рис. Адр. склада и изд.: Москва, Тверской бульваръ, 15. Ц. 3 р. 30 к. Вѣсъ 2 ф. 15.500 экз.

Батовъ, Д. В. Отвергнутыя преданія древней церкви. („Реформы“ Никона и его послѣдователей). Библіотека поморскихъ писателей в. IV Саратовъ. 1914. Тип. Сотрудникъ школы. 16° (12 × 17). 18 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Верещагинъ, А. Къ 35-ти лѣтію Сопкинскаго однокласснаго училища Валдайскаго уѣзда 17 сентября 1878 г. — 17 сентября 1913 г. Крестцы. 1914. Тип. Бр. Б. и А. Шейдиныхъ. 8° (16 × 22). 32 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Вороновичъ, Н. Генералъ-Фельдмаршалъ Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Спб. 1914. Тип. Д. Семенюкова (ул. Гоголя, 8). 8° (14 × 22). 16 стр. + 2 портр. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Гончаровъ, В. Гангутскій бой 27-го іюня 1714 г. Къ 200-лѣтнему юбилею морской побѣды при Гангутѣ. Спб. 1914. Тип. С. М. Проппера (Галерная ул., 40). 8° (16 × 22). 24 стр. Съ рис. + 8 стр. рис. + 2 стр. карты. Вѣсъ 4 л. 200.000 экз.

Евангуловъ, Г. Г. Мѣстная реформа на Кавказѣ. Спб. 1914. Тип. Т-ва А. С. Суворина „Новое Время“ (Эртелевъ, 13). 8° (16 × 24). 67 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 600 экз.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Импер. Спб. Университ., издаваемый подъ ред. Н. И. Карѣева. (1914 г.). Томъ 19. Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О. 5 линія, 28). 8° (16 × 26). 173 + 39 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 20 л. 600 экз.

Мазонъ, А. А. Страничка изъ исторіи русской цензуры въ концѣ 50-хъ годовъ Харьковъ. 1914. Тип. „Печатное Дѣло“. 8° (17 × 25). 9 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Мироновъ А. И., проф. Исторія христіанскаго искусства. (Конспектъ лекцій). Казань. 1914. Изд. автора, на правахъ рукописи. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 198 стр. Вѣсъ 25 л. 1.250 экз.

Нечволодовъ, Александръ. Сказанія о русской землѣ. Часть первая. Спб. 1914. Изд. 4-е. Тип. Государственная. 8° (17 × 25). VII съ рис. + 314 стр. съ рис. + 1 карта. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 10.000 экз.

Овсяниково-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ VIII. Исторія русской интеллигенціи. Часть вторая. Отъ 50-хъ до 80-хъ годовъ. Спб. 1914. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 5-е. Тип. М. Стасюлевича (В. О. 5 линія, 28). 8° (16 × 24). VIII + 276 стр. Складъ: М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 7.000 экз.

Псковская судная грамота. Спб. 1914. Изд. Императ. Археографической коммиссіи. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20 × 29). VIII + 28 стр. + 17 таблицъ. Ц. 2 р. Вѣсъ 21 л. 3.000 экз.

Пузановъ, В. В. Исторія 5-го Донского Казачьяго войсковаго атамана Власова полка. Саратовъ. 1913. Тип. П. С. Феокристова (Собор-

ная пл., с. д.). 4⁰ (26×34). 670+IV стр. съ рис.+5 картъ +2 портр. Вѣсъ 7 ф. 12 л. 500 экз.

Русская религіозная мысль. О вѣрующемъ разумѣ. (И. В. Кирѣевскій). М. 1914. Изд. Религіозно-филос. библіотеки. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8⁰ (16×21). 4 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Русская религіозная мысль. О цѣли образованія. (Н. И. Пироговъ). М. 1914. Изд. Религіозно-философской библіотеки. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8⁰ (16×21). 4 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Русская религіозная мысль. Понятіе о долгѣ. Подвигъ воли. (Ю. Ѳ. Самаринъ). М. 1914. Изд. Религіозно-философской библіотеки. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8⁰ (16×21). 4 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Русская религіозная мысль. Религія и нравственность. (Б. Н. Чичеринъ). М. 1914. Изд. Религіозно-философской библіотеки. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8⁰ (16×21). 4 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I вып. 3-й. Русская литература XVIII вѣка. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К⁰, 7-е. Тип. Андерсона и Лойцянскаго (Вознесен. пр., 53). 8⁰ (16×22). VIII+224 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. II, вып. 2-й. Русская литература, начало XIX в. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К⁰. Тип. Т-ва Андерсона и Лойцянскаго (Вознес. пр., 53). 8⁰ (18×23). VIII+189 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 21 л. 8.000 экз.

Соболевъ, П. Г. Спутникъ по Пскову и окрестностямъ. Библіотека „Вечерняго Времени“. Спб. 1914. Изд. Б. А. Суворина. Тип. Т-ва А. С. Суворина „Новое Время“ (Эртелевъ, 13). 16⁰. (13×18). 112 стр. Съ рис.+1 планъ. Ц. 1 р. Вѣсъ 11 л. 1.000 экз.

Сорокинъ, Питиримъ. Л. Н. Толстой, какъ философъ. Всемірная библіотека въ память Л. Н. Толстого. М. 1914. Изд. Посредника (Петровскія линіи) Тип. Русскаго Т-ва (Мыльниковъ пер. с. д.). 8° (15×21). 27 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Айвазовъ, И. Г. Церковные вопросы въ царствованіе Императора Александра III-го. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8⁰ (16×24). 83 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 100 экз.

Багалѣй, Дм., проф. Памяти Дмитрія Петровича Миллера. († 14-го іюня 1913 г.). (Отд. от. изъ V вып. „Вѣстника“ Харьковскаго Историко-Филологич. общества). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 4⁰ (21×30). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть первая: Пейзажная живопись. Вып. 13. Спб. Изд. „Шиповникъ“. Тип. „Сиріусъ“. 4⁰ (22×30). 193–272 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 10.000 экз.

Вакуловскій, А. Морской бой при Гангудѣ. Спб. 1914. Изд. Постоянной комиссіи народныхъ чтеній. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8⁰ (13×18). 46 стр. Съ 6 рис. Ц. 12 к. Вѣсъ 3 л. 6.000 экз.

Высочайшіе Манифесты, воспослѣдовавшіе по случаю нѣкоторыхъ важнѣйшихъ событій Государственной жизни въ царствованіе Императоровъ Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II. Спб. 1914. Изд. Канцеляріи Совѣта Министровъ. Тип. Государственная. 8⁰ (17×27). VII+191 стр. Вѣсъ 19 л. 100 экз.

Гусевъ, Петръ. Три новгородскія уничтоженныя церкви. Отд. от-

тискъ изъ Вѣстника Археологіи, вып. XXII Спб. 1914. Тип. Синодальная. 4° (20×28). 10 стр. Съ 3 рис. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Журналъ 116 засѣданія Тверской ученой архивной комиссіи 17 марта 1913 года. Подъ ред. И. А. Виноградова. Тверь. 1914. Тип. Н. М. Родіонова. 8° (17×26). 86 стр. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. Проф. М. М. Ковалевскаго, Проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Кн. XXIX. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9) Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (18×27). 273—381+16 стр.+3 рис. Вѣсъ 28 л. 5.100 экз.

Крюковскій, В. Я. Около Бурсы. Воспоминанія о Тамбовской духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ тогдашняго сельскаго духовенства. Свенцяны. 1914. Изд. Д. И. Лебединскаго. Тип. М. И. Магата. 8° (14×22). 78 стр. Вѣсъ 6 л. 1.500 экз.

Новиковъ, А. И. А. П. Чеховъ. Біографія, разборъ его главныхъ произведеній, темы и планы. Спб. Изд. Кн. Скл. А. И. Загряжскаго, 2-е (Васильев. Остр., Кадетск. лин., домъ № 29). Тип. „Улей“ (Кирпичный, № 3) и Борозина (Горохов., № 12). 8° (15 × 23). 52 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. М. Ю. Лермонтовъ. Къ столѣтію со дня рожденія великаго поэта. Спб. 1914. Изд. „Прометей“ Н. Н. Михайлова (Поварскій, 10—4). Тип. Т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×24). 141 стр.+1 портр. Ц. 90 к. Вѣсъ 17 л. 10.200 экз.

Орловъ, Ф. Легенда о митрополитѣ Филаретѣ въ Варшавѣ (1614—1914). По поводу брошюры М. П. Устимовича: „Митрополитъ Филаретъ и Царь Василій Шуйскій въ польскомъ плѣну“). Спб. 1914. Тип. А. С. Суворина „Новое Время“ (Эртелевъ пер., 13). 8° (13 × 20). 48 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Памяти Дмитрія Петровича Миллера. Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 4° (20 × 30). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Преображенскій, И. В. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, его личность и дѣятельность въ представленіи современниковъ его кончины. Съ портретомъ его и автографомъ. Спб. 1914. Изд. 2-е. Тип. „Колоколъ“ (Невскій пр., 127). 8° (17 × 25). 136 стр+V стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 15 л. 1.600 экз.

Россійскій Императорскій флотъ 1914 г. Подъ ред. К. Г. Житкова и Н. Н. Нордмана. Спб. 1914. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Тип. Акц. Общ. „Самообразованіе“ (Забалкан. пр., 75). 8° (14 × 19). 239 стр. Съ рис.+1 карта. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 30 л. 500 экз.

Семеновъ, Леонидъ. О „Хаджи-Муратѣ“ Л. Толстого. (Отд. от. изъ V вып. „Вѣстника“ Харьковскаго Историко-филологическаго общества). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 4° (21×30). 10 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Слабченко, М. Д. П. Миллеръ, какъ историкъ Украинскаго Права. (Отд. от. изъ V вып. „Вѣстникъ“ Харьковскаго историко-филологическаго общества). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (21×28). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Сперанскій, М., проф. Исторія древней русской литературы. Пособіе къ лекціямъ въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ въ

Москвѣ. М. 1914. Изд. 2-е. Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовск., с. д.). 8° (13×18). X+633 стр.+2 карты. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 3.000 экз.

Султановъ, С. С. Поэтъ книги (Д. В. Ульянинскій и его библіотека). М. 1914. Тип. Т-ва Рябушинскихъ. 8° (14 × 21). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 75 экз.

Феддерсъ, Г. Ю. Эволюція типа „страннаго человѣка“ у Лермонтова по его драматическимъ произведеніямъ, поэмамъ и роману „Герой нашего времени“ въ связи съ перепиской и мотивами личной жизни писателя. Опытъ психологическаго изслѣдованія. Нѣжинъ. 1914. Тип. Насл. В. К. Меленевскаго. 8° (17 × 26). 159 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 20 л. 360 экз.

Чешихинъ, В. Е. (Ч. Вѣтринскій). Пятьдесятъ лѣтъ жизни Нижегородскихъ земствъ. Очеркъ развитія земскаго хозяйства. Н.-Новгородъ. 1914. Тип. „Нижегород. печатн. дѣла“. 8° (18 × 26) VI + 228 стр. Съ 13 рис. и 4 табл. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 1.500 экз.

Чижовъ, С. Дополненіе къ иконографіи Александра I по медалямъ. М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (20 × 30). 23 стр. и 3 табл. съ рис. Вѣсъ 12 л. 90 экз.

Чижовъ, С. Малоизвѣстныя медали, относящіяся къ царствованію Императора Александра I. М. 1914. Тип. Синодальная. 4° (21 × 31). 31 стр. + XXI—XXIX табл. Вѣсъ 20 л. 90 экз.

Чоповъ, Е. Калмыки въ русской арміи XVII в., XVIII в. и 1812 годъ. Спб. 1914. Тип. Акц. Общ. Тип. Дѣла въ Спб. („Герольдъ“) Измайлов. пр., 7 рота, 26. 4° (22 × 29). IV + 63 стр. Съ 2 портр. Вѣсъ 28 л. 630 экз.

Шмитъ, Ѳ. И. Мозаики монастыря преподобнаго Луки. (Отд. отъ. изъ Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго общества въ честь проф. В. П. Бузескула). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17 × 25). 19 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Аваліани, С. Л. Графъ М. С. Воронковъ и крестьянскій вопросъ. Одесса. 1914. Тип. Хрисогелоса. 8° (21 × 29). 19 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Андреевскій, Э. С. Изъ архива К. Э. Андреевскаго. Записки. Томъ II. Подъ ред., съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Л. Аваліани. Одесса. 1914. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (18 × 27). 364 стр. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 1.000 экз.

Андріановъ, П. Походъ Румянцева къ Дунаю въ 1770 году (Ларго-Кагульская операція). Одесса. 1914. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (18 × 26). 46 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 5.000 экз.

Атласъ, Д. Памяти профессора-друга. (Отрывки изъ воспоминаній учащихся о проф. Ал. Андр. Павловскомъ). Одесса. 1914. Тип. „Техникъ“. 8° (18 × 26). 42 стр. Вѣсъ 8 л. 300 экз.

Біографіи. Чины Двора и Свита Ихъ Величествъ. Потомственное Россійской Имперіи дворянство. Именитое Россійской Имперіи купечество. Вып. I. М. 1914. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 4° (24 × 34). 39 нен. стр. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 400 экз.

Болсуновскій, К. В. Памятники славянской миѳологіи. Вып. II. Перуновъ дубъ. Кіевъ. 1914. Тип. С. В. Кульженко. (Пушкинская, 4, с. д.). 4° (25 × 35). 17 стр. Вѣсъ 9 л. 300 экз.

Бродъ, А. Къ пятидесятилѣтію земскихъ учрежденій 1864—1914. Очеркъ съ предисловіемъ Ю. Геркенъ. Казань. 1914. Изд. Казанской

Газеты губ. земства. Тип. Д. М. Гранъ. 8⁰ (16 × 24). 34 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 22.000 экз.

Васильевъ, М. По поводу статьи В. И. Огородникова „Изъ юбилейной литературы объ Отечественной войнѣ 1812 г.“. Казань. 1914. Тип. Университета. 8⁰ (17 × 25). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 30 экз.

Византійскій временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ. Томъ XX, вып. 2—3 (1913). Подъ ред. В. Э. Регеля. Спб. 1914. Тип. К. Маттисенъ (Юрьевъ). 8⁰ (18 × 26). 117—358 стр. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 500 экз.

Горшкевичъ, В. И. Херсонскій Городской Музей Древностей. Лѣтопись музея за 1912 годъ съ иллюстраціями. Выпускъ 4-й. Херсонъ. 1914. Изд. Городского Управленія Тип. О. Д. Ходушиной. 16⁰ (14 × 18). V + 71 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 1.400 экз.

Гришинскій, В. Памятка офицерской Стрѣлковой Школы 1864—1914. Составлена въ воспоминаніе о службѣ въ рядахъ учебнаго пѣхотнаго баталіона Императора Александра III и другихъ Августѣйшихъ особъ нынѣ Царствующаго Дома. Составлено при содѣйствіи И. Кузнецова и подъ общей ред. Начальн. Школы, Свиты Его Величества генер.-маіор. Новицкаго. Спб. 1914. Тип. Т-ва Голике и Вильборгъ (Звенигородская ул., 11). 8⁰ (18 × 26). 29 стр. и 21 стр. портретовъ и рис. Вѣсъ 25 л. 1.000 экз.

Дунаевъ, Б. И. Соловецкая Обитель. Культурно-историческій очеркъ. М. 1914. Тип. „Русскаго Товарищества“ (Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д.). 8⁰ (18 × 27), 13 стр. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Жданко, Ген.-Лейт. Памяти Адмирала Геннадія Ивановича Невельского. Владивостокъ. 1913. Тип. Стр. Отд. Влад. Порт. Конторы. 8⁰ (13 × 21). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Ильинскій, Л. Русская женщина XVIII в. въ литературныхъ мечтахъ и дѣйствительности. Казань. 1914. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8⁰ (17 × 26). 12 стр. Вѣсъ 1 л. 75 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1914 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

		стран.
I.	Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Сообщ. Е. С. М.	66—77, 249—268, 430—443
II.	Люди и нравы за полвѣка. Н. Морозова.	86—105, 207—228, 412—417
III.	Воспоминанія воспитанницы Патріотическаго института дореформеннаго времени. А. Лазаревой	229—248
IV.	Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. В. Г. Смородинова.	352—371, 488—553
V.	Межевой (изъ жизни землеустроителей 90-хъ годовъ). П. И. Соколова.	465—485

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

I.	Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 г.	
II.	Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 гг. (Съ примѣч. П. Д. Воейкова). Графа Н. П. Игнатьева	5—18, 195—206, 402—407
III.	Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ. Современное положеніе Асканія-Нова. П. Козлова.	19—38

СТРАН.

IV. Лирика Е. А. Боратынскаго. М. Л. Гофмана . . . . . 39—49
V. Къ 200-лѣтію Гангутской побѣды. Сообщ. В. Колюбакинъ . . . . . 50—62
VI. Изъ бытовой исторіи древней Руси. Н. Г. Высоцкаго . . . . . 63—65
VII. Блестящее дѣло, открывшее дорогу къ штурму Карса. М. Бѣлозерскаго . . . . . 78—85
VIII. Указъ о заготовкѣ провіанта въ началѣ Великой Сѣверной войны (1702). Сообщилъ Ив. Суворовъ . . . . . 106—109
IX. Лѣтопись и мысли стараго педагога Н. Якубовича . . . . . 110—180
X. Къ біографіи декабриста князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго. Н. А. Мурзанова. . . . . 181—189
XI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 1-го по 22-е мая 1914 г. . . 190—192
XII. Высочайшій манифестъ 20 іюля 1914 г. августов. кн. 1
XIII. Высочайшій манифестъ 26 іюля 1914 г. августов. кн. 3
XIV. Смольный институтъ и его роль въ исторіи женскаго образованія въ Россіи. Е. С. Шумигорскаго. . . . . 269—280
XV. Угличскій ссыльный колоколъ. Дм. Лаврова. . . . . 281—305
XVI. Основаніе Смольнаго монастыря. Ко дню 150-лѣтія со дня открытія Смольнаго института—4 августа 1764 г. Сообщ. Е. С. Шумигорскій. . . . . 306—351
XVII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 22-го мая по 14 іюня 1914 г. . . 372—384
XVIII. Къ портрету Министра иностранныхъ Дѣлъ Сергѣя Дмитріевича Сазонова. . . . . I—V
XIX. Изъ записной книжки „Русской Старины". Вступленіе на австрійскій престолъ императора Франца Іосифа со смертными приговорами возставшимъ венгерцамъ.—Слова Бисмарка о своемъ положеніи при вступленіи

СТРАН.

на престолъ императора Вильгельма II.— Послѣдній завѣтъ Бисмарка Вильгельму II.— Императоръ Вильгельмъ II и командиръ л.-гв. Павловскаго полка на Лейпцигскихъ торжествахъ 5 октября 1913 г. . . . . V1—VIII

XX. 153 года тому назадъ (Историческая справка). Сообщ. Л. Д. 387

XXI. Кто освободилъ Пруссію въ 1813 г.? Е. С. Шумигорскаго. . . . . 389—401

XXII. Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова. Сооб. А. А. Половцова . . . . . 408—411

XXIII. Письмо Императора Александра I къ неизвѣстному о пріѣздѣ въ Россію шведскаго короля Густава IV Адольфа. Сообщилъ В. Арсеньевъ. . . . . 418—419

XXIV. Историческая замѣтка о принятыхъ мѣрахъ осторожности по случаю открывшейся въ окрестностяхъ г. Одессы чумной заразы. Сообщ. М. М. Кіріаковъ . . . . . 420—429

XXV. Добрывичскій семейный архивъ Чихачевыхъ. Д. Н. Чихачева. . . . . 444—459

XXVI. Александръ Платоновичъ Барсуковъ. М. Барсукова . . . . . 460—464

XXII. Жрица чистаго искусства. Е. М. Бемъ. С. Лаврентьевой . . . . . 486—487

XXIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12-го іюня по 7-е августа 1914 г. 554—572

Приложенія.

I. Четыре рисунка къ статьѣ „Асканія-Нова“ въ ея прошломъ и настоящемъ (при 7-й книгѣ).

II. Портретъ Государя Императора (при 8-й книгѣ).

III. Портретъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны (тамъ же).

IV. Николаевскій Смольный институтъ (тамъ же).

V. Портретъ А. А. Половцова (при 9-й книгѣ).

VI. Портретъ Сергѣя Дмитріевича Сазонова (тамъ же).

Библіографическій листокъ.

1. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 144. Спб. 1914 г. (Матеріалы Екатерининской законодательной комиссіи. Часть XIII) (на обложкѣ іюльской книги).

2. Е. В. Тарле. Континентальная блокада. I. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Издательство „Задруга“ М. 1913 г. (тамъ же).

3. Русскіе граверы и литографы. Добавленіе къ „Словарю русскихъ граверовъ“ Ровинскаго и „Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій“. Тевяшова. Составилъ Н. Обольяниновъ. М. 1913 г. (тамъ же).

4. Н. Квашнинъ-Самаринъ. Княжья пѣснь. Историческая поэма въ 48 пѣсняхъ. Часть I. Спб. 1914 г. (тамъ же).

5. Отчетъ Имп. Россійскаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1912 г. и 1913 г. (тамъ же).

6. Н. П. Черепнинъ. Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ 1764—1914 г.г. Томъ первый. С.-Петербургъ. Государственная типографія 1914 г. (на обложкѣ августовской книги).

7. Д. И. Сосновскій. Охрана памятниковъ природы на Кавказѣ. (Записки Кавказскаго Отд. Императорскаго Русск. Географическаго Общества, кн. XXVIII. вып. 3. Тифлисъ. 1913) (тамъ же).

8. Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго. Т. I. Подъ редакціей и съ примѣчаніями М. Л. Гофмана. Изданіе Разряда изящной словесности Импер. Академіи Наукъ. Спб. 1914 г. (на обложкѣ сентябрьской книги).

9. Петровское. Очеркъ, составленный княземъ М. М. Голицынымъ. Изданіе „Русскія усадьбы“. Выпускъ 2. Спб. 1912. (тамъ же).

10. Русскія народныя сказки А. Н. Аѳанасьева. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Съ картинами А. Комарова и М. Щеглова. Изданіе четвертое, въ пяти томахъ. М. 1913 (тамъ же).

11. Юрій Крижаничъ. Экономическіе и политическіе его взгляды. Съ предисловіемъ В. И. Пичета. Издательство „Энергія“. Спб. 1914 (тамъ же).

12. М. А. Россійскій. Стихотворенія. М. 1913 (тамъ же).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

5 ЯНВ 1919
17 АВГ 1919
9 АВГ 1920

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1914 г.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **„Новое Время“**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ. № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1913 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., 7.

Редакторъ-издатель П. И. Вороновъ. Тип. П. Усова. Лермонтовскій пр., 28.